

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

4
2014

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2014

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

4.2014

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. Шолохова**

Издается с 2010 г.

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

mggu-sh.ru

Подписной индекс

83632

в основном каталоге
Роспечати

Редакционная коллегия

И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.А. Орлов (*зам. гл. редактора*),
Е.М. Копоть (*отв. секретарь*),
Е.В. Бродовская,
А.В. Миронов,
В.Д. Нечаев,
Дж. Савино,
А.Д. Эпштейн,
А.И. Юрьев

Электронная версия журнала:
mggu-sh.ru

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Лихачёв М.О.

Глобализация и Первая мировая война:
крах первой модели глобальной экономики. 5

Белов С.И.

Положение немецких военнопленных в России
в годы Первой мировой войны
(на материалах архивов Верхнего Поволжья). 16

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Захарчук О.Н.

Юго-Западное пограничье Российской империи
в планах Наполеона Бонапарта:
мифы и реальность советской историографии
(вторая половина 1920-х – середина 1980-х гг.). 21

Авидзба Р.Л.

Тайные десантные рекогносцировки
барона Ф.Ф. Торнау на Кавказ и в Абхазию 35

Ерохина О.В.

Участие немецких колонистов
в формировании промышленной базы
южнороссийского региона
во второй половине XIX – начале XX вв. 47

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Меликова К.А.

Конфуцианство и взаимоотношения поколений
в Древнем Китае 57

Калмыков В.С.

Рыцарский идеал войны и военное искусство
Западной Европы XIV–XV вв. 62

Буранок С.О.

Пёрл-Харбор и радиовещание США 7 декабря 1941 г. 73

Соболева М.А.

История развития Европейского Союза в 1946–2010 гг. 78

ПОЛИТОЛОГИЯ

*Миренкова Е.Г.*Факторный анализ гендерного неравенства
в политике Российского государства. 87*Фёдорова М.В.*Совершенствование подходов к формированию имиджа
Новосибирской области в сети Интернет 92

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

*Ковалёва О.В.*Роль православного духовенства Волыни и Ровенщины
в борьбе за культурные традиции, христианские ценности
и идеалы в современной Украине 100*Овсянников В.И.*Новая история стран Азии или история стран Азии в Новое время:
тезисы для дискуссии 108

НАШИ АВТОРЫ 113

CONTENTS 115

М.О. Лихачёв

Глобализация и Первая мировая война: крах первой модели глобальной экономики

В статье рассматривается первая модель глобальной экономики, возникшая в конце XIX – начале XX вв. Автор проводит сопоставление основных параметров глобализации мирового рынка в этот период с современным состоянием глобальной экономической системы. Центральным объектом анализа являются те социальные и экономические противоречия, которые в начале XX в. привели к разрушению глобальной экономической системы и развязыванию Первой мировой войны.

Ключевые слова: глобализация, промышленная революция, Первая мировая война, международная конкуренция, средний класс, национализм.

Первая мировая война традиционно рассматривается как событие, с которого начинается новейшая история человечества. Принято считать, что выстрелы, прозвучавшие в Сараево в июне 1914 г., разрушили «старый мир» и создали новую историческую реальность, из которой непосредственно выросла современная эпоха. Две мировых войны, «холодная война», бесчисленное множество революций, локальных войн и конфликтов, создание и гибель новых идеологий, государств и социально-экономических систем, – все это сформировало у современных интеллектуалов устойчивое сознание глобальности мира. Однако накануне 1914 г. мировая экономика была гораздо более глобальна, чем после Первой мировой войны. Только к концу XX в. она вновь достигла такой же степени взаимосвязанности и взаимозависимости. В этой перспективе прологом к современной эпохе представляется скорее период 1870–1914 гг. А последовавшая за ним «эпоха войн и революций» видится лишь краткой интерлюдией между двумя волнами глобализации.

Глобальная экономика XIX века

Индустриальная революция вызвала колоссальное увеличение объемов мирового производства и невиданные доселе темпы экономического роста. Особый размах этот процесс приобрел в конце XIX – начале XX вв. В период 1870–1913 гг. совокупный валовый внутренний продукт (ВВП) стран Западной Европы вырос примерно в 2,5 раза, США – в 5 раз, России и Японии – в 2,77 и 2,82 раза соответственно. Среднегодовые темпы роста ВВП в этот период составили: в Великобритании – 1,9%, во Франции – 1,6%, в Германии – 2,8%, США – 3,9%, в России и Японии – около 2,4% [16, с. 639–640]. Этот рост стал результатом целого потока инноваций в ходе первой и второй волны индустриальной революции [11], важнейшей составляющей которого стала транспортная революция. Строительство железных дорог и развитие парового флота привело к беспрецедентному в мировой истории снижению транспортных издержек [17]. Транспортная революция была дополнена революцией в средствах связи. Телеграф стал первой «всемирной паутиной», обеспечившей небывало быстрое распространение информации в глобальных масштабах.

Все это привело к взрывному росту масштабов мировой торговли. Темпы роста экспорта ведущих мировых держав существенно превышали темпы роста их ВВП. Так, экспорт Великобритании и Франции в 1870–1913 гг. увеличивался в среднем на 2,8% в год, экспорт Германии – на 4,1%, США – на 4,9%, Японии – на 8,5% [16, с. 361]. В результате, экспортные квоты этих стран (отношение экспорта к ВВП) за этот период резко возросли: Великобритании – с 12,2 до 17,5%, Франции – с 4,9 до 7,8%, Германии – с 9,5 до 16,1%, США – с 2,5 до 3,7%, Японии – с 0,2 до 2,4% [16, с. 362]. Такой уровень открытости экономик ведущих мировых держав будет вновь достигнут только в 70–90-х гг. XX в.

Важным показателем глобализации стала конвергенция (сближение) уровней цен и доходов на рынках различных стран. На протяжении 1870–1913 гг. показатели дисперсии цен и заработной платы между странами неуклонно снижались и достигли таких низких значений, которые были немыслимы ни в межвоенный период, ни в первые десятилетия после Второй мировой войны [17, с. 5–29]. Только в последние 20–30 лет (конец XX – начало XIX вв.) мировой рынок достиг такого же уровня конвергенции и стал столь же глобальным, как до катастрофы 1914 г.

Еще одним проявлением глобализации стало небывалое развитие международной миграции. В противоположность современной эпохе, когда Европа стала одним из мировых центров притяжения миграционных потоков, в конце XIX – начале XX вв. она была главным исходным пунктом, откуда мировая миграция распространялась по остально-

му миру. На протяжении 1880–1913 гг. из Европы эмигрировало свыше 30 млн. чел. (в среднем около 900 тыс. в год). Большую часть эмигрантов составляли выходцы из Великобритании (8,9 млн.) и Италии (7,8 млн.). Значительный вклад внесли также Германия (2,2 млн.), Австро-Венгрия (4,3 млн.), Испания и Португалия (в сумме 4,2 млн.). Основным центром притяжения мировой миграции были США, которые за этот период приняли 21,7 млн. иммигрантов из различных стран мира. Кроме того, значительное количество мигрантов приняли такие страны, как Канада (2,5 млн.), Бразилия (2,9 млн.), Аргентина (4,4 млн.), Австралия (2,77 млн.) [15, с. 47–49]. В целом, к началу XX в. количество мигрантов во всех странах и регионах мира оценивается примерно в 46 млн. чел. [Там же, с. 46], что при общей численности мирового населения около 1,65 млрд. чел. [10, с. 5] составляло примерно 2,78%. В современном мире количество мигрантов оценивается примерно в 214 млн. чел., но, поскольку население мира на сегодняшний день составляет около 7,2 млрд., доля мигрантов, также как и в начале XX в., составляет примерно 3% [18, с. 56]. Так что по относительной интенсивности миграционные процессы конца XIX – начала XX вв. вполне сопоставимы с современными.

Еще более впечатляющими были масштабы международного движения капитала. Оно было представлено, главным образом, экспортом капитала лидирующих индустриальных стран (Великобритании, Франции, Германии, США и др.) В предвоенный период этот поток достигал до 6–9% совокупного ВВП этих стран. Такие показатели мобильности капитала были вновь достигнуты только в 80–90-х гг. XX в. [17, с. 209].

Вершиной мировой глобализации стало формирование первой международной валютной системы, вошедшей в историю как «Золотой стандарт». Необходимость поддерживать свободный обмен бумажных денег на золото на базе принятого золотого содержания ставила денежно-кредитную политику любой страны, входившей в эту систему, в полную зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры и мировых финансовых центров. Дефицит платежного баланса или любые внутренние проблемы, подрывающие экономическую стабильность, вызывали потребность в проведении жесткой денежно-кредитной политики и/или увеличении резервов за счет привлечения внешних займов. В результате, формирование денежного предложения в странах, входивших в «золотой клуб», стало частью глобального финансового процесса, в котором тон задавали центральные банки ведущих мировых держав, являвшихся главными кредиторами и экспортерами капитала. Контроль над мировой денежной массой и валютными курсами позволял им защитить ценность

своих иностранных инвестиций от монетарной инфляции и неконтролируемых девальваций и обеспечивал такую стабильность мирового рынка капиталов, которая просто немыслима в современном мире [9].

Глобальный мир и глобальная война

Глобальная экономика, возникшая в конце XIX – начале XX вв., связала весь мир нерасторжимой сетью торгово-экономических связей. Многим современникам казалось, что в результате этого человечество вступило в эпоху «вечного мира» [5], о котором мечтали мыслители прошлых веков [4]. Однако под внешним блеском экономического благополучия таилось множество противоречий и конфликтов. Глобальная экономика предполагала глобальную конкуренцию на всех уровнях экономической системы. Отдельные индивиды, мелкие фирмы, крупные компании и целые государства вели между собой ожесточенную борьбу за место на глобальном рынке. И даже те, кто лидировал в этой борьбе, испытывал колоссальное конкурентное давление и неуверенность в завтрашнем дне, поскольку конкурентная борьба никогда не останавливается и не приносит окончательной победы. На смену побежденным конкурентам приходят новые, и борьба возобновляется. Поэтому у победителей неизбежно возникает стремление ограничить конкуренцию, чтобы зафиксировать свои лидерские позиции.

В конце XIX – начале XX вв. эта тенденция, прежде всего, выразилась в укрупнении производства и монополизации рынков, чему в немалой степени способствовал огромный потенциал экономии от масштабов, заложенный в инновациях «второй волны индустриальной революции». Однако создание многочисленных концернов, трестов и синдикатов, монополизировавших внутренние рынки ведущих мировых держав, не ограничивало международной конкуренции. Эта конкуренция, наоборот, только усиливалась благодаря выходу на международный рынок новых крупных игроков.

На государственном уровне первой реакцией на усиление международной конкуренции стала волна протекционизма, охватившая ведущие промышленно развитые страны начиная с 70-х гг. XIX в. В течение 1875–1913 гг. уровень тарифной защиты во Франции достиг 24%, в Великобритании – 5,6%, в Германии – 17%, в Италии – 25% [17, с. 98–99]. Однако рост тарифов не смог существенно отразиться на масштабах международной конкуренции, поскольку в тот же период в результате «транспортной революции» транспортные издержки снизились на 45% [Там же, с. 36]. Конкуренция на международных рынках продолжалась с неослабевающей интенсивностью.

Неэффективность экономических методов неизбежно порождала стремление использовать административные и политические барьеры, чтобы установить контроль над международными рынками, четко разграничив «сферы влияния». Это ставило ведущие мировые державы перед сложной дилеммой. Каждая из них должна была решить: создавать свой собственный «экономический мир», пожертвовав всеми преимуществами глобальной интеграции ради стабильного положения, или сохранять и наращивать вовлеченность в глобальный обмен, рискуя в будущем утратить свой лидерский статус. По-видимому, ни одна из «великих держав» конца XIX – начала XX вв. так и не смогла решить для себя эту дилемму. Каждая из них старалась, по мере возможности, оградить собственную сферу влияния от проникновений извне и, одновременно, стремилась поддерживать открытость в тех регионах мира, которые пытались взять под контроль ее конкуренты. Это многократно увеличивало возможности столкновения интересов, для отставания которых требовалось задействовать военный потенциал.

Таблица 1

Показатели развития экономического и военного потенциала ведущих европейских держав в 1870–1913 гг.

Показатель	Период	Германия	Франция	Великобритания	Италия	Россия
Прирост ВВП, %	1870–1913	228,9	100,4	124,2	128,4	177,8
Численность занятых в экономике, млн. чел.	1870	16,2	17,8	13,2	13,7	32,7
	1913	30,3	19,3	19,8	17,6	64,7
Рост производительности труда, %	1870–1913	77,3	82,9	48,7	80,0	38,5
Численность армии военного времени, млн. чел.	1870	1,3	1,75	0,515	0,867	1,7
	1913	3,8	3,8	1,0	2,0	5,5
Доля военных расходов в ВВП, %	1870	2,4	3,1	2,0	1,9	2,8
	1913	3,9	4,8	3,2	5,1	5,1
Трудозатраты на реализацию военных расходов, млн. человеко-лет в год	1870	0,39	0,55	0,26	0,26	0,90
	1913	1,19	0,92	0,64	0,90	3,29

Вторая волна индустриальной революции, создав систему массового производства, не только колоссально увеличила производственные воз-

возможности экономики, но и создала условия для их реализации в военной сфере. Данные, приведенные в таблице 1 (расчеты автора, [1, с. 7; 2, с. 12; 7, с. 110; 17, с. 345, 349, 639]), иллюстрируют колоссальный рост экономического и военного потенциала ведущих европейских держав в 1870–1913 гг. Увеличение доли военных расходов в ВВП свидетельствует о том, что рост военного производства происходил значительно более быстрыми темпами, чем рост производства в целом. Можно сказать, что «общественный выбор» ведущих мировых держав в этот период явно смещался в пользу «пушек», а не «масла».

Быстрый рост производительности труда давал возможность использовать на военные цели все большую долю человеческих и материальных ресурсов, не вызывая при этом значительного напряжения в остальных сферах экономики. В сочетании с ростом населения и развитием массового производства нарезного огнестрельного оружия это создало возможность формирования многомиллионных армий, которая и не снилась завоевателям прошлого. Рост военного потенциала неизбежно приводил политическую элиту ведущих мировых держав к мысли о том, чтобы использовать его в одном коротком решающем столкновении, которое разрушит военную мощь конкурентов и положит мировой рынок к ногам победителя [13]. Глобальная экономика стала рассматриваться как потенциальный военный трофей, заполоучив который, можно сделать свои экономические позиции в мире неуязвимыми и навсегда избавиться от давления международной конкуренции.

Однако для того, чтобы поставить под ружье миллионы людей, недостаточно было просто вооружить их и дать им минимальную военную подготовку. Надо было обеспечить контроль над этой огромной вооруженной человеческой массой. Этого невозможно было достичь одними репрессивными средствами. Был необходим новый тип «духовной гегемонии» [12], опирающийся на прочную идейную и социальную базу.

Торгаши, возомнившие себя героями

В феврале 1915 г. немецкий экономист и социолог В. Зомбарт опубликовал книгу под названием «Торгаши и герои». Это небольшое произведение, по мысли автора, должно было объяснить германскому народу: за что и с кем он воюет. Главная мысль Зомбарта была проста и, одновременно, исполнена метафизической глубины: в этой войне германский народ, воплощающий в себе героическое начало мировой истории, противостоит англосаксам, воплощающим торгашеский дух, воцарившийся в современном мире. Несмотря на то, что пафос Зомбарта был целиком обращен в будущее, его идеи не были ни новыми, ни оригинальными.

Образ героической нации, противостоящей сонму коварных и алчных врагов, стал расхожим идеологическим штампом в предвоенной Европе. В каждой стране эта схема получала собственную интерпретацию. Роли «героев» и «злодеев» распределялись в соответствии с национальными приоритетами и идеологической спецификой. Однако практически повсеместно главным объектом этой индоктринации стал нарождающийся средний класс.

Интенсивное экономическое развитие, происходившее в европейских странах в 1870–1914 гг., привело к существенным изменениям в социальной структуре общества. Формирующаяся в этот период система массового производства и обслуживания требовала не только использования больших масс рабочей силы, но и большого количества технических специалистов: инженеров, бухгалтеров, финансистов, коммерческих агентов и разного рода менеджеров. На уровне структуры экономики это, прежде всего, выражалось в росте доле занятых в сфере услуг – главной сфере занятости среднего класса. В Великобритании за 1870–1914 гг. доля занятых в сфере услуг возросла с 35,4 до 44,1%, во Франции – с 22,5 до 25,9%, в Германии – с 21,4 до 27,6 и даже в России доля занятых в этой сфере к 1914 г. составляла 25,3% от общего числа занятых в экономике [6, с. 61]. Разумеется, не все эти люди относились к среднему классу, и не все представители среднего класса были заняты в сфере услуг. Однако расширение сферы услуг в тот период в значительной мере было связано с увеличением количества рабочих мест для работников высокой квалификации. Об этом свидетельствует рост образовательного уровня занятых в сфере услуг, сравнительно с другими секторами экономики. Так, доля специалистов высшей квалификации среди занятых в сфере услуг в Великобритании составляла к 1910 г. 2%, в Германии – 2,4%, тогда как в промышленности специалисты высшей квалификации не занимали сколько-нибудь значительной доли. Наоборот, удельный вес специалистов со средним образованием был гораздо выше в промышленности. Для Великобритании он составлял 15,1%, для Германии – 19,8%, тогда как в сфере услуг всего лишь 2 и 1,6% соответственно [8, с. 71]. В целом, к началу XX в. специалисты средней и высшей квалификации составляли внушительное число занятых в экономике (используя данные о численности занятых, приведенные в таблице 1, можно оценить их количество в Великобритании примерно в 1,5 млн., а в Германии – около 2,2 млн. чел.). Вместе с государственными чиновниками и гуманитарной интеллигенцией, численность которых также значительно выросла в этот период во всех европейских странах, они составили средний класс нового европейского общества.

Эти люди, несомненно, занимали привилегированное положение по отношению к основной массе населения. Но их привилегии не были основаны ни на исторической традиции, как у аристократии, ни на значительном богатстве, как у крупной буржуазии. Их благосостояние и положение в обществе основывалось на их «человеческом капитале», т.е. на той профессиональной квалификации, которую им удалось приобрести и которую им приходилось постоянно подтверждать в процессе конкурентной борьбы на рынке труда. Но при этом их социальное положение целиком зависело от динамики развития инновационных секторов, в рамках которых их профессиональная квалификация только и могла быть востребована. Поражение в глобальной конкуренции означало снижение доли промышленности и сферы услуг в структуре национальной экономики и падение социального статуса тех, кто в силу своего образования и квалификации был связан с этими отраслями. Поэтому социальный стресс, который генерировало конкурентное давление глобальной экономики, в наибольшей степени отражался именно на представителях среднего класса, для большинства из которых снижение социального статуса и связанная с этим потеря привычного образа жизни были психологически неприемлемы. Этот стресс требовал компенсации, и такой компенсацией стал национализм.

Разумеется, главным источником националистической индоктринации были официальные государственные институты, стремившиеся обеспечить лояльность населения по отношению к существующей политической и общественной системе. Но, одновременно с этим, националистическая идеология широко распространялась через бурно развивавшиеся в начале XX в. масс-медиа и индустрию развлечений¹, основным потребителем продуктов и услуг которых как раз и был средний класс. Как пишет современный английский историк Н. Фергюсон, «патриотический “дух 1914 г.” ... был продуктом многолетней индоктринации – в школах, в университетах, националистических обществах и... собственно на военной службе. ...Массы, в особенности средний класс, были “национализуемы” непрерывным потоком националистической музыки, националистической поэзии, националистической живописи, националистической монументальной скульптуры, и, конечно, националистической истории. Даже некоторые культурные тенденции, которые мы определяем как “модернизм”, внесли свой вклад в военный энтузиазм, описывая войну как силу духовного обновления, а не разрушения» [7, с. 201].

¹ Как остроумно заметил в начале прошлого века Д.А. Гобсон, «среди значительной части среднего и рабочего класса мюзик-холл и питейное заведение... стали более могущественным воспитателем, чем церковь, школа, политические митинги или даже пресса» [14, с. 3].

Очевидно, что этот мощный информационный поток не только соответствовал государственному заказу, но и отвечал внутренним духовным запросам своей целевой аудитории. Национализм позволил многим представителям среднего класса преодолеть чувство отчуждения, которое возникло у них как по отношению к основной массе населения, над которой они возвысились благодаря образованию и образу жизни, так и по отношению к представителям своего круга, с которыми они сталкивались в конкурентной борьбе. В результате, агрессия, неизбежно возникающая в процессе конкуренции, направлялась на представителей других национальностей и рас, снижая градус напряжения внутри профессиональных сообществ и позволяя им функционировать более эффективно. Кроме того, национализм давал ощущение причастности к реализации некоей грандиозной исторической миссии по переустройству мира в соответствии с «национальным идеалом». И, наконец, национализм давал представителям среднего класса дополнительную уверенность в себе, представляя их относительные конкурентные преимущества как абсолютные, имманентные свойства национального характера, которые гарантировали успех как отдельным индивидам на их профессиональном поприще, так и всей нации на мировой арене.

Однако мотивационная сила национализма имела свою оборотную сторону. Она вызывала накопление отложенной агрессии. Представление об абсолютном характере национальных преимуществ неизбежно приводило к выводу, что все неудачи, вполне естественные в реальной конкурентной борьбе, являются результатом «недобросовестной конкуренции» со стороны «внешних врагов». На этой основе вызревала идея «справедливого возмездия», которое все расставит по своим местам, окончательно выявив абсолютный характер национальных конкурентных преимуществ. Ожидание этого «справедливого возмездия» порождало психологическое напряжение, которое выливалось в стремление приблизить этот момент путем прямого действия. «Героический энтузиазм» искал и не находил себе выхода. Именно поэтому объявление войны в 1914 г. было воспринято с восторгом обеспеченными слоями городского населения ведущих мировых держав. «Как видно по фотографиям и другим свидетельствам, большинство на патриотических демонстрациях 1914 г. составлял средний класс. ...В самом Берлине, согласно отчету в “Vorwärts”, толпа, заполнившая улицы 26 и 27 июля, в основном, состояла из молодых людей, одетых по последней моде, германских студентов-националистов и клерков. Газетные отчеты утверждают, что толпа вокруг Букингемского дворца и Уайт-холла 3 августа... состояла, в основном, из жителей пригородов и представителей среднего класса» [7, с. 189].

Добровольческая активность среднего класса, проявленная в дальнейшем в ходе мобилизации, стала решающим фактором, повлиявшим на настроение народных масс. Именно она позволила правительствам воюющих держав в кратчайший срок поставить под ружье значительную часть мужского населения собственных стран, не столкнувшись при этом со сколько-нибудь значительным сопротивлением. Антивоенные настроения, которые были достаточно сильны в Англии, во Франции и даже в Германии, были на долгое время отодвинуты на обочину общественно-политической жизни. Это позволило военной и политической элите воюющих стран полностью реализовать летом 1914 г. свои грандиозные планы развертывания военной мощи и развязать войну в невиданных доселе масштабах. Так экономические и социальные силы, порожденные индустриальной революцией и глобализацией экономики, сами привели в действие механизм разрушения глобального экономического порядка.

Заключение

Первая мировая война оказалась фатальной для первой модели глобальной экономики, несмотря на победу Антанты, которая, казалось, в наибольшей степени воплощала в себе тенденции глобализма. Превращение Германии в парию послевоенного мира и уход России в практически полную изоляцию означали разрушение глобального экономического порядка. Экономический бум 1920-х гг. лишь обнаружил это – резко возросшая экономическая активность столкнулась с узостью мирового рынка, утратившего динамизм, присущий ему в предшествующую эпоху. Результатом стала «Великая депрессия» – глобальный кризис перепроизводства, наглядно показавший, что тенденция глобализации в мировой экономике сменилась тенденцией к дезинтеграции. Вторая мировая война окончательно похоронила старую модель глобальной экономики и привела к политическому и экономическому разделу мира между двумя главными победителями – США и СССР. «Холодная война» стала высшим проявлением дезинтеграции мировой экономики и, казалось, предвещала ее окончательный распад на отдельные региональные сегменты. Однако именно в этот период начала зарождаться вторая волна глобализации. Создание международных экономических организаций и бурный экономический рост, охвативший в 1950–70-е гг. не только развитые, но и многие развивающиеся страны, в конечном итоге привели к тому, что к 1980–90-м гг. мировая экономика вновь стала приобретать черты глобальной системы, которых она лишилась после катастрофы 1914 г.

Распад СССР означал исчезновение последнего бастиона «эпохи дезинтеграции», начавшейся в 1914 г., и окончательный триумф нового глобального мира. Но дойдя до своего апогея в первом десятилетии XXI в., вторая волна глобализации сегодня явно идет на спад. Мировой кризис 2008–2009 гг. и последовавшее за ним обострение международных противоречий все больше напоминают события столетней давности. Прессинг международной конкуренции вновь вызывает у ключевых мировых игроков стремление поставить мировую экономику под более жесткий контроль, что неизбежно приводит к резкому повышению конфликтности интересов. Призрак новой «дезинтеграции» все более обретает черты реальности. Рыночная модель глобальной экономики второй раз за сто лет переживает кризис, вызванный ее внутренними противоречиями, и неизвестно, сможет ли она на этот раз перенести его, не подвергая человечество угрозам новой глобальной конфронтации.

Библиографический список

1. Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. 2. СПб., 1898.
2. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002.
3. Зомбарт В. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. М., 2005.
4. Орлов А.А. Проблема справедливого мирового порядка в проектах «вечного мира» периода Нового времени: Учебное пособие. М., 2011.
5. Angell N. The Great Illusion. NY– L., 1910.
6. Broadberry S., O'Rourke K.H. The Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 2. Cambridge, 2010.
7. Ferguson N. The Pity of War. L., 1998.
8. Floud R., Jonson P. The Cambridge Economic History of Modern Britain. Vol. 2. Cambridge, 2008.
9. Gallarotti G. M. The Anatomy of an International Monetary Regime. The Classical Gold Standard 1880–1914. Oxford, 1995.
10. Gelbard A., Haub C., Kent M. World population beyond six billion. Washington, DC, 1999.
11. Gordon R.J. Is U.S. economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds. Cambridge, 2012.
12. Gramsci A. Prison notebook. L., 1971.
13. Hamilton R.F., Herwig H.H. War Planning 1914. Cambridge, 2010.
14. Hobson J.A. Psychology of Jingoism. L., 1901.
15. Kenwood A.G., Lougheed A.L. The Growth of international economy 1820–2000. L., 2002.
16. Maddison A. The World Economy. Vol. 1–2. OECD, 2006.
17. O'Rourke K.H., Williamson J.G. Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth-century Atlantic Economy. L., 1999.
18. World migrant report 2013. IOM, 2013.

С.И. Белов

Положение немецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны (на материалах архивов Верхнего Поволжья)

Статья посвящена выяснению условий пребывания пленных военнослужащих армий Центральных держав на территории России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Источниковую базу исследования составляют материалы Государственных архивов Владимирской, Костромской и Ивановской областей. Исследуются условия проживания и работы офицеров и рядового состава. Отдельное внимание уделяется вопросу об уровне дисциплины военнопленных.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные Центральных держав, условия труда и содержания немецких военнопленных.

В годы Первой мировой войны в связи с массовой мобилизацией в России возникла нехватка рабочих рук в народном хозяйстве. Предприниматели предлагали различные пути решения проблемы, в т.ч. использование в экономике труда военнопленных. Так, представители правления «Товарищества бумаготкацкой мануфактуры Горбуновых» (размещавшегося в с. Киселево Нерехтского уезда Костромской губернии) писали: «Фабрики вообще испытывают затруднения в опытных рабочих, как для ткацкой, так и для прядильной фабрик, а также и в лицах чернорабочего цеха... Для устранения этого затруднения следовало бы использовать широкое освобождение от воинской повинности так называемых квалифицированных рабочих... Помимо этого, необходимо... применение труда военнопленных» [4, л. 4].

К 1917 г. на территории России находилось свыше 2 млн. военнопленных. На 1 января 1917 г. в пределах только Московского военного округа их насчитывалось около 521 тыс. Всего количество военнопленных, занятых в экономике России к 1917 г., составляло около 1,5 млн. человек [11, с. 144]. Размещение военнопленных и их участие в экономической жизни страны было неравномерным. Основная масса была отправлена на восток страны или же в земледельческие районы. Соответственно, в губерниях Верхнего Поволжья находилось относительно небольшое количество «германцев» и «австрияков». К примеру, на предприятиях, расположенных во Владимирской губернии, было занято

всего 2 849 таких работников [8, л. 24, 41, 49, 62, 64, 68, 73, 80, 86, 108, 110, 118, 120, 157, 161, 168, 170].

Однако даже при условии того, что пленные были представлены на территории региона в весьма скромных масштабах, это не позволило избежать различных проблем. Первые возникали, как правило, в результате недовольства пленными условиями содержания. Официально статус военнопленного в России полностью соответствовал нормам международного права. Пленные могли рассчитывать на те же условия, что солдаты и офицеры русской армии, их охранявшие. Согласно Положению от 20 октября 1914 г. – основному документу, регламентировавшему вопрос о статусе военнопленных – с последними предписывалось обращаться «как с законными защитниками своего Отечества». Они могли рассчитывать на возвращение им всего личного имущества и были подсудны юрисдикции только военных судов, прямое насилие с использованием оружия могло быть применено в их отношении при крайних обстоятельствах – при совершении побега или при начале массовых беспорядков [1, с. 18; 10, с. 9]. Помимо этого, пленные получали через Швейцарию денежные переводы с родины. Часть этих средств (35%) изымалась русской стороной на содержание военнопленных, однако с ноября 1916 г., по соглашению с Германией, подобная практика прекратилась, а все изъятые ранее средства были им возвращены [10, л. 487].

На практике условия жизни пленных из числа нижних чинов оставляли желать лучшего. Рядовой состав питался так же, как и русские солдаты. Но если в первые месяцы войны питание в армии Николая II было еще вполне сносным, то с конца 1914 г. пленным пришлось довольствоваться супом на воде из кожуры лука, заплесневелым хлебом и порцией мяса 50 г. в день. Изначально подданных Германии и Австро-Венгрии размещали в казармах при местных воинских частях. Однако по мере прибытия новых партий жилья для пленных стало не хватать, и уже в 1914 г. основным местом их расселения стали бараки и землянки. Настоящей бедой для лагерей военнопленных стал педикулез. Борьба с вшами стала едва ли не основным занятием для их обитателей в свободное время. В некоторых лагерях даже были введены особые «часы вшей» (время, специально выделенное на уничтожение паразитов. – С.Б.) [1, с. 19.]. Имелись проблемы и с обеспечением пленных обувью и одеждой, применением к ним мер физического воздействия. При этом на военнопленных, трудившихся на промышленных предприятиях, не распространялись правила о страховании рабочих на случай болезни и от травм вследствие несчастных случаев, что существенно ухудшало их положение [7, л. 2, 504].

Положение пленных офицеров, напротив, можно было назвать завидным. Изначально им выдавалось годовое денежное довольствие, размеры которого зависели от армейского чина: генералам и адмиралам полагалось по 1500 руб., старшим офицерам – 900 руб., младшим офицерам – 600 руб. С 1915 г., впрочем, начал действовать новый порядок выдачи денежного довольствия: фактически офицер получал 50 руб., в то время как остальная часть причитающейся ему суммы передавалась на хранение начальнику части. Позднее размеры выплаты на руки уменьшились до 25 руб. На 3–4-х офицеров в качестве денщика выделялся один рядовой пленный. Еду для них готовили на специальных кухнях, при этом каких-либо ограничений в рационе не существовало, за исключением алкоголя. Офицеры армий Центральных держав жили отдельно от рядового состава, в благоустроенных казармах и даже городских домах, им был обеспечен разнообразный досуг, который включал в себя посещение библиотек, спортивные игры, работу различных кружков и т.д. Пленные подобного ранга могли также посещать бани в сопровождении караульных. Зачастую такие визиты сопровождались вызовами офицерами к себе местных «жриц любви» [3, с. 142, 279; 8, л. 113].

Общим для обеих категорий пленных был запрет на ведение частной переписки и бесед с местными жителями, а также на покупку у них продуктов, ношение гражданской одежды, приобретение прессы [9, л. 98; 2, л. 38].

Таким образом, как мы видим, у рядовых и нижних чинов, попавших в плен, были основания жаловаться на условия содержания, в то время как для офицеров были созданы довольно комфортные условия. Первое не могло не послужить основанием для выступлений самих военнопленных, подталкивало их к нарушению правил содержания в лагерях.

Факты невыхода пленных на работы как средство протеста против неподобающих, по их мнению, условий труда и содержания в годы войны стали привычны для фабрикантов во Владимирской губернии. Так, 6 февраля 1916 г. на одном из заводов пос. Гусь-Хрустальный, где работали до 400 пленных австрийцев, 6 человек отказались работать, мотивируя свое поведение тем, что им мало платят (по 80 коп. в сутки, при средней зарплате местного рабочего в 24 руб. в месяц). 24 февраля 140 пленных потребовали в пост мясо, а не рыбу, и 34 из них в знак протеста не вышли на работу. Впоследствии участники этого и прочих подобных выступлений получили наказание в виде 3 месяцев тюрьмы, но общее положение дел это не исправило. Только при с. Семеновском Шуйского уезда Владимирской губернии было 100 рабочих-военнопленных, которые регулярно не выходили на работу, симулируя болезнь [6, л. 116; 10, л. 190].

Но если нарушения дисциплины со стороны пленных из числа рядовых и нижних чинов еще можно было понять, то поведение офицеров нельзя было назвать иначе, как наглостью. Последние периодически появлялись на улицах местных городов в гражданской одежде, игнорируя конвойных-ополченцев (от которых они требовали отдания воинской чести и обращения «Ваше благородие» или «Ваше Превосходительство»), покупали продукты питания и свободно общались с местным населением [9, л. 34].

Накал страстей по этому поводу принял такие масштабы, что командование Московского военного округа было вынуждено издать в сентябре 1916 г. специальный приказ, устанавливавший максимальную норму ежедневной покупки пленными офицерами, врачами и чиновниками съестных припасов. Одновременно местным воинским начальникам предписывалось выработать такой порядок покупки, при которой указанная норма в точности выполнялась, и строго следить, чтобы военнопленные офицеры сами не покупали предметы первой необходимости [10, л. 432].

В дошедших до нас документах не содержится подобных сведений, однако есть основания полагать, что росту напряжения между военнопленными и жителями Владимирской губернии также мог способствовать тот факт, что среди первых интенсивно развивались гомосексуальные связи, которые они даже не пытались скрывать. Вид державшихся за руки или же сидящих друг у друга на коленях мужчин не мог не вызвать возмущения людей, выросших в российском обществе с его традиционными ценностями [3, л. 172, 190].

Таким образом, положение военнопленных, размещенных на территории Владимирской губернии, существенно отличалось в зависимости от того, к какой категории они принадлежали. Рядовые и нижние чины испытывали значительные материальные проблемы, хотя уровень их благосостояния вполне соответствовал условиям, в которых находились местные жители и солдаты русской армии. Возмущаясь условиями содержания, рядовые пленные неоднократно организовывали выступления, отказываясь от работы. Представители властей принимали в ответ репрессивные меры, однако на изменение ситуации в лучшую сторону подобная практика никоим образом не влияла. Условия жизни и быта офицеров были более чем благоприятны, причем они никак не были изменены русскими властями даже в ситуации многократного и осознанного нарушения правил военнопленными.

Библиографический список

1. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999.
2. Владимирского губернского жандармского управления в Муромском, Меленковском, Судогодском, Вязниковском и Гороховецком уездах. К руководству разные распоряжения, имеющие длительное значение, обязательные постановления губернатора // Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 704 (Владимирское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 1139.
3. Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004.
4. Канцелярия Костромского губернатора. Переписка о военнопленных // Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 134 (Костромское губернское правление). Оп. Б.Ш. Д. 2985.
5. Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006.
6. Начальнику Владимирского губернского жандармского управления разные распоряжения от губернатора, имеющие длительное значение // ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1070.
7. Переписка с Центральным Военно-Промышленным комитетом по рабочему вопросу // Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 27 (Комитет торговли и мануфактур в городе Иваново-Вознесенске Шуйского уезда Владимирской губернии). Оп. 1. Д. 36.
8. Помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления во Владимирском и Покровском уездах. Списки военнопленных в пределах Владимирской губернии // ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1068.
9. Помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления в Шуйском, Ковровском, Суздальском и Юрьевском уезде. О жандармском надзоре за фабриками и заводами, работающими на военное ведомство // ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1176. Т. 2.
10. Сведения об использовании труда военнопленных на разного рода работах во Владимирской губернии на 1 сентября 1916 г. // ГАИО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 714.
11. Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149.

О.Н. Захарчук

Юго-Западное пограничье Российской империи в планах Наполеона Бонапарта: мифы и реальность советской историографии (вторая половина 1920-х – середина 1980-х гг.)

В статье анализируются взгляды советских историков на планы наполеоновской Франции в отношении юго-западных губерний Российской империи.

Ключевые слова: советская историография, Наполеон Бонапарт, генерал М. Сокольниковский, В.Я. Степанковский, И.Л. Борщак, Российская империя, юго-западные окраины, Габсбургская империя, война 1812 г., «Наполеонида».

Проблема юго-западного пограничья Российской империи в планах Наполеона Бонапарта нашла отражение в работах многих советских историков. Одним из первых ей уделил внимание известный украинский историк и правовед, академик Всеукраинской Академии наук (ВУАН), сторонник концепции государственности М.Е. Слабченко (1882–1952). Чтобы поднять национальное самосознание украинцев, исследователи часто «дополнительно» героизировали историю своего народа, создавая, таким образом, разные мифы. Не избежал этого и Слабченко. Так, не будучи специалистом по данной проблеме и не ссылаясь ни на какие источники, он утверждал, что Наполеон в 1812 г. проявлял недвусмысленный интерес к Украине, интересовался ее прошлым, особенно казачьим сословием, для чего приказал Ш.-Л. Лезюру (1770–1849) написать «Историю казаков», и в своей дорожной библиотеке имел произведения И.П. Котляревского [47, с. 78].

По этой же причине практически тоже самое доказывал и лидер украинских историков-марксистов, академик ВУАН М.И. Яворский (1885–1937).

Неслучайно он также утверждал, что Наполеон интересовался украинской оппозицией (которой практически тогда не существовало) российскому самодержавию [50, с. 103]. В таком же ключе рассматривал данную проблему и ученик Яворского М. Свидзинский. Так, он голословно утверждал, что французский генеральный штаб в конце 1806 г. начал разрабатывать план похода на Украину [46, с. 146].

На каком основании были сделаны подобные утверждения? Эта информация нигде документально не подтверждена. Как известно, Наполеон не владел русским языком, а, тем более, не знал украинского, на котором были написаны произведения классика украинской литературы И.П. Котляревского. Однако даже если каким-то образом и попал экземпляр «Энеиды» в библиотеку императора французов, то этот факт никак не говорит о том, что он интересовался Украиной, что в свое время отмечал и библиограф Котляревского С. Стеблин-Каминский [22, с. 23].

Относительно интереса Наполеона к Украине необходимо заметить, что Слабченко и Яворский позаимствовали эту информацию у некоего «С. Подолянина», опубликовавшего в 1912 г. во всеукраинской газете «Рада» статью «Наполеон и Украина». До недавнего времени современные украинские исследователи авторство этой статьи ошибочно приписывали украинскому общественному деятелю, историку-любителю И.Л. Борщаку (настоящее имя – Баршак Илья Львович, 1892–1959) [5, с. 371; 6, с. 163; 39, с. 170]. Между тем, автору статьи во время работы в Институте рукописей Национальной библиотеки им. В.И. Вернадского (г. Киев) с редакционным экземпляром газеты «Рада» удалось установить, что данная статья принадлежит известному украинскому общественно-политическому деятелю, публицисту В.Я. Степанковскому (1885–1957).

Так, находясь с 1907 г. в эмиграции в Швейцарии, Франции и Великобритании, Степанковский с 1911 г. и особенно во время Первой мировой войны начал активно пропагандировать идею независимости Украины. Для осуществления поставленных целей он сначала ориентировался на Габсбургскую империю и Германию, а затем на Великобританию [52, р. 595–597, 600–601].

Для придания большей значимости роли Украины в международной политике великих держав Степанковский в своей работе безосновательно заявил, что во время пребывания в Москве в 1812 г. у Наполеона проявился интерес к Украине, и для этого император французов дал поручение Лезюру написать ее историю. Следствием чего и стала книга под названием «История казаков» [45, с. 2–3]. Однако, как свидетельствуют документальные источники, со стороны императора французов такого интереса никогда не было.

Значительно развил идею Степанковского о заинтересованности Наполеона юго-западными окраинами России Борщак. Изучая проблему «Наполеон и Украина» во время эмиграции во Франции, Борщак в архиве Министерства иностранных дел (г. Париж) нашел неизвестные исследователям документы о заинтересованности дипломатов и военных деятелей наполеоновской Франции юго-западными окраинами России. Своими архивными открытиями он сумел заинтересовать одного из корифеев мирового наполеоноведения, специализирующего в области внешней политики императора французов, професора Эдуарда Дрио (1864–1947). Последний не только помог Борщаку сделать первую публикацию по исследуемой проблеме в редактируемом им «Журнале наполеоновских исследований», но и написал к ней короткое вступление [51, с. 24–25].

В своей работе Борщак акцентировал внимание правительств держав Антанты, в первую очередь Франции, на стремлении украинцев к независимости. В частности, он утверждал, что Людовик XIV, Людовик XV, Наполеон намеревались использовать это стремление. Обосновывая это, Борщак повторил утверждение Степанковского о заинтересованности Наполеона юго-западным пограничьем России, но, фальсифицируя источники, создал и новые мифы.

Так, ссылаясь на воспоминания телохранителя императора французов, мамелюка Али Сен-Дени, Борщак писал, что в библиотеке в Москве (1812 г.) у Наполеона имелось произведение Вольтера «История Карла XII». В частности, он утверждал, что французский властитель прочел именно те части книги, в которых говорилось, что Украина всегда стремилась к свободе. На основании чего сделал вывод, что именно тогда французский полководец принял решение отступать на запад через Украину [51, р. 39].

Современный украинский историк Вадим Ададуrow, сопоставив текст воспоминаний А. Сен-Дени с пересказом Борщака, развенчал этот миф. Так, в оригинале воспоминаний мамелюка говорится о том, что рука императора вообще произведения Вольтера не касалась [32, с. 340].

В 1937 г. во Львове была опубликована монография Борщака «Наполеон и Украина», ставшая итогом его научных изысканий [33]. Автор использовал великое множество французских архивных и публицистических источников. Однако традиционно прибегнул к различного рода фальсификациям.

Так, им был обнаружен меморандум, в котором императору французов предлагалось создать «независимое» государство «Наполеонида» из Полтавского и Черниговского княжеств. Казаки, вместе с татарами, должны были войти в его состав. Оно должно было состоять из днепровской части Екатеринославщины, Таврии, всей долины Донца до слияния этой реки

с Доном, который, вместе с Азовским и Чёрным морем, станет границей этого государства на юге [33, с. 71–72].

По утверждению Ададурова, обнаружение этого меморандума и публикация его краткого содержания относительно украинских земель относятся к наиболее важным заслугам Борщака [5, с. 373–374]. Однако, хотя этот документ не был подписан и фамилия автора оставалась неизвестной, Борщак без каких-либо серьезных доказательств указал, что этот документ был подписан графом А.-М. Блан д'Отривом, потому что именно он отвечал за поиск для Наполеона материалов о России [Там же, с. 376]. Для пущей солидности Борщак приписал ему пост «политического директора» Министерства иностранных дел наполеоновской Франции [33, с. 70].

Однако благодаря архивным изысканиям руководителя частного Центра наполеоновских исследований Ф. Бокура (1921–2005), а также Ададурова удалось установить имя настоящего автора данного меморандума. Оба исследователя в разное время работали в Архиве Сухопутных войск Франции (г. Париж), где нашли оригинал этого документа, что и стало, на наш взгляд, важным событием в современном наполеоноведении. Автором меморандума был не д'Отрив, которому по политическим мотивам Борщак приписал авторство, а один из известных деятелей польского патриотического движения начала XIX в., успевший послужить как в польской, так и во французской армиях, дивизионный генерал М. Сокольниковский [5, с. 375–380; 20, с. 11].

Для того чтобы «надежно защитить Польшу от России», Сокольниковский предложил создать на ее восточных границах ряд герцогств, «находящихся под непосредственной протекцией Польши» – Ливонское, Полоцкое, Смоленское, Мстиславское, Черниговское (или Новгород-Северское), а также Полтавское. Затем, согласно планам генерала, шли бы «различные казачьи орды – главным образом те, что известны под названием запорожских». Объединенные с крымскими татарами, они могли бы сформировать единое государство – «Наполеониду» [20, с. 81–82].

Фактически этот документ свидетельствует о том, что Борщак выдавал желаемое за действительное. Наполеону предлагалось создание марионеточных государств под протекторатом воссозданной Речи Посполитой, а не под патронатом Франции. Анализ данного меморандума доказывает, что проект «Наполеониды» полностью является детищем польского генерала. Документальные же свидетельства существования планов Наполеона относительно украинской государственности отсутствуют [11, с. 200; 12, с. 75, 78–79].

Во второй половине 30-х гг. XX в. под влиянием официальных воззрений на историю борьбы русского народа с наполеоновским нашествием

в советской историографии войны 1812 г. начала формироваться новая концепция войны. Так, в письме И.В. Сталина от 19 июля 1934 г. членам Политбюро ЦК ВКП (б) по поводу статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» обращалось внимание на то, что «завоевательная политика... вовсе не составляла монополию русских царей», как считал Энгельс, а «была присуща не в меньшей, если не в большей степени королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе и императору Наполеону, который... с успехом практиковал в своей внешней политике интриги, обман, вероломство, лесть, зверства, подкупы, убийства и поджоги» [21, с. 3].

В этой связи концепция фактического главы советской исторической науки в 1920-х гг. М.Н. Покровского (1868–1932), согласно которой Наполеон не вынашивал планов территориального захвата Российской империи, а имел целью заставить Александра I выполнять союзническую часть Тильзитского договора, была признана «антинаучной» и «антиленинской». Согласно новой концепции, император французов, как и в русской официальной историографии XIX в., был признан агрессором и на него возлагалась вся ответственность за развязывание войны [28, с. 199]. Базируясь на новосозданной концепции, стали появляться работы, в которых историки утверждали, что Наполеон якобы стремился завоевать и расчленить Россию.

Так, говоря о планах императора французов относительно России накануне войны 1812 г., бывший ученик Покровского К.Л. Селезнев одним из первых в советской историографии вслед за французским историком А. Рамбо [15, с. 170] повторил, что Наполеон планировал «раздробление» России. В частности, французский полководец предполагал провозгласить себя королем Польши, а Ю.(И.)А. Понятовского наградить княжеством Смоленским; из казацких областей и Украины должно было быть создано самостоятельное королевство, или Привислинский союз, наподобие Рейнского союза [19, с. 18]. Это же утверждение повторил и историк И.Э. Барер, добавив мифические подробности. Так, он заявлял, что Наполеон стремился поработить Россию, разделить ее территории и превратить в свою колонию [8, с. 45]. Вскоре перечисленные фантазии в обобщенном виде с новыми дополнениями получили официальное признание в тезисах ЦК КП(б)У, посвященных 130-летию Отечественной войны 1812 г. [35, с. 5].

Заметим, что непонятно, откуда была почерпнута такая информация. Она документально не подтверждена и выглядит весьма сомнительной. Что касается планов Наполеона относительно территорий украинского казачества, то можно вести речь лишь об определенном интересе импера-

тора французов к юго-западным губерниям России, вызванном, в основном, представленными ему планами французских и польских политических и военных деятелей [32, с. 77–79].

Наполеон, возможно, после победы над Россией планировал создать самостоятельное польское королевство лишь на Волыни [7, с. 170, 175]. Это лишний раз подтверждает отсутствие у него намерений расчленения Российской империи. Так, в захваченных 16 ноября 1812 г. документах французского генерального штаба русский генерал А.Ф. Ланжерон среди других бумаг обнаружил карту, на которой собственноручно Наполеоном были указаны границы новых государственных образований, а также фамилии тех, кто будет ими править: Литовским герцогством – маршал Л.-Н. Даву, Волынским герцогством – Понятовский [4, с. 80].

Существование такого плана подтверждает и меморандум французского аналитика Роландра, направленный в начале войны 1812 г. на имя ближайшего соратника Наполеона министра иностранных дел Г.(Ю.)Б. Маре. В частности, автор предложил французскому правительству восстановить Польшу как конфедерацию трех королевств – Великопольского, Литовского и Волынского [32, с. 325]. По мнению Ададурова, обнаружившего этот документ, «именно эта карта и стала трофеем Ланжерона, ошибочно назвавшего ее автором самого Наполеона, который лишь обозначил на ней имена претендентов на литовский и волынский престолы» [7, с. 172].

О том, что меморандум Роландра действительно произвел впечатление на Наполеона, может служить составленная для гр. Т. Морского инструкция. Последний 22 июня 1812 г. подал на имя императора французов меморандум «Идеи об организации законного восстания на Волыни, Подолье и Украине» и был 20 июля назначен специальным комиссаром-организатором в указанных провинциях [Там же, с. 166, 168]. В инструкции говорилось, что в порученных ему провинциях нужно установить такое же административное устройство, как в Литве [32, с. 324]. Вместе с тем, это подтверждает существование у французского руководства во время войны 1812 г. определенных проектов относительно юго-западных окраин России, в частности, Волыни, и что в планах Наполеона в это время отсутствовало намерение восстановить Польшу [Там же, с. 323; 39, с. 174, 177–179].

После упоминания известного наполеоноведа академика Е.В. Тарле о возможности французского наступления не только на Москву, но и на Петербург и Киев [24, с. 24], советские историки, в первую очередь – украинские, значительно активизировались в изучении данной проблемы. Так, они начали заявлять об особом месте, которое занимали в планах Наполеона, наряду с другими территориями Российской империи, и юго-

западные губернии (территория современной Украины) [17, с. 76–87; 36, с. 2; 48, с. 79–91]. В частности, эти планы советские исследователи рассматривали как одно из важных доказательств агрессивных намерений Наполеона относительно России [32, с. 228]. Поэтому они полагали, что юго-западные окраины Российской империи также были непосредственным объектом завоевательных устремлений императора французов, а Борщак «подкидывал» им недостающую информацию.

В то же время его работы оказали влияние на взгляды советских историков, которые занимались данной проблемой. Так, критикуя его как «буржуазного националиста», они, тем не менее, не ставили под сомнение достоверность его утверждений, учитывая его работу во французских архивах, недоступных советским исследователям. Поэтому они использовали его книгу «Наполеон и Украина», которая до конца 1980-х гг. оставалась недоступной для массового читателя.

Так, в рецензии на книгу М.Г. Брагина «Полководец Кутузов» известный историк-славист, член-корреспондент АН СССР, автор нескольких работ по истории войны 1812 г. В.И. Пичета (1878–1947) под влиянием аргументов Борщака одним из первых в советской историографии пришел к выводу, что, согласно плану Наполеона, «...на территории правобережной Украины создавалось отдельное княжество, предназначенное для князя Иосифа Понятовского; Левобережная, степная Украина, аж до реки Дон, а также Крым – образуют государство под названием “Наполеонида”» [18, с. 355–356]. Автор также безосновательно утверждал, что кутузовский маневр лишил Наполеона надежды на отделение Украины от России и на использование ее военных сил для продолжения борьбы [Там же, с. 356].

Вскоре этот вопрос стал предметом обсуждения в Институте истории АН СССР. 11 июня 1942 г. на заседании сектора истории СССР, посвященном 130-летию Отечественной войны 1812 г., Пичета выступил с докладом «Политические планы Наполеона относительно России», в котором повторил основные положения своей рецензии [25, с. 139]. Вслед за ним выступила ученица Покровского академик М.В. Нечкина (1901–1985). Она приняла основные положения доклада, однако подчеркнула, что докладчик уделил чрезмерное внимание украинскому вопросу в планах Наполеона [Там же].

В 1943 г. увидела свет популярная брошюра львовского историка Г.Ю. Гербильского (1904–1991). Говоря о планах императора французов относительно России, он одним из первых в украинской советской историографии на основе утверждений Пичеты, позаимствовавшего информацию у Борщака, доказывал, не ссылаясь при этом ни на какие источники,

что Наполеон имел намерения оторвать Украину от России. Правобережную Украину он планировал отдать своему ставленнику Понятовскому, а из Левобережья и Крыма создать «вассальное государство» во главе с одним из своих родственников [36, с. 2]. Почти то же самое Гербильский повторил и в последующих публикациях.

В это же время вышла работа И.С. Звавича (1904–1950) «Меттерних и Отечественная война 1812 года» [13]. Автор использовал широкую источниковую базу, в т.ч. и зарубежные публикации. Однако, анализируя секретные статьи австро-французского союзного договора от 14 марта 1812 г., исследователь пришел к ложному выводу о том, что в случае счастливого исхода войны Франция обещала Габсбургской империи территориальные приращения, которые могли быть сделаны только за счет России. В частности, речь шла о Волыни и Приднепровье (правобережной Украине) [Там же, с. 111].

Это положение надолго укоренилось в советской историографии [10, с. 141; 16, с. 483; 31, с. 10; 34, с. 505; 40, с. 82] и обросло мифическими подробностями. Так, А.В. Фадеев (1908–1965) утверждал, что Наполеон за участие в войне против России обещал австрийскому императору юго-западную Украину [27, с. 4]. Лишь недавно, благодаря работе Ададунова, удалось развеять эти мифы. В частности, работая в архиве Министерства иностранных дел Австрии, он нашел протоколы францужско-австрийских переговоров о подписании союза между двумя государствами, в которых ничего не говорится о предварительном дележе территорий.

Так, в секретных статьях принятого 19 февраля 1812 г. проекта к договору говорилось лишь о том, что «в случае успешного окончания войны император французов обязывается компенсировать императору Австрии возможные утраты и убытки за сотрудничество во время войны» [32, с. 331]. Дальше шел перечень объектов, которые могли бы заинтересовать Австрию и были утверждены Францем I. Однако Волынь там не фигурировала, т.к., чтобы окончательно не поссориться с Россией, Австрия на нее даже не претендовала. Единственными в этом списке заинтересовавших Австрию объектов стояли Дунайские княжества, занятые в тот момент русскими войсками [Там же]. Заметим, что во время войны 1812 г. Австрия не нарушила российскую границу, а Россия – австрийскую, т.к. первая второй официально войну не объявляла. В частности, австрийский корпус генерала К.Ф. Шварценберга, входивший в состав Великой армии, как известно, вошел на территорию России со стороны герцогства Варшавского, а не со стороны Галиции.

В 1945 г. в Киевском государственном университете им. Т.Г. Шевченко защитили диссертации В.Н. Котов (1912–2001) [17] и П.М. Смиян (1918–

2011) [48]. Котов в контексте «польского вопроса» впервые в советской историографии рассмотрел отношение Наполеона накануне войны 1812 г. к юго-западным окраинам Российской империи. Как подчеркнул автор, «хотя в предыдущих работах советских историков и уделено место об участии украинского народа в борьбе против французских интервентов, однако пропущен важный вопрос о планах Наполеона относительно национального расчленения и порабощения Украины. Я стремился хотя бы поставить этот вопрос в советской исторической науке» [17, с. XIV]. Историк правильно отметил, что император французов не намерен был восстанавливать независимость Польши [17, с. 28–29]. Однако, под влиянием аргументов Борщака, которые Котов не сумел критически переосмыслить, он постоянно утверждал, что юго-западное пограничье России играло важную роль в геополитических планах Наполеона [17, с. 76–87, 115–116, 118].

Почти через 20 лет Котов опубликовал новую работу [40], которая в рассматриваемую проблему ничего нового не внесла. В ней, как и в диссертации, не были использованы ни архивные, ни опубликованные на тот момент французские, польские и австрийские документы, прежде всего, эпистолярное наследие Наполеона и его политических и военных деятелей. Не были также использованы и публикации французских историков.

В частности, в ее основу, как и в диссертационном исследовании, была положена книга Борщака «Наполеон и Украина», хотя автор, в отличие от диссертации, на нее прямо не ссылается. Историк снова повторил утверждение Борщака, что в планах французской дипломатии главное место накануне войны 1812 г. занимала Украина [Там же, с. 77].

Не изменила взгляд на рассматриваемую проблему и работа Смияна. Характерной ее чертой было большое количество фактологических ошибок и слабая источниковая база, в т.ч. и отсутствие иностранных источников, в первую очередь французских, что в целом было присуще работам советских исследователей по данной проблеме.

Фактически Смиян, как и Котов, в силу разных причин стали популяризаторами идей Борщака. Так, Смиян голословно утверждал, что Наполеон поставил своей целью «завоевать» Украину сразу после прихода к власти (в ноябре 1799 г.) [48, с. 77]. Заметим, что французский властитель тогда даже и не догадывался о существовании украинского народа. Как уже отмечалось, лишь благодаря работам польских аналитиков он узнал о существовании украинского этноса.

Следует заметить, что аргументы вышеупомянутых авторов и, прежде всего, Котова оказали значительное влияние на последующие работы советских историков, в первую очередь украинских, которые в контексте

войны 1812 г. затрагивали данную проблему. Если у исследователей до середины 40-х гг. XX в., в основном, отсутствовала информация о планах Наполеона относительно юго-западных окраин Российской империи [43, с. 21–22; 50, с. 101–102], то уже с 1948 г. рассмотрению этого вопроса уделялось особое внимание. В частности, утверждалось, что в планах императора французов Украина фигурировала как будущая колония Франции [23, с. 128–129; 29, с. 427; 30, с. 401; 44, с. 122;] и планировались дальнейшие ее территориальные преобразования [34, с. 505; 37, с. 24; 41, с. 501].

Эти утверждения использовались и другими советскими исследователями. Так, например, Л.Г. Бескровный (1905–1980), как и Котов, утверждал, что Наполеон рассматривал Украину как плацдарм и источник ресурсов, позволявший не только обеспечить французскую армию необходимыми средствами снабжения, но и вести наступление в центр России [10, с. 159]. Фактически, историк повторил утверждения П.А. Некрасова и А.В. Ивашина, считавших, что французский полководец надеялся захватить Украину и рассматривал ее как выгодный плацдарм для наступления в сердце России – на Москву – с юга [14, с. 104; 44, с. 122].

В то же время, Бескровный, не ссылаясь ни на какие источники, повторил вслед за Котовым тезис Борщака о том, что французский посол в Константинополе генерал О.Ф. Себастиани во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. установил связи с представителями Задунайской Сечи, снабдив их средствами для агентурной работы на Украине [10, с. 122]. Но, благодаря исследованиям Ададунова, удалось раскрыть и эту фальсификацию [5, с. 387–389].

Среди публикаций, посвященных 150-летию войны 1812 г. и касающихся данной проблемы, необходимо выделить работу украинского советского историка А.А. Михайлова (1908–1969). Он повторил утверждение Борщака о том, что Наполеон хотел расчленив Украину на три военно-административные области и подчинить ее Франции [42, с. 42]. Данное утверждение фактически стало официальной точкой зрения, т.к. статья была опубликована в официальном органе ЦК Компартии Украины – журнале «Коммунист Украины».

Однако наибольшее внимание данной проблеме уделил волгоградский историк Б.С. Абаляхин (1930–1994), рассмотревший в своих работах место юго-запада России в политических и военно-стратегических планах Наполеона [1, с. 58–68; 4, с. 76–87; 31, с. 8, 10]. Так, изучая роль Оттоманской Порты в планах императора французов накануне войны 1812 г., историк пришел к выводу, что за участие Турции в антироссийской коалиции Наполеон посулил ей возратить Крым и Черноморское

побережье [4, с. 82]. Автор также верно заметил, что Наполеон не намеревался восстанавливать Польшу, а ограничился только обещаниями это сделать и использовал такой маневр исключительно в интересах Франции [Там же, с. 80].

Абалихин совместно с В.А. Дунаевским (1919–1998) также попытались проанализировать комплекс историографических и источниковедческих работ, изданных в СССР по проблемам войны 1812 г. и предложил свою периодизацию историографии [3]. Дав общую характеристику их работы, саратовский историк Н.А. Троицкий отметил попытку (в целом удачную) подытожить весь путь, пройденный советской историографией [26, с. 197]. В то же время, он охарактеризовал их книгу как «явление переходное», не сумевшую «в полной мере преодолеть инерцию квазипатриотического мышления» [Там же].

Что касается планов Наполеона относительно юго-западных окраин Российской империи, Абалихин, как и его предшественники, не сумел критически переосмыслить аргументы Борщака. В своих работах он вслед за ним не только упорно настаивал на заинтересованности императора французов этим регионом, но и под влиянием Борщака создал новые мифы. Так, Абалихин утверждал, что, стремясь заинтересовать в войне с Россией правящие круги герцогства Варшавского, Австрии и Турции, Наполеон поставил своей целью овладеть не только Украиной, но и Бессарабией [4, с. 87].

Взяв на вооружение гипотезу Борщака о намерении Наполеона перенести военные действия за Днепр, Абалихин настойчиво убеждал читателей, что французский властитель после отступления из Москвы стремился прорваться в украинские губернии для последующей там зимовки [2, с. 79]. В частности, он писал, что в боях за Малоярославец русская армия решила не тактическую задачу (защита Калуги, как считает большинство историков), а крупную стратегическую – она сорвала план прорыва французских войск на Украину [Там же; 3, с. 211–212]. Фактически, Абалихин повторил утверждение Пичеты о том, что значение флангового движения армии М.И. Кутузова заключалось в разрушении не только стратегического плана, но и политических мотивов Наполеона [18, с. 355].

Современные российские и украинские исследователи на основе анализа значительного массива документальных источников доказали полную несостоятельность точки зрения Абалихина [9, с. 20–23; 32, с. 340–345].

Подытоживая, следует отметить, что советские историки в целом оказались далеки от глубокого научного изучения рассматриваемой проблемы. Большинство из них не уделяло серьезного внимания объективному изучению документальных свидетельств, а в ряде случаев, выполняя

определенный политический и социальный заказ, они компенсировали узкую документальную базу своих исследований построением примитивных идеологических мифологем. Главной их целью было стремление обосновать агрессивные намерения Запада в отношении России.

Библиографический список

1. Абаляхин Б.С. Боевое содружество украинского и русского народов в Отечественной войне 1812 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1964.
2. Абаляхин Б.С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 г. // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 62–79.
3. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990.
4. Абаляхин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 г. Волгоград, 2012.
5. Ададунов В.В. Юго-западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона (историографический аспект) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов. Труды ГИМ. Вып. 183. М., 2010. С. 359–398.
6. Ададунов В.В. Борщак Илько // Заграничные походы русской армии 1813–1815 гг. Энциклопедия: В 2-х т. / Отв. ред. В.М. Безотосный, А.А. Смирнов. М., 2011. Т. 1. С. 162–163.
7. Ададунов В.В. Польское дворянство юго-запада России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 года // История и историческая память. Межвузовский сб. научных тр. Вып. 6. Саратов, 2012. С. 164–180.
8. Барер И. Война 1812 года // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 40–56.
9. Безотосный В.М. Значение событий под Малоярославцем в 1812 году // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии. Малоярославец, 1993. С. 20–23.
10. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.
11. Захарчук О.Н. Проекты польского генерала Михала Соколяницкого и Отечественная война 1812 г. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. XVII. Малоярославец, 2009. С. 192–205.
12. Захарчук О.Н. Элементы мифологизации в современной постсоветской науке // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы / Сост. Н.М. Великая, Е.Д. Гальцова. М., 2011. С. 72–92.
13. Звавич И.С. Меттерних и Отечественная война 1812 года // Исторические записки. 1945. Т. 16. С. 100–125.
14. Ивашин А.В. Боевое содружество русского и украинского народов в Отечественной войне 1812 года // Вопросы истории. 1954. № 4. С. 103–108.
15. История XIX века / Под ред. [Э.] Лависса и [А.] Рамбо. М., 1907. Т. 2.
16. Кан С.Б. Дипломатические отношения в годы консульства и империи // История дипломатии / Под ред. В.А. Зорина, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М., 1959. Т. 1. С. 459–492.

17. Котов В.Н. Украина в завоевательных планах Наполеона I: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1945.
18. Пичета В.И. Великий полководец // Знамя. 1942. № 1/2. С. 354–356.
19. Селезнев К.[Л.] О войне 1812 года // Борьба классов. 1936. № 6. С. 16–24.
20. Сокольниковский М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковским с рекомендациями «О способах избавления Европы от влияния России...». Минск, 2003.
21. Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 1–5.
22. Стеблин-Каминский С. Воспоминания о И.П. Котляревском (Из записок старожила). Полтава, 1883.
23. Стрельский В.И. Участие украинского народа в Отечественной войне 1812 года // Историчний збірник Київського державного університету ім. Т.Г. Шевченка. 1953. № 3. С. 127–145.
24. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938.
25. Тифлисова А. Политические планы Наполеона относительно России: краткое изложение доклада В.И. Пичеты // Исторический журнал. 1942. № 10. С. 138–139.
26. Троицкий Н.А. [Рец. на кн.:] Б.С. Абалихин, В.А. Дунаевский. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987. М., 1990 // Отечественная история. 1992. № 2. С. 195–198.
27. Фадеев А.В. Отечественная война 1812 года. М., 1962.
28. Шеин И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013.
29. Ястребов Ф.О. Отечественная война 1812 г. Борьба украинского народа против французских захватчиков // История Украины. Краткий курс. Киев, 1948. С. 223–226.
30. Ястребов Ф.О. Отечественная война 1812 г. против французских захватчиков // История Украинской ССР / Под ред. О.К. Касименко, В.А. Дядиченко, Ф.Е. Лось. Київ, 1953. Т. 1. С. 427–431.
31. Абалихин Б.С. Український народ у Вітчизняній війні 1812 року. Київ, 1962.
32. Адагуров В.В. “Наполеоніда” на Сході Європи. Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії. Львів, 2007.
33. Борщак І. Наполеон і Україна. З невідомих документів із тогочасними ілюстраціями. Львів, 1937.
34. Буцик А.К. Вітчизняна війна 1812 // Українська радянська енциклопедія. Київ, 1960. Т. 2. С. 505–507.
35. Вітчизняна війна 1812 року. Київ, 1941.
36. Гербільський Г.Ю. Українські козацькі полки і українське ополчення у Вітчизняній війні 1812 р. М., 1943.
37. Джеджула К.О. Наполеон // Радянська енциклопедія історії України. Київ, 1971. Т. 3. С. 197–198.
38. Захарчук О.М. Польське питання в дипломатії Наполеона Бонапарта: нові підходи до висвітлення проблеми у сучасній російській історіографії // Український історичний журнал. 2013. № 3. С. 172–183.

39. Захарчук О.Н. Сучасна українська історіографія про ставлення Наполеона I до південно-західних окраїн Російської імперії // Український історичний журнал. 2014. № 1. С. 169–187.
40. Котов В.Н. Завойовницькі плани Наполеона I щодо України та їх крах // Вісник Київського університету. Сер. «Історія і право». 1965. № 7. С. 75–88.
41. Кудрицький А.В. Наполеон I // Українська радянська енциклопедія. Київ, 1961. Т. 9. С. 501–502.
42. Михайлов О.О. Безсмертна епопея героїчної боротьби (До 150-річчя Бородинської битви) // Комуніст України. 1962. № 8. С. 42–50.
43. Нарис історії України / За ред. К. Гуслистого, Л. Славина, Ф. Ястребова. Уфа, 1942.
44. Некрасов П.А. Участь українського народу у боротьбі проти наполеонівської навали в 1812 році // Праці Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. 1956. Т. 146. Вип. 5. С. 121–132.
45. Подолянін С. Наполеон і Україна // Рада. 21-го июня 1912 р. Ч. 141. С. 2–3.
46. Свідзінський М. Земська міліція 1806–1808 // Прапор марксизму. 1928. № 1. С. 144–176.
47. Слабченко М. Матеріали до економічно-соціальної історії України XIX століття. Одеса, 1925. Т. 1.
48. Сміян П.М. Україна у Вітчизняній війні 1812 р.: Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1945.
49. Яворський М.І. Нариси з історії революційної боротьби на Україні. Харків, 1927. Т. 1.
50. Ястребов Ф.О. Нариси з історії України. Вип. VIII. Україна в першій половині XIX столітті. Київ, 1939.
51. Bortchak E. Napoléon et L'Ukraine // Revue des Etudes Napoléoniennes. 1922. Т. 2. Р. 24–40.
52. Hoffman J.H.V. Stepankovsky, Ukrainian Nationalist and German Agent // The Slavonic and East European Review. 1972. № 121. P. 594–602.

Р.Л. Авидзба

Тайные десантные рекогносцировки барона Ф.Ф. Торнау на Кавказ и в Абхазию

Автор описывает ситуацию на Северном и Западном Кавказе и восточном побережье Черного моря в первой половине XIX в. и обстоятельства, сопровождавшие появление здесь русских войск в 1830-х гг. Статья основана на анализе мемуаров Ф.Ф. Торнау, который собрал многочисленные материалы по истории, этнографии, исторической географии Западного Кавказа, дающие широкую картину жизни кавказских народов первой трети XIX в.

Ключевые слова: присоединение Западного Кавказа к России, присоединение Абхазии к России, Адрианопольский трактат, Ф.Ф. Торнау, мемуары Ф.Ф. Торнау, разведывательные действия 1830-х гг. в Абхазии и на Кавказе, генерал А.Г. Пацовский, поручик Николай Шакиров, абхазский владетель Михаил Шервашидзе, Черноморская береговая линия.

Присоединение Кавказа к России имеет длительную историю, состоящую из многих этапов и развивавшуюся в соответствии с ними по-разному. Значительная часть Северного Кавказа и Закавказья добровольно приняла русское подданство: Кабарда – в 1557 г., Восточная Грузия – в 1801 г. В результате русско-иранских и русско-турецких войн были присоединены другие территории. Некоторые районы (особенно горные) вошли в состав Российской империи в результате ряда военных кампаний, известных под общим названием Кавказской войны 1817–1864 гг.

С заключением Адрианопольского трактата (1829 г.) восточные берега Черного моря и черкесские земли, между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии были переданы России. Однако подобная уступка имела значение только на бумаге. Горцам она была непонятна: «Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить» [3, с. 171]. На объяснения генерала Раевского: «Султан отдал вас в пеш-кеш, подарил вас русскому царю», один из старейшин ответил: «А! Теперь понимаю, – и показал птичку, сидевшую на ближнем дереве. – Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!» [Там же, с. 172].

Уступленными кавказскими землями Россия на деле могла завладеть не иначе как силой. Сломить характер и упорство горцев – практически

невозможно. Война стала неизбежностью и, как оказалось, не несла быстрого и легкого решения вопроса.

Неприступность территории во многом была обусловлена природными особенностями Кавказских гор и Черноморского побережья между Геленджиком и Гагрой. «Чрезвычайная изрезанность рельефа, крутизна горных склонов, непроходимые каньоны рек (например, Бзыби и Мзымты), буйная растительность, теплый климат – все это делало горы несокрушимой цитаделью свободолюбивых адыгейских и абхазских племен» [5]. К тому же российское командование совершенно не владело информацией о народностях и местах их проживания, тропах и перевалах. Кавказский вопрос требовал особого внимания и особых средств исполнения. Следовательно, обозначилась первостепенная задача Российской Империи: «Отыскать лучший путь к покорению горцев» [3, с. 172].

Как известно, Кавказ, Абхазия издревле привлекали, и по сей день привлекают, к себе неослабное внимание. Свои планы на этот регион имели в различные эпохи эллины, римляне, византийцы, иранцы, арабы, турки, англичане, французы, немцы, поляки, русские. Писатели, художники, ученые, военные агенты, путешественники и исследователи практически со всех концов мира с риском для жизни отправлялись в дальние путешествия ради одной цели – раскрыть для себя неведомую страну, добыть достоверные сведения о ней, ближе узнать непокоренный и неизвестный народ.

В ряду таких приезжавших на Кавказ иностранцев особое место принадлежит русскому офицеру, барону Федору (Теодору) Федоровичу Торнау, обладавшему выдающимися профессиональными способностями и талантом. Главной задачей барона Торнау была разведка возможностей последующих успешных военных действий русской армии. Ему было поручено произвести «скрытый обзор берегового пространства на севере от Гагр», необходимый для разработки плана сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря, включая Абхазию.

«Для того, чтобы получить понятие о нашем положении на восточном берегу Черного моря в 1835 г., когда судьба забросила меня в Абхазию, необходимо познакомиться с обстоятельствами, сопровождавшими первое появление здесь русских войск» [Там же], – пишет Ф.Ф. Торнау, раскрывая нюансы политической обстановки вокруг Абхазии и всего Кавказа конца XVIII – первой половины XIX вв., начиная с хроники царствования абхазских владетельных князей. При Селиме II и Амурате III турки подчинили себе Гурию, Имеретию, Мингрелию и Абхазию. В 1578 г. они построили две крепости на берегу моря: в Потии и в Сухуме. К этому времени, видимо, можно отнести и постройку турецкой крепости у натухайцев, на берегу Геленджикской бухты.

Восстание абхазцев против турок произошло в 1771 г.; завоеватели вынуждены были оставить Сухум. Во главе этого победоносного выступления стояли два брата – Леван и Зураб Шервашидзе. Но в результате их ссоры Сухум, при содействии Левана Шервашидзе, вновь перешел к туркам. Это положение продлилось не более трех лет; утомленные беспрепятственными нападениями абхазцев, турки покинули Сухум.

Следующий этап связан с именем Келеш-бея Шервашидзе. Он занял Сухум, силой подчинил себе абхазцев и перешел под верховную власть султана, за что и получил титул владетеля Абхазии и сухумского наследственного паши. Началом конца Келеш-бея оказалась милость, оказанная абхазским владетелем Тегер-паше Требизондскому. Предоставив убежище осужденному Портою на смерть Тегер-паше, Келеш-бей навлек на себя негодование турецкого правительства и стал искать покровительства в России, принявшей в то время под свою защиту Грузинское царство. В то же время Келеш-бей тайно принял христианство, о чем ходили упорные слухи. Для расправы с Келеш-беем турки подкупили его старшего сына Аслан-бея. Преступление свершилось в Сухуме; но Аслан-бей не воспользовался его плодами. Младшие братья его, Сефер-бей, Бостал-бей и Гассан-бей, также осужденные на смерть подобно отцу, успели спастись и вооружили против него всю Абхазию. Аслан-бей бежал в Батум от народного мщения.

Сефер-бей официально принял христианство и в 1808 г. отдал Абхазию под покровительство России. Сухум отличался наиболее удобным рейдом на всем восточном берегу Черного моря и обещал доставить России безусловные военные и торговые выгоды. В связи с этим, по согласованию с владетелем Абхазии, русские войска в 1810 г., вытеснив турок, поместили в Сухуме небольшой гарнизон. Русское правительство не планировало новые завоевания, не вмешивалось в дела внутреннего правления, заботясь преимущественно об уничтожении влияния турок; по примеру владетеля, народ Абхазии был склонен вернуться к христианству, вере предков.

Между тем, бежавшие из Сухума турки рассыпались по всей Абхазии и активно возбуждали народ против русских. Аслан-бей путем всевозможных интриг и происков увеличивал число приверженцев. Когда прошел первый порыв негодования против отцеубийцы, пошла в ход религиозная карта: Аслан-бей – исполнитель воли Аллаха, наказавшего отступника Келеш-бея. Такое толкование поступка находило неодобрение в Абхазии и подталкивало к всякого рода беспорядкам. Находившиеся в Сухумской крепости две русские роты едва были достаточны для обороны и не могли способствовать водворению порядка в крае. В 1821 г. Сефер-бей умер,

оставив наследником княжества своего старшего сына Дмитрия, воспитывавшегося в Петербурге.

В крае начались беспорядки. Пользуясь отсутствием Дмитрия Шервашидзе, подогреваемые турками Аслан-бей и Гассан-бей стремились завладеть княжеством. Для усмирения Абхазии была назначена экспедиция, финалом которой стало водворение Дмитрия на княжеский престол. Но через три года он умер. Восстание в Абхазии повторилось и вызвало новое вооруженное вмешательство со стороны русских – в пользу Михаила, второго сына покойного Сефер-бея.

Уже с 1830 г. восточное побережье Черного моря перешло под покровительство России. Устройство береговой линии и начало военных действий против черкесов с Кубани и с южной стороны гор, из Абхазии, обнаружили нехватку сведений как о народах, ее населявших, так и о географическом пространстве. Для «пополнения сведений о берегу между Гаграми и Геленджиком предписано было произвести усиленные десантные рекогносцировки» [3, с. 177].

Попытки обследовать Кавказ с помощью разведчиков практиковались еще до Ф.Ф. Торнау. В 1829 и 1830 гг., перед так называемой «Абхазской экспедицией», дважды побывал у черкесов Г.В. Новицкий. Как он сам сообщал, его целью было обследование «всего Закубанья, Большой и Малой Кабарды и местности на восточном берегу Черного моря, между Гагрой и Анапой, населенной племенами адыге и абадзге» [цит. по: 2, с. 73].

Как пишет Ф.Ф. Торнау, «не я первый из русских отправился в горы. В 1830 г. шапсугский старшина Абат Беслиней провел с опасностью жизни переодетого артиллерийского капитана Новицкого по дороге, которую Вильяминов разрабатывал после того в тридцать пятом году. Путешествие их длилось трое суток, в которые они проехали около семидесяти верст, пользуясь ночным временем» [3, с. 179].

«Русская старина» писала о героическом подвиге Г.В. Новицкого: «Инсurreкционные движения в населении по черноморскому побережью в настоящую войну (1877) и затруднения, встреченные нашими войсками в сообщениях чрез Кавказский хребет, по непроложению чрез него дорог, конечно, не имели бы места, инсurreкция не могла бы длиться, а турки свободно выбрасывать свои войска на берег и грабить побережные города, – если б, по отбытии с Кавказа Паскевича, новое начальство продолжало выполнение плана, в котором Новицкому принадлежал весь труд подготовки данных и мужество высказать истину, не смягчая ее и не страшась неудовольствия от сильных лиц той эпохи» [4, с. 21].

В 1830 г. барон И.К. Аш составил «Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапой, Черным

морем и северо-западной частью Кавказского станового хребта», а также «Описания Цебельды и дорог, ведущих из одной в Абхазии и закубанскую сторону к карачаевцам и чеченцам».

Из Сванетии через снеговой хребет в Большую Кабарду и обратно в 1834 г. с большими трудностями совершил путешествие генерально-го штаба капитан князь Шаховской. Как отмечает Г.А. Дзидзария, «эти офицеры дали ряд ценных для кавказского командования сведений, хотя пребывание их у горцев было довольно кратковременным, а маршрут коротким» [2, с. 73].

Для научного изучения исторического прошлого Кавказа и кавказского народа материалы Ф.Ф. Торнау имеют безусловное значение. Это важнейшие сведения о Кавказе, его истории, этнографии, исторической географии, одним словом, как отметил Г.А. Дзидзария в своем труде о Торнау, «материалы непреходящей ценности» [Там же, с. 85]. Приоткрыв временной занавес, барон Торнау помогает глубже вникнуть в планы и действия русского командования, победы и поражения русских войск. «Воспоминания кавказского офицера» ярко и во многих подробностях повествуют об открытиях, интересах и достижениях разведчика, рассказывают о героизме простых русских солдат, открывают красоту кавказской природы и богатый внутренний мир горцев; сообщают уникальные сведения о кавказских народах первой половины XIX в.

После громких удач в Чечне и в Дагестане, когда левый фланг кавказской линии казался усмирненным, русским командованием было принято решение о переносе военных действий в западную часть Кавказа, и основное внимание было направлено на устройство береговой линии.

Малый успех морской блокады привел к заключению, что сообщение турок с черкесским берегом прекратится только в том случае, когда все пункты, которые они привыкли посещать, будут заняты русскими укреплениями. Ф.Ф. Торнау отмечает, что «эта мысль, казавшаяся весьма основательной и удобоисполнимой на первый взгляд, встречала в применении невыгоды и затруднения, которые могли оценить вполне только люди, близко знакомые с кавказскими обстоятельствами. Одно из главных затруднений для учреждения береговой линии заключалось тогда в недостатке точных сведений о местности, о количестве неприятеля и о средствах, которыми он располагал для своей обороны» [3, с. 176].

Для того чтобы понять, позволяют ли местность и обстоятельства действовать сухопутным путем, следовало точнее изучить страну, в которой русское командование предполагало утвердиться прочным образом. И в 1834 г. последовал приказ немедленно положить первое начало устройству береговой линии, открыв военные действия против черкесов с Кубани

и с южной стороны гор, из Абхазии; а для пополнения сведений о берегу между Гаграми и Геленджиком предписано было произвести усиленные десантные рекогносцировки.

Под командованием генерал-майора Н. в 1834 г. в Абхазию был послан отряд, состоявший из нескольких батальонов для разработки дорог и укреплений, необходимых для защиты сообщения. Работа шла в течение всего лета; дорогу удалось проложить всего лишь до Драндского древнего монастыря, который, в свою очередь, был обращен в укрепление, и построить небольшой редут в Илори. Абхазская природа всячески препятствовала планам русского командования. Сухопутное продвижение за Гагры оказалось невозможным, путь преграждали скалы. Препятствие это распространялось исключительно на русские войска; местным жителям оно не мешало проходить в Абхазию разными горными тропами. В связи с этим военное Министерство усилило требования относительно разведывательных действий в Абхазии и на Кавказе.

По мнению Ф.Ф. Торнау, «для производства десантных рекогносцировок в разных пунктах, на протяжении сорока географических миль совершенно нам незнакомого, гористого берега, покрытого сплошным лесом, представлявшим для неприятеля отличную оборону, требовалось употребить несколько тысяч человек и около двадцати военных и транспортных судов. Жертвы людьми и деньгами, которые правительство должно было понести в этом случае, далеко превышали выгоды, которые могли принести рекогносцировки. <...> Самые важные сведения о дорогах внутри гор, о количестве народонаселения, о его средствах к жизни и к войне, оставались совершенно недоступными для войск. <...> Кроме того, рекогносцировки, без сомнения, привлекли бы внимание горцев на осмотренные места и побудили бы усилить их оборону искусственными средствами, сверх природных препятствий, которыми так щедро наделен черкесский берег» [3, с. 177–178].

Оставалось только одно средство, позволявшее, в свою очередь, более гуманно и полезным образом заменить малообещающие рекогносцировки: поручить сведущему офицеру осмотреть тайным образом морской берег. Учитывая профессиональные способности, выбор пал на поручика Федора Торнау.

Ф.Ф. Торнау вспоминал: «На Кавказе я находился с начала тридцать второго года, участвовал прежде того в задунайской компании против турок и в польской войне. Получив довольно значительную рану во время ичкеринской экспедиции тридцать второго года, я был долго болен ... Когда я вернулся в Тифлис, Вальховский встретил меня с предложением отказаться на долгое время от общества. ..., преобразоваться с виду в чер-

кеса, поселиться в горах...: он не скрыл от меня опасностей, с которыми я должен был бороться; да и я сам понимал их очень хорошо» [3, с. 178].

Под видом горца в мир горцев, как и капитан артиллерии Г.А. Новицкий, поручик Ф.Ф. Торнау, дабы не вызвать подозрений, перед экспедицией обрил голову, отпустил бороду и переоделся в черкесскую одежду. Однако притворяться немым не стал, а предпочел выдавать себя за чеченского абрека, полагая, что на Западном Кавказе вряд ли сыщешь человека, говорившего по-чеченски, а также надеясь на общее правило, согласно которому абрек не смел возвращаться в родной аул.

Возложенное русским командованием дело выходило из разряда обычных. Без добровольного согласия поручика Торнау нельзя было требовать исполнения этого служебного поручения. Главкомандующий поручил генералу Вальховскому убедить барона Торнау ехать в горы, предоставив самому назначить для себя выгодные условия. Об этом Торнау писал: «Готовый жертвовать собой безусловно для государственной пользы, но отнюдь не располагая торговать своей жизнью и свободой, я отвергнул условия, которые могли касаться до моих личных выгод, и настоял только на доставлении мне всех тех преимуществ, от которых зависела, по моему убеждению, удача предприятия. Барон Розен согласился предоставить мне право: располагать свободно собою и своим временем, вступать в сношения с покорными и непокорными горцами, не стесняясь существующими правилами, и, в указанных мне границах, обещать им награды или прощения за различные преступления, если кто из них станет мне помогать в моих делах» [Там же, с. 179].

В одиночку совершить задуманные тайные разведывательные рекогносцировки невозможно. «Первое затруднение состояло в отыскании надежных проводников... Далее, я должен был проникнуть в середину самого густого черкесского населения... Мне предстояло осмотреть не одну какую-нибудь дорогу, а весьма значительное пространство в горах, жить и путешествовать долгое время между неприятелем, которого сметливая недоверчивость равнялась вражде к нам, и не изменить себе ни одним словом или движением, не свойственными горцу. Я не знал черкесского языка и умел только сказать несколько слов по-татарски. Последний недостаток не должен был, впрочем, служить для меня столь непреодолимым препятствием, как могут подумать не знающие Кавказ. Между горцами существует такое множество различных наречий, что мне всегда было возможно выдать себя за человека, принадлежащего к племени, которого языка не понимали жители того места, где я находился» [Там же, с. 180].

Такого рода путешествие считалось делом совершенно несбыточным, однако для поручика Федора Торнау подобные препятствия и затруд-

нения вызывали сильнейшее желание «исполнить путешествие вопреки всем предсказаниям; я, впрочем, нисколько не скрывал от себя, что в случае неудачи мое положение в горах делалось действительно безвыходным» [3, с. 181].

Абхазия была именно тем местом, с которого было удобным начинать путешествия. Получив гласное назначение состоять при войсках абхазского действующего отряда, Торнау запрещено было поверять в Тифлисе тайны настоящего путешествия, чтобы предохранить его «от последствий всякой, даже неумышленной нескромности» [Там же]. Единственным, кто знал о назначении Ф.Ф. Торнау находится при войсках в Абхазии, был начальник абхазского действующего отряда. «Не теряя времени, я выехал из Тифлиса в декабре тридцать четвертого года, хотя ненастное зимнее время обещало мне самую трудную и неприятную дорогу» [Там же].

Дорога от Тифлиса в Абхазию, до укрепления Редут-Кале, «... проходившая над болотом, была устлана полуобтесанными бревнами, плававшими в тинистой грязи. <...> Не попав на бревно, лошадь проваливалась и нередко сбрасывала с себя седока. Тогда все останавливались, поднимали упавшего, освобождали лошадь из западни, в которую она попала, хорошо еще не с переломанными ногами» [Там же]. Ночуя в плетневых хижинах, по кавказскому обыкновению, на земле, окутанный в бурку вместо постели, Торнау был счастлив услышать шум моря, означавшего близость укрепления Редут-Кале. И только «темнота помешала моему преждевременному разочарованию. Редут-Кале – земляное укрепление, построенное на берегу моря, около устья реки Хопи, посреди непроходимых болот, был в то время забытый уголок, в котором прозябали изнуренные лихорадками несколько солдат, офицеров и карантинных и таможенных чиновников» [Там же].

В Бамборах планировалось постоянное пребывание поручика Ф.Ф. Торнау, там же были размещены генерал А.Г. Пацовский, командир егерского полка и начальник всех войск во время отсутствия генерала А., батальон 44 егерского полка, полковой штаб и все главные военные заведения и склады для войск, занимавших Абхазию. Именно встреча Торнау с командовавшим тогда всеми войсками в Абхазии генералом А.Г. Пацовским придавала ему сил. Ведь Пацовский был единственным в Абхазии человеком, имевший возможность помочь ему в задуманном «предприятии делом и советом, зная край и пользуясь хорошим влиянием на абхазцев» [3, с. 182].

Расположенный возле крепости небольшой базар собирал большое количество абхазцев и черкесов менее для торговли, чем для того, чтобы

узнавать новости и высматривать, что делается у русских. «Положение Бамбор в широкой и привольной долине реки Пшандры, в трех верстах от морского берега и почти в таком же расстоянии от селения Лехне, или Саук-су, как его называли турки, местопребывания владельца Абхазии, давало этому пункту значение, которым Пацовский воспользовался весьма искусно для сближения с нами абхазцев и для распространения на них, сколько было можно, нашего нравственного влияния» [3, с. 195]. Забота и внимание генерала Пацовского во весь период службы Торнау на Кавказе навсегда расположили его к этому человеку. Впоследствии Торнау писал: «Чем ближе узнавал я его, тем более возрастала моя вера в его душевную доброту» [Там же, с. 195–196].

Полностью уверившись в Пацовском, Торнау раскрыл ему настоящую цель, которую преследовал в Абхазии. По мнению генерала, «не существовало никакой возможности проехать из Абхазии за Гагры; во-первых, потому что он не знал абхазца, могущего быть моим проводником, а во-вторых, по причине удвоенной осторожности, с которой неприятель караулил Гагринский проход со времени прибытия в Абхазию действующих войск. Позже я совершенно убедился в справедливости его мнения, но на первый раз не смел отказаться от своего предприятия... Я не скрыл от него моего намерения стараться всеми силами опровергнуть фактом его убеждение, после чего он откровенно пожелал мне успеха, обещая помогать мне со своей стороны, сколько будет возможно. Слово свое он сдержал как следует» [Там же, с. 197].

Стоит отметить, что генерала Пацовского абхазский народ глубоко уважал и ценил: «Абхазцев он умел привлечь к себе и овладеть их доверенностью, принаравливаясь к их понятиям и не нарушая ни в каком случае данного слова», «они тем более умели ценить правдивость» [Там же, с. 198]. Абхазы верили ему и часто приезжали к нему издалека за советом и помощью. Политические взгляды абхазского владельца Михаила Шервашидзе были направлены на поддержание отношений с русским военным командованием. Однако генерал Н. смотрел на вещи другими глазами. Вмешиваясь, как начальник страны, в споры Дадиана и Гассан-бея с Михаилом, генерал Н. принял слишком явно сторону первого, тем самым задев интересы последнего, оскорбил самолюбие абхазского владельца и возбудил в нем неудовольствие, имевшее последствием разлады в других делах, которые могли быть выгодными для обеих сторон. Пацовский периодически мирил обе стороны и улаживал их отношения [Там же, с. 199].

Под «благовидным предложением», способным отвлечь недоверчивое любопытство местных жителей, Ф.Ф. Торнау совершал беспрестанные

поездки, заводил знакомства между абхазцами, делая все это крайне осторожно: «Никогда я не говорил заранее, когда и в какое место намерен ехать; никогда не возвращался по прежней дороге. Эта последняя предосторожность соблюдается постоянно у горцев, из коих редкий не имеет врага, способного выждать его на пути, если он ему будет известен» [3, с. 208].

Первым делом генерал Пацовский назначил поручика своего полка Николая Шакилова, абхазского уроженца, находиться во всех поездках с бароном Ф.Ф. Торнау в качестве переводчика. Поручик Шакилов, свободно владевший несколькими языками (русским, абхазским и турецким), основательно знал свою родину, обладал большой смелостью, «прикрытой видом необыкновенной скромности» [Там же]. С декабря 1834 г. и всю зиму Ф.Ф. Торнау вместе с неразлучным товарищем Шакиловым посвятил ознакомлению с приморской Абхазией и установлению в ней связей с местными феодалами. В горской одежде, с винтовками за спиной все воспринимали их как горцев, а не русских служащих. И это было первое условие безопасности.

«Моего Николая Шакилова знали весьма многие в Абхазии. Встречая его часто с незнакомым человеком в горском платье кабардинского покроя и с бородой, усвоенными мною с намерением противно абхазскому обычаю, потому что я не знал языка и не мог выдавать себя в Абхазии за абазина, любопытные стали дознавать, кто я таков и по какому поводу бываю так часто у владетеля и у Гассан-бея. Находя ответы, которые давал по этому случаю Шакрылов, да и сам Гассан-бей (владетеля не смели спрашивать), не довольно ясными, они начали за мной следить, и я сделался, не зная того, предметом частых разговоров абхазских политиков» [Там же].

Долгие поиски нужных и надежных людей для задуманного путешествия, не без помощи абхазского владетеля Михаила Шервашидзе, сделали свое дело; он сумел не только выбрать подходящих и опытных людей, но и, весьма расположив их к себе, найти среди горцев верных друзей, честь и достоинство которых превзошли все его ожидания. Это способствовало проникновению Ф.Ф. Торнау в самые труднодоступные районы Западного Кавказа, глубокому и всестороннему изучению жизни кавказских народов.

Эта экспедиция была подготовлена к началу июня 1835 г. Небольшой отряд, в который входили абхазский дворянин Соломон Мкамба с двумя слугами, переводчик Муты Шакрыл, охотник Хатхуа и проводник из Пеху Багры, прошел по маршруту: селение Анухва – ущелье Гумисты – истоки Чхалты – перевал Главного Кавказского хребта между истоками

рек Бзыба и Б. Зеленчука – ущелье Б. Зеленчука – ущелье Кяфира – река Уруп – река Кубань – станица Баталпашинская – Пятигорск.

Результатом экспедиции явилось «Подробное описание проезда через снеговой хребет из Абхазии на р. Кубань в июне 1835 г.» и «Описание дороги из с. Акуача в Абхазии через снеговой хребет Кавказских гор до станицы Баталпашинская на р. Кубани». Кроме того, перу Торнау принадлежит большое количество рапортов, писем и записок, содержащих богатейшие сведения по топографии, экономической и исторической географии, военно-стратегическим вопросам Абхазии и всего Западного Кавказа. Его заслуги были оценены лично императором Николаем I, и вскоре Ф.Ф. Торнау был произведен в чин штабс-капитана.

Благодаря Эмину Шакирову и Мамат-Кирею Лову, Ф.Ф. Торнау познакомился с языками и наречиями, находившимися в употреблении за Кубанью, что предоставило возможность положить первое основание правильному систематическому разделению на племена горцев, живших против правого фланга кавказской линии. Ф. Ф. Торнау отмечал: «Древние греческие, византийские, арабские и генуэзские историки... мешали племена и народы, без разбора называя их синтами, керхетами, ахейнами, гениохами, зигами, джиками, джикетами и, наконец, абазгами. Я же нашел на берегу Черного моря и за Кубанью только три различных народа: абазин, черкесов и татар, говорящих на трех коренных... языках. Они не понимают друг друга; между тем как наречия, образовавшиеся из одного коренного языка, всегда сходны с ним и не мешают объясняться между собою горцам одинакового происхождения. Не знаю, позволено ли считать убухов, имеющих свой собственный язык, четвертым племенем, или они составились из абазин, черкесов и европейцев, выброшенных, как говорит предание, на черкесский берег еще во время первого крестового похода» [3, с. 267].

В начале сентября этого же 1835 г. был разработан маршрут второй экспедиции: ущелье М. Лабы – Главный Кавказский хребет – аул Ахчипсу – река Мзымта – мыс Адлер. После шести с половиной недель, проведенных в горах, группа Торнау вышла к Гагринскому укреплению. Результаты экспедиции были изложены им в «Описании части восточного берега Черного моря от реки Бзыба до реки Саше», в «Описании дороги по берегу Черного моря от укрепления Гагры до устья реки Саше» и в «Подробном описании поездки с линии через хребет Кавказских гор и по берегу Черного моря от Сочи до реки Бзыба» с приложенной картой части восточного берега Черного моря. С целью тайных рекогносцировок и полного обозрения морского побережья бароном Ф.Ф. Торнау были намечены еще несколько экспедиций, которые он благополучно провел

через Главный Кавказский хребет (перевал Псеашхо) в район современного Большого Сочи: Красная поляна, Кудепста, Хоста, Мацеста, Центральная часть Сочи. Выйдя к морю, от устья долины за полчаса дошел берегом до Сочипсы, затем повернул обратно, к Гаграм.

Барон Ф.Ф. Торнау миновал будущий Адлер, где жил тогда некий Аред-бей. «Хитрее всего оказалось в черкесской одежде пройти по неприступному Гагринскому карнизу. За восемьсот сажен от крепости по одетому в горское платье барону русские пальнули ядром. С отчаянным риском, лепясь по едва заметным уступам, Торнау достиг-таки крепости и, только назвав себя, был торжественно встречен соотечественниками» [1, с. 53].

В 1836 г. Ф.Ф. Торнау было снова поручено «обозрение морского побережья от р. Сочи до Геленджика». Однако собственный план штабс-капитана руководство отвергло, а инициатива перешла в руки генерала Засса, который предложил ему в проводники ненадежных людей. Последние незамедлительно передали Торнау кабардинцам, потребовавшим от русского правительства большой выкуп. Переговоры длились более двух лет, пока, наконец, ногайскому князю Тембулату Карамурзину не удалось похитить пленника в ночь с 9 на 10 ноября 1838 г.

Эти экспедиции полностью убедили Торнау в слабости небольших укреплений на кавказском побережье, в мирное время заблокированных горами, а в случае европейской войны и появления неприятельского флота – не способных выдержать бомбардировки с моря и попадающих под угрозу полного пленения или уничтожения. Выводы Торнау о ненадежности черноморской береговой линии были полностью подтверждены событиями Крымской войны. Русское командование решило форсировать завершение Черноморской береговой линии. В ближайшие годы – с 1836 по 1838 гг. – все побережье было унижено русскими крепостями.

Барон Ф.Ф. Торнау, начав службу 18-летним прапорщиком, закончил ее в чине генерал-лейтенанта, военным агентом в Вене, членом Военно-ученого комитета Главного штаба. Торнау опубликовал целую серию документальных литературных произведений, отразивших значительные периоды его жизни и военной службы: «Воспоминания кавказского офицера», «Взгляд на настоящее положение Абхазии и русских войск, ее занимающих», «Воспоминания о Кавказе и Грузии» и др. Все они служат прекрасным материалом для изучения различных аспектов истории и культуры абхазо-адыгских народов и их соседей, глубокого и всестороннего исследования исторических событий, живым свидетелем и трезвым аналитиком которых он являлся. Произведения Ф.Ф. Торнау внесли свой

несомненный вклад в кавказоведение и стали настольной книгой как для профессиональных исследователей, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и этнографией.

Библиографический список

1. Ефремов Ю.К. Тропами горного Черноморья. М., 1963.
2. Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.
3. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2007.
4. Сакович П.М. Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк. 1800–1877 // Русская старина. 1878. № 6.
5. Тихомиров В. Мой самый любимый шпион // Краснодарские известия. 18.1.2005. С. 2.
6. Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии // Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. «Военно-ученый архив». Д. 6302. Л. 2.

О.В. Ерохина

Участие немецких колонистов в формировании промышленной базы южнороссийского региона во второй половине XIX – начале XX вв.

В статье рассматривается вклад немецких колонистов в процесс формирования промышленности на юге Российской империи. Автор обращает внимание на то, что первоначально предприятия создавались для переработки сельскохозяйственной продукции и только для удовлетворения потребностей колоний. Однако рост спроса на товар и стремление к обогащению способствовали созданию предприятий за пределами колоний.

Ключевые слова: Российская империя, южнороссийский регион, промышленность южнороссийского региона, немцы в Российской империи, немецкие колонисты.

Южный регион Российской империи обладал всеми качествами для успешного развития не только земледелия, но и промышленности. Однако большинство земель пустовало из-за отсутствия желающих пересе-

ляться на неосвоенные территории. В частности, Область Войска Донского обладала благоприятными природными и климатическими условиями для занятия земледелием, но по количеству земли, находящейся под пашнями, занимала одно из последних мест в составе 50 губерний Европейской России [2, с. 363]. Основным занятием донских жителей было скотоводство.

В Таврической губернии, где немецкие переселенцы появились еще в конце XVIII в., они также были ориентированы правительством на занятие земледелием. Только в начале XIX в. сложились благоприятные условия для развития частных форм предпринимательства. В результате в 1806 г. меннонитами Г. Вильямсом, Г. Диком, П. Мантлером, В. Мартенсом было построено на Кичкасской верфи речное судно для плавания вниз по реке и по Черному морю [6, с. 35].

Постепенно с развитием немецких колоний и улучшения их уровня жизни происходит оформление рынка ремесленных услуг. В 1830 г. на территории Хортицких поселений насчитывалось 31 кузнечная мастерская, 33 ветряных мельницы, 7 крупорушных мастерских. В Молочанских колониях действовало 4 кирпичных завода, 4 сукноварни, 10 красилен, суконная мануфактура, винокурный и уксусный заводы, пивоваренная и лимонадная мануфактура Г. Нейфельда, 19 маслобоек, 5 водяных, 19 крупяных, 38 усовершенствованных голландских ветряных мельниц, 61 кузница [Там же, с. 40].

Во второй половине XIX в. в южном регионе складываются новые экономические предпосылки для производства зерна: строительство южно-русских портов и пароходства в Таганроге и Ростове-на-Дону, возведение железных дорог, увеличение местных цен на хлеб. В результате южный регион стал тяготеть к районам азово-черноморской торговли.

Когда «область (Донская – *О.Е.*) наравне с другими степными губерниями, благодаря развитию портов и железных дорог, брошена была в новые экономические условия хозяйствования: от скотоводства и овцеводства перешла к форсированным посевам ценных хлебов» появились в регионе немецкие колонисты [8, с. 98]. Следует отметить, что немецкие поселенцы, уже проживавшие на территориях Екатеринославской, Таврической, Харьковской и Херсонской губерниях, первыми осознали необходимость перехода к новым хозяйственным культурам.

При колониях довольно часто строили мельницы для переработки зерновой продукции. Так, поселянином Л.Ф. Думлером в 1908 г. в Ново-Александровке Нижнеольховской волости была построена паровая мукомольная мельница. Она производила до 2000 пудов муки, что давало доход в размере 2000 руб. в год. На мельнице работало 53 человека, жив-

ших в отдельном помещении при заводе. Зарплата каждого составляла 45 коп. в день или 11 руб. в месяц [4, л.417].

Благодаря развитию земледелия в южном регионе происходило постепенное увеличение численности сельскохозяйственных машин, расширился список их наименований. В результате в наиболее передовых хозяйствах можно было встретить многолемешные плуги (буккеры), жатки, соломорезки, ручные веялки, катки для уплотнения почвы после посевов и многие другие орудия и приспособления.

Первоначально сельскохозяйственные машины производились в немецких колониях Екатеринославской и Таврической губерниях на заводах Леппа и Вальмана, Сакка и Рамсона, а также на заводе «Эккер и К» в Берлине [7, с. 79]. Распространялись они сначала только среди немецких поселенцев, а позже стали продаваться местному населению южного региона Российской империи. Территории немецких колоний постепенно превращались из «экономики для себя» в «экономическую для региона», становясь тем самым одним из источников экономического прогресса, оказывавшим влияние на развитие южного региона не только опосредованно, но и напрямую.

С появлением у донских колонистов многолемешного немецкого плуга-буккера, вспахивавшего за день 2–3 десятины (в 4 раза быстрее, чем обычным плугом), быстро стал вытесняться у крестьян и казаков неуклюжий прежний плуг-сабан кустарного производства. Вслед за «буккером» появилась у немцев и жатвенная машина, называвшаяся в народе «лобогрейкой» [11, с. 15]. Она была завезена в Донскую область в 70-х гг. XIX в. из хортицких колоний Екатеринославской губернии. Ею можно было убирать в день до 6 десятин хлеба. Затем получили распространение молотилки, сеялки, бороны с железными зубьями, брички.

Несколько позднее, в 1880-е гг., в Области Войска Донского стали распространяться веялки и жатвенные машины с ручным сбрасывателем. Появились катки для прикатывания посевов весной и снегозадержания зимой. Соломорезки, разбросные сеялки, можары и другие виды сельскохозяйственного инвентаря также были привезены в Донскую область из южных украинских губерний, где сформировался основной район немецких поселений. На рубеже веков в донских хозяйствах стала интенсивно внедряться рядовая сеялка. Все эти машины и приспособления появились в крестьянских и казачьих хозяйствах благодаря применению их немецкими колонистами, и выступавшие на донских агрономических съездах агрономы не грешили против истины, называя колонистов «нашими учителями» [9, с. 72].

В статистических сборниках сообщалось, что «во многих селениях в северной и южной части уезда (Ростов-на-Дону – *Е.О.*) в течение последних пяти лет крестьяне стали заводить железные немецкие плуги малого размера и буккера взамен тяжелых и неудобных малороссийских плугов» [16, с. 124]. Далее приводился список селений, где были введены в употребление железные плуги: «Мыс-Добрая-Надежда – из 16 хозяев железные плуги имели 12; в Михайловке было 3 немецких плуга; в Новозолотой почти все хозяйства имели железные плуги» [Там же, с. 128].

Распространению улучшенных орудий и машин в крестьянском хозяйстве содействовали многочисленные мастерские и механические заводы немецких колоний южного региона Российской империи, в которых по найму работали в основном русские крестьяне. Эти предприятия дали местным селам большое число мастеровых, способных производить починку машин и частично устроивших по селам собственные мастерские.

В 1870 г. П.Д. Нейфельдом был открыт механический и чугунолитейный завод земледельческих машин и орудий на ст. Софиевка Екатеринославской губернии. В начале XX в. на предприятии выпускалось в год до 800 конных и паровых молотилок, 500 приводов, 2000 усаток-лобогреек, 100 буккеров. Численность рабочих на предприятии достигала 350 человек [3, л. 197]. Ежегодная производительность фабрики доходила до 95 000–613 000 рублей [27, с. 561].

В 1870-е гг. подобные предприятия в г. Ростове-на-Дону Екатеринославской губернии открыли И.Г. Фронштейн с численностью рабочих 200 человек и доходом в 97 200 руб., Т. Кукс, соответственно, – 50 человек и 35 000 руб., В. Грагам – 36 рабочих и 30 900 рублей дохода [21, с. 109].

Большую известность имел механический завод товарищества К.Я. Мартенс, К.А. Дефер и В.И. Дик, который открылся в 1905 г. и располагался вблизи станции Миллерово Мальчевско-Полянкой волости в Донецком округе Донской области [19, с. 276]. Предприятие специализировалось на выпуске сельскохозяйственных орудий и машин, а также оборудования для паровых мукомольных мельниц и маслобойных заводов.

В июне 1907 г. предприятие было зарегистрировано как чугунолитейный завод земледельческих орудий [5, л. 29 об. – 30]. О том, что продукция предприятия пользовалась большим спросом среди местного населения, свидетельствует повышение годовой производительности завода с 200 тыс. руб. в 1910 г. до 600 тыс. руб. в 1914 г. [20, л. 226; 25, УК. Б-696]. К 1916 г. на предприятии работало 179 человек [18, л. 130]. В тех местностях, где таких мастерских не было, распространение машин между крестьянами и в конце XIX – начале XX в. шло очень медленно.

Внедрение сельскохозяйственной техники на Дону принимает массовый характер в начале 1890-х гг. Это было отмечено газетой «Приазовский край»: «пятнадцать лет назад в наших казачьих хозяйствах не было ни железных плугов, ни веялок, о других же орудиях, как жнейки и молотилки, мы не имели даже понятия» [10].

Можно назвать и другие новшества, которые стало использовать местное население. В статистику тех лет попали указания на различные заимствования, в частности, применение черепицы и других пожаростойких материалов для покрытия жилых и хозяйственных помещений, разведение новых пород домашних животных (коров и лошадей), уход за скотом, первые опыты по применению удобрений, травосеянию и насаждению лесозащитных полос [7, с. 30].

Распространению черепицы среди местного населения способствовало открытие черепичных заводов немецкими колонистами. Например, К.К. Эмсс основал в колонии Таврида Малчевско-Полненской волости небольшой завод, на котором производил черепицу из цемента. Предприятие было оснащено станками и выпускало 80 тыс. шт. черепицы в год, что приносило доход до 5 тыс. руб. в год. На заводе работало 3 человека по 12 часов в сутки, получавшие до 50 руб. в месяц [4, л. 99].

Необходимо отметить, что наиболее предприимчивые немцы создавали предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Например, уроженец Саксонии Адольф Васильевич Лозе в 1867 г. построил в Ростове-на-Дону колбасный завод, на котором работало 30 человек. Его годовая производительность достигала 2 000 пуд. колбасных изделий в год, что приносило доход в 200 тыс. руб. [23, с. 115].

Одновременно был открыт второй колбасный завод в Новочеркасске. Это предприятие специализировалось на выпуске мясных консервов. Годовой оборот завода составлял 240 тыс. рублей. Кроме того, А.В. Лозе открыл в городе пивоваренный завод, на котором работало 10 рабочих, производивших 4 200 ведер напитка в год. Предприниматель получал доход в размере 30 тыс. рублей [24, с. 531].

В 1880 г. было основано торгово-промышленное товарищество Бейхмана и Кюнцельмана для открытия парового колбасного завода «Вейденбах» в Ростове-на-Дону. На заводе работало в разное время от 38 до 46 рабочих. Продукция предприятия пользовалась спросом, что позволило к 1914 г. увеличить производительность предприятия до 586 624 рублей [1, с. 140].

Агрономы непосредственно наблюдали колонистский опыт и могли с профессиональных позиций оценить их деятельность. В 1903 г. Первый Донской окружной комитет указывал: «при недостатке земли эко-

номическое положение крестьян было бы сносно, если бы они, помимо земледелия были хорошо научены другим отраслям сельского хозяйства (огородничеству, садоводству и другим) и каким-нибудь ремеслам» [15, с. 180]. На съезде донских агрономов в 1909 г. один из авторитетных и известных донских специалистов-агрономов А.М. Греков, выступавший с докладом, прямо указал на немецкий колониальный опыт и сделал практический вывод: «Кустарные промыслы и небольшая своя ремесленно-заводская земледельческая организация по станицам на артельных началах – вот что необходимо» [22, с. 145].

На съезде констатировалось, что немало казаков переходило тогда в мещанское сословие, уходило в города, пополняя ряды рабочих. По мнению агрономов, задержать этот процесс могло только предоставление ремесленной и заводской работы обедневшим казакам у них дома, в станицах, где бы они трудились для нужд своих одностаничников. «Уж если в голых степях немецких колоний, – восклицал агроном А.М. Греков, – люди умудрились создать заводы, то при нашем богатстве недр, месторождений руд, антрацита, соли и тому подобного чего же прощез?» [Там же, с. 142]. Однако на практике оказывалось не все так просто, потому что составить рыночную конкуренцию немецкому колонисту было некому.

В колониях одновременно могли работать несколько небольших заводов и мастерских, различные ремесленные предприятия: кирпичные, черепичные, кожевенные, пивоваренные; столярни, кузни, колесни, паровые и водяные мельницы, маслобойни. Х.К. Вагнер в 1911 г. основал небольшой кирпичный завод при ст. Чертово. Производительность завода достигала 130 тыс. штук в год, что приносило доход около 500 рублей. На предприятии работало 3 человека, которые получали зарплату в размере 12 руб. в месяц [4, с. 112].

В колониях Ольгинфельд, Эйнгейнгейм, Петерсфельд и Руэнталь Екатеринославской губернии имелось 5 кирпичных заводов, производивших до 600 тыс. штук кирпича. Его продавали не только колонистам, но и крестьянам местных сел от 10 до 12 руб. за тысячу [16, с. 13]. Кроме того, кирпичные предприятия были построены в колонии Ротовка Матвеево-Курганской волости Таганрогского округа, станицы Ольгинской Черкасского округа.

Со временем немцы стали уходить из колоний и открывать промышленные предприятия в городах и крупных поселках южного региона Российской империи. Примером подобного явления может служить Иоганн (Иван) Лукьянович Вебер. Бывший поселянин Таврической губернии в 1897 г. открыл вблизи станции Серебряково (сл. Михайловская) Юго-

Восточной железной дороги Усть-Медведицкого округа 2 паровые вальцовые мельницы [12, с. 298; 14, с. 667].

Наиболее крупной считалась мельница № 1, на которой работало 130 человек. Ее производительность достигала 3 330 860 руб., из которых 3 115 тыс. руб. приходилось на продажу пшеничной муки, а 225 тыс. руб. – на продажу отрубей. На мельнице № 2 работало около 60 человек. Ее производительность была значительно ниже первой. Годовое производство достигало 1 633 895 руб.: мука пшеничная – 1 521 000 руб., отруби и другая продукция – 113 тыс. руб. [23, с. 113]. В целом мельницы «Торгового дома Вебер» производили 40% всей муки на севере Области Войска Донского, которая реализовывалась не только на внутреннем рынке, но и шла на экспорт в Турцию и Южную Европу [Там же, с. 229].

Однако бывали случаи, когда вокруг одного центра сосредоточивалось несколько однотипных предприятий. Это хорошо видно на примере станции Миллерово Донской области.

В 1904 г. поселяне-собственники Я.И. Никкель, В.И. Дик, Д.И. Дик, П.М. Редигер, Г.И. Петкер основали в Миллерово «Донское товарищество» для ведения мукомольного дела в России и за границей [5, л. 29 об. – 30]. Свидетельством успешного развития предприятия является строительство вблизи станции зернового элеватора в 1911 г. [26, с. 126]. Годовая производительность завода достигала 440 537 рублей [23, с. 114].

В 1907 г. Я.И. Никкель, В.И. Дик, П.М. Редигер решили создать в Миллерово совместное предприятие «Русско-американское мукомольное товарищество»¹ для переработки зерна и продажи муки в России и за границу. В развитие предприятия ими было вложено 750 руб. [5, л. 29 об. – 30]. Численность рабочих к 1916 г. составляла 36 человек [18, л. 130].

В 1908 г. А.А. Дефер, А.А. Дефер (младший), П. Янцен создали полное товарищество «А.А. Дефер и Ко». Мельница была оснащена современным оборудованием, на котором работали 25 рабочих. Она приносила доход до 440 537 руб. в год (1913 г.). Еще одна мельница была открыта братьями И.А. и Г.А. Янценами в 1910 г. для перемола привозного зерна. На предприятии перерабатывалось до 360 тыс. пуд. зерна в год [18, л. 130]. Сосредоточение вокруг станции Миллерово четырех крупных мельниц способствовало росту благосостояния поселка. В начале XX в. он переместился на второе место в России по экспорту зерновой кукурузы и на третье место по экспорту муки.

Немцы относительно быстро поняли, какую выгоду может принести земледелие, а когда в немецких колониях и позже в крестьянских хозяй-

¹ Р. Нахтигаль и А.Г. Терещенко не считали это предприятие немецким.

ствах южного региона появилась потребность в сельскохозяйственной технике, то они переключились на это прибыльное дело. Однако было и более сложное производство, такое как чугунно-литейное, производившее земледельческие орудия, машины и различные сельскохозяйственные приспособления.

В 1887 г. колонист Ф.Х. Фаслер открыл слесарно-механический чугунолитейный завод в Новочеркасске, ориентированный на выполнение кузнечных и слесарных работ. Предприятие было небольшим и насчитывало 50 рабочих, а годовая производительность достигала 45 тыс. рублей. Оно стабильно работало вплоть до начала Первой мировой войны. К 1914 г. численность рабочих и прибыль предприятия изменились незначительно: рабочих стало 45, годовой оборот составлял 50 тыс. руб. [19, с. 276; 25, с. 590].

В 1892 г. в Ростове-на-Дону было основано товарищество чугунно-меднолитейных и механических заводов «Нитнер Ф.В. с С-м»¹. Первоначально завод выпускал трансмиссии и различные машины, а к началу 1914 г. в его ассортименте были двигатели локомобильные и электрические. Необходимо отметить, что дела на предприятии шли неплохо. Если в конце XIX в. на нем работало 250 рабочих, а годовой оборот составлял 300 тыс. руб., то к 1914 г. численность работающих увеличилась до 600 человек, соответственно, прибыль возросла до 900 тыс. руб. [19, с. 276; 25, с. 513].

Кроме сфер переработки сельскохозяйственной продукции и производства продуктов питания, участие немецких предпринимателей отмечается в заводе красок Х.Ф. Курдта [17, с. 175–176], фабрике красок Л.О. Минца [25, с. 844], производстве строительных товаров А.Г. Риделя [13, с. 104].

На основании вышеизложенных фактов можно сделать вывод о том, что интенсивное развитие сельского хозяйства способствовало развитию ремесел, промыслов и кустарной промышленности. По мере роста спроса на сельскохозяйственную технику и продукцию растет не только численность предприятий и их технологическая оснащенность, но и география распространения сферы влияния.

Вступая в контакт с заказчиками, немецкие предприниматели становились не только экономически активной силой, но и первыми субъектами межинтеллектуального обмена. Посредством реализации качественных изделий, изготовленных в колониях, пропагандировались и распространялись сведения о новшествах и изобретениях, предложенных колонистами на основании накопленного опыта. К тому же происходило форми-

¹ Р. Нахтигаль и А.Г. Терещенко годом основания завода считают 1894.

рование первых предпринимательских династий и изменялось положение предпринимательства в системе социальной иерархии немецких колонистов. В дальнейшем эти предприятия послужат основанием для создания акционерных обществ на основе концессионной системы учредительства в разных городах южнороссийского региона.

Библиографический список

1. Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России / Под ред. А.В. Погожева. Изд. 2-е (1907–1908). М.; СПб., 1907.
2. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848.
3. В справочное бюро при Совете Съездов представителей промышленности и торговли // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 2281.
4. Ведомости о заводах и фабриках Области Войска Донского // Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3635.
5. Ведомость торговых домов в образе товариществ полных и по вере, заявленных Миллеровскому полицейскому приставу // РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 954.
6. Венгер Н.В. Возникновение и развитие частной предпринимательской деятельности на территории менонитских колоний первой половины XIX в. // Вопросы германской истории. Украинско-немецкие связи в новое и новейшее время / Отв. ред. С.И. Бобылева. Днепрпетровск, 1995.
7. Греков А.М. Очерки экономического и хозяйственного быта. Таганрог, 1905.
8. Греков А.М. Хозяйство колонистов в Таганрогском округе // Сб. Областного Войска Донского Статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1901. С. 98–106.
9. Ерохина О.В. Немецкие колонии Области Войска Донского (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Волгоград, 2009.
10. Из Хоперского округа // Приазовский край. 1899. 25 января.
11. Кафенгауз Л.Б. Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. К вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные машины. Из «Трудов» Харьковского общества сельского хозяйства за 1910 г. Харьков, 1910.
12. Мукомольное дело в России. Настольная справочная книга для мукомолов, мельнично-строительных фирм, машиностроительных заводов с рядом статей о положении мукомольного дела в России, большим статистическим отделом: мельницы всей России и справочным отделом, извл[ечения] из законодательства по мукомольному делу. Одесса, 1909.
13. Нахтигаль Р. Донские немцы 1830–1930. Аугсбург, 2007.
14. Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897.
15. Постановление Первого Донского Окружного комитета 12 ноября 1902 г. // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Л. ОВД. СПб., 1903.
16. Сб. статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 1. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. Екатеринославль, 1884.

17. Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы первой мировой войны: Дис... канд. ист. наук. СПб., 1998.
18. Список промышленных предприятий Донской области, первых 6 разрядов, находящихся на землях русских подданных, из германских, австрийских, венгерских выходцев, подлежащих изъятию Высочайше утвержденного 2 февраля – 13 декабря 1915 г. Положения // Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3158.
19. Список фабрик и заводов России. СПб., М., Варшава, 1910.
20. Справка для справочного бюро // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2281.
21. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименными списками фабрик и заводов. СПб., 1873.
22. Терещенко, А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского // Донской временник. Ростов н/Д., 1996. С. 137–153.
23. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе: Энциклопедический справочник. Ростов-н/Д., 2000.
24. Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и Великим княжеством Финляндским. Материалы для фабрично-заводской статистики. [По сведениям за 1879 г.]. СПб, 1881.
25. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Пг., 1914.
26. Nachtigal R. Die Dondeutschen 1830–1930. Augsburg, 2005.
27. Neutatz D. Ländliche Unternehmer im Schwarzmeergebiet. Die südkrainische Landmaschinenindustrie vor dem Ersten Weltkrieg // «...das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen, 1998.

К.А. Меликова

Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае

В статье анализируется история взаимоотношений поколений в Древнем Китае до и после появления учения Конфуция, а также влияние конфуцианского учения на политику и культуру страны. Отражены принципы патриархальных семейных отношений, где семья служит микроячейкой государства, а, соответственно, и основой отношений между властью и народом Древнего Китая.

Ключевые слова: древнекитайская цивилизация, конфуцианство, взаимоотношения поколений, патриархальная семья, геронтодеспотия, бюрократическое администрирование.

Конфуцианство как основа традиционных отношений в Древнем Китае вызывает особый интерес в связи с параллельным исследованием различных религиозно-этических течений, особенно на фоне разрушения нравственных устоев среди коренных народов современных Европы, Америки и России. Институт семейных отношений в XXI в. претерпевает резкие изменения, наряду с трансформацией высших духовных ценностей и культурных кодов [1].

В большинстве европейских стран сегодня преобладает нуклеарная семья, отношение к пожилому возрасту носит негативный характер, и потому задача современного общества – восстановить статус людей третьего возраста и на основе высших ценностей перейти на новые внутрисемейные отношения. Патриархальные традиции Китая, сохранившиеся с древнейших времен и контрастирующие с идеалами западной цивилизации, являются наглядным примером сохранения семьи. Поэтому анализ истории этических отношений в Китае имеет для ученых особое значение.

Первоначально иерархия отношений, как внутри китайской семьи, так и на государственном уровне, строится в рамках религиозно-этических норм, заложенных еще в эпоху Шань (Инь) и Чжоу. Культ предков и сложившаяся на его основе система жертвоприношений прочно вошли в основу общественного уклада эпохи Шань, где задачей каждого члена семьи мужского пола было рождение наследников, в обязанности которых входило приносить жертвы предкам. В период Чжоу человеческие жертвоприношения были добровольно прекращены, но тип многочисленной семьи с большим количеством сыновей сохранился. Сформировавшиеся государственные институты и нравственные нормы государства Чжоу способствовали развитию древнекитайской культуры, лицо которой сохранено и поныне. Внутрисемейные традиции этой эпохи послужили толчком для появления института семьи в Древнем Китае [5].

В VI в. до н.э., благодаря Конфуцию и его книге «Лунь Юй», возникают новые формы взаимоотношений, опирающиеся на «Сяо Цзин» («Трактат о сыновней почтительности»), включающий в себя пять обязанностей сыновнего благочестия. Сформировавшийся на этой основе базис высших ценностей включал в себя моральные нормы, правовой кодекс, а также семейные традиции и ритуалы, основанные на религиозных предписаниях и культе почитания предков [5].

Конфуцианство, оставив заметный след в китайской культуре, определило ее развитие на сотни лет. Оказав, наряду с даосизмом, влияние на литературу и живопись, где важнейшим лейтмотивом была мысль о кратковременности жизни, уходящем времени и о неизбежности смерти, учение Конфуция придало особый смысл и статусу старости, изменив ее восприятие в философском и этическом контексте.

В Поднебесной мало кто из поэтов не писал о своих поседевших висках и наступившей дряхлости. Большинство из них, будучи еще молодыми, умышленно увеличивали свой возраст, искусственно состарив себя и воспевая старость в иноказательной форме. Причиной подобного пафоса являлось страстное желание молодых получить самостоятельность, достигнув зрелости, а затем, состарившись, приобрести почет и уважение, поскольку почитание старших, равно как и почитание власти, являлись неотъемлемой частью общественной жизни [8].

Весьма примечательно, что этические взгляды Конфуция, только зародившись, сразу попали на благодатную почву. Объясняется это тем, что основой социальной жизни тогда являлись общины (цзун), объединенные по родственному признаку (до тысячи семей), в которых преобладало натуральное производство, сочетавшее ремесло и земледелие. Слабое развитие товарно-денежных отношений и аграрно-ремесленный вид

хозяйствования внутри общин способствовали формированию семьи патриархального типа с прочными внутрисемейными связями, где главным считался старший мужчина (дед, отец или дядя), в подчинении которого находились все остальные домочадцы, включая слуг, наложниц и рабов [7, с. 9].

В древнекитайской письменности слово отец обозначалось иероглифом, изображавшим руку, держащую топор, – 父. Этот знак символизировал не только мужскую силу и доблесть, но и неотвратимость наказания за непослушание, что является свидетельством власти главы семьи [6]. Несмотря ни на какие попытки ослабить ее по политическим причинам, такой тип семьи просуществовал в Древнем Китае многие века. С появлением учения Конфуция и его трактата «Сяо цзин» о сыновней почтительности сформировались основы новых внутрисемейных связей, в которых старшие члены семьи получили право абсолютной власти над младшими. Хотя одной из главных идей конфуцианства является гармония между людьми, существующая благодаря правильному поведению и знанию ритуалов, на практике семейные отношения складывались иначе. Причиной тому было изначально заложенное неравенство и иерархия отношений в древнекитайском обществе еще задолго до Конфуция. Согласно же догматам конфуцианства, жена должна быть почтительна с мужем, младшие братья – со старшими, а дети – с родителями. Такого рода принцип оправдывался убеждением, что семья – это первооснова, точнее – прообраз государственного устройства, а «Сяо цзин» – зеркало социальной иерархии, в которой преимуществами обладает тот, кто старше [3]. Таким образом, статус человека в Древнем Китае в значительной степени определялся его возрастом и на первом месте стояли старики. Весьма примечательно, что в китайском языке слово «старый» и «уважаемый» обозначается одним и тем же словом [2].

Благодаря «Сяо цзин», помимо семейных отношений, были заложены и основы государственного управления с высокоразвитой законодательной и административной системой, где отношения народа и власти строились по принципу отцовско-сыновних. В результате, на базе конфуцианского учения сформировался тип восточного деспотического государства во главе с правителем, образ которого в сознании народа ассоциировался со справедливым отцом, защитником и главным хранителем традиций, поскольку Конфуций полагал, что сам правитель – сын Неба – является хозяином и отцом своему народу. Справедливое, но строгое правление, по его мнению, должно было вызывать со стороны подчиненных сыновнюю любовь, благодарность и покорность. Рассматривая государство как одну большую семью, а семью – как микромодель государства, Кон-

фуций в почтении к старшим видел основы человеколюбия, считая, что люди, почитающие старших, никогда не станут бунтарями и смутьянами, ибо, уважая отца или деда, они будут уважать и власть в лице сына Неба [3]. Отсюда убеждение, что главный порок младшего члена семьи – непослушание. Молодые люди, по словам Конфуция, должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его – уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и стараться сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после всего этого у них еще останутся силы, их можно тратить на чтение книг [4].

Когда ученики спросили Конфуция, в чем же заключена почтительность к родителям, тот дал простой ответ: в ненарушении принципов. Принципы же заключаются в том, чтобы служить родителям при жизни, следуя ритуалу, а после их смерти – похоронить и приносить жертвы в соответствии с ритуалом [Там же]. Таким образом, в общении со старшими ритуал ставится на первое место, что свидетельствует о доминировании в китайской культуре этического начала. Понятие «Ли», означающее не только ритуал, но и благопристойность, составляло в Древнем Китае основу социокультурного бытия. Конфуцианские этические нормы и ритуальные каноны поведения, превратившись в незыблемые догмы, прочно укоренились в древнекитайском обществе, где почитание стариков было доведено до крайности. Например, прежде чем обратиться к главе дома, или просто к более взрослому члену семьи, младшие должны были постоянно кланяться и заявлять о своем ничтожестве и невежестве [8].

В правовом аспекте возможности старших в отношении к младшим были неограниченны: продажа отцом детей, кроме старшего сына, была в Древнем Китае делом обыденным, не говоря уже о полной безнаказанности избиения младших членов семьи и даже убийства. Существовал ряд семейных преступлений, наказание за которые зависело от возраста и положения виновного.

Так, за кражу имущества у своих детей родители не несли юридической ответственности. Сын же, укравший у отца, наказывался по всей строгости закона. Донос на старшего члена семьи считался тягчайшим преступлением [6]. Более того, если отец преступал закон, то дети обязаны были его покрывать и всячески защищать. Заставить отца признаться в преступлении тоже было нельзя. Сын должен был униженно умолять родителя пересмотреть свое решение и, в случае отказа, смириться с его проступком. Кроме того, пожилым людям дозволялось несоблюдение ритуалов, которые в Китае считались священными, что свидетельствует об особом отношении к старикам и их высочайшем общественном статусе.

Рассматривая фундаментальную древнекитайскую картину мира, можно с достаточным основанием утверждать, что Конфуций оказал бесспорное влияние на формирование социокультурного статуса старости. Создав геронтоцентрическую культурную парадигму, где главной идеей являлось сыновнее благочестие, он породил и систему этических взаимоотношений, в которую прочно вошло почитание стариков и эталон долголетия. Сформировав, таким образом, этический базис в древнекитайском обществе, Конфуций воплотил свои идеи как в политическом, так и законодательном устройстве государства. В результате главным принципом общественной жизни являлось безоговорочное подчинение младших старшим и полная от них зависимость. Абсолютное и безоговорочное право отца в отношении детей, начиная с избияния, продажи в рабство и вплоть до лишения жизни, имело юридическую основу, когда закон полностью защищал подобное бесправие. Такое явление можно абсолютно справедливо назвать геронтодеспотией, и в этом наблюдается сходство древнекитайской цивилизации с античными государствами Европы.

Сыновняя почитательность, не только внутри семьи, но и на государственном уровне, стала доминирующей формой отношений, в т.ч. между народом и властью. Культ старости, не имевший равных себе ни в одном другом древнем государстве, превратился в общепринятую норму. Войдя в повседневность, он породил общество, в котором внешняя благопристойность и ритуал определяли все, и это не вызывало абсолютно никакого отторжения. Прижившись и просуществовав веками, конфуцианство позволило создать цивилизацию, где главенствовали отнюдь не религиозно-мистические взгляды, как в Индии или Египте, а рациональное начало. Отодвинув даосов, легистов и натурфилософскую школу на второй план, оно стало главным учением в Китае. Идеи Конфуция, играя ведущую роль практически во всех сферах жизни, позволили сформировать уникальное государство, построенное на определенных социально-этических принципах и бюрократическом администрировании.

Библиографический список

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 30–43.
2. Алексеев В.М. В старом Китае. М., 2012.
3. Ким Г.Н. Конфуцианство. История религий Кореи. Алма-Ата, 2001.
4. Конфуций. Лунь-юй // Электронная библиотека «ModernLib.ru». URL: http://modernlib.ru/books/konfuciy/lun_yuy/read (дата обращения: 04.05.2014).
5. Королёв М.К. Мифы. Легенды. Эпос // Китайская мифология. URL: <http://www.litlib.net/bk/15525/read> (дата обращения: 04.05.2014).

6. Система права Древнего Китая // Библиотека «Revolution». URL: http://revolution.allbest.ru/law/00104769_0.html (дата обращения: 04.05.2014).
7. Переломов Л.С. Конфуций. М., 1993.
8. Смирнов И. О «китайских церемониях», культе предков и старости в Китае // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/o-kitayskih-ceremoniyah-kulte-predkov-i-starosti-v-kitae> (дата обращения: 04.05.2014).

В.С. Калмыков

Рыцарский идеал войны и военное искусство Западной Европы XIV–XV вв.

Статья посвящена развитию военного дела в средневековой Европе. В ней рассматриваются изменения в военном деле в XIV–XV вв. и влияние этих изменений на рыцарское сословие и его идеологию.

Ключевые слова: альмогавары, битва при Азенкуре, битва при Креси, битва при Пуатье, рыцарство, рыцарский идеал войны, Столетняя война 1337–1453 гг.

В ходе Столетней войны 1337–1453 гг. ярко проявился кризис средневекового рыцарства и его идеологии. Страшный разгром французского рыцарства в битвах при Креси (1346 г.) и Пуатье (1356 г.) буквально взорвал французское общество и привел к утрате доверия к военному сословию Франции. Однако процесс разложения рыцарства и его военного дела начался несколько раньше. Как считает А. Куркин, сражения при Креси, Пуатье и Азенкуре (1415 г.) стали лишь иллюстрацией этого разложения [8, с. 4]. С чем же связан кризис рыцарства как военного сословия, и каков был идеал войны по-рыцарски? Имел ли он место в реальной военной истории? Ответив на эти вопросы, можно понять процесс развития военного искусства в Западной Европе в XIV–XV вв.

В XIV в. в европейском военном деле происходят серьезные изменения, связанные с повышением роли пехоты (стрелков и пикинеров). Появляются большие наемные армии, которые отличаются от феодального ополчения лучшей дисциплиной и управляемостью на поле боя. Рыцарство как военное сословие первым ощутило эти изменения.

Каков же был идеал рыцарского сражения? Примером этого может служить т.н. «Битва тридцати», происшедшая 27 марта 1351 г. у м. Пльоермель в Бретани. Тридцать французских рыцарей под командованием маршала Франции Жана де Бомануара сражались против тридцати английских, немецких и бретонских рыцарей. Схватка закончилась победой французов, потерявших убитыми шесть человек против девяти убитых англичан и бретонцев [1]. По представлениям рядового рыцарства, война была своего рода турниром, проходящим по определенным правилам. Например, во время «Битвы тридцати» пленные без всякой охраны ожидали окончания сражения, но могли вернуться на поле боя в случае гибели своего победителя [8, с. 15]. Фактически, рыцари воспринимали войну как спортивное состязание, правда, со смертельным исходом, но проходящее по определенным правилам. Рыцарь воспринимал сражение как групповой турнир, где можно было проявить куртуазное отношение к благородному противнику и получить возможность взять выкуп с пленного. Естественно, что простые пехотинцы и воины не рыцарского звания благородными противниками не считались и правила куртуазной войны на них не распространялись.

Несомненно, что в реальной жизни такие представления приводили к недооценке противника, а также к отрицанию какой-либо тактики действий. Рыцарству пришлось выучить несколько горьких уроков, прежде чем оно рассталось с иллюзиями о куртуазной войне по турнирным правилам. Конечно, короли и полководцы понимали эту слабость рыцарского сословия, но не всегда могли контролировать своих рыцарей, поскольку для этого надо было обладать огромным авторитетом. Первое серьезное поражение от пехоты рыцари потерпели в 1302 г. в Греции, где французские рыцари были разбиты альмогаварами (легкой каталонской пехотой). Короли Арагона заимствовали этот род войск от мусульманских государств в Испании, поскольку легкая пехота прекрасно подходила для ведения военных действий в горах. Альмогавары носили металлический шлем с кольчужной бармицей и безрукавку из овечьей шерсти, а также легкую рубаху и крепкие сандалии. Вооружались они коротким копьем и дротиками, а также большим ножом, скорее напоминавшим тесак [4, с. 37]. Каталонский хронист Рамон Мунтанер так описывает сражение альмогаваров с французскими рыцарями: «Альмогавары принялись бросать свои дротики, делая дьявольское дело, ибо в первые же моменты свыше сотни рыцарских коней французов пали наземь бездыханными или умирающими» [Там же]. Из этого видно, что дисциплинированная пехота, занимающая выгодную позицию и поражающая рыцарских коней, с успехом могла противостоять тяжелой коннице.

В 1311 г. альмогавары разбили в долине р. Кефисс рыцарей герцога Афин. Каталонцы заняли позицию на холме, за долиной реки, которую перегородили дамбой. В результате перед их позицией образовалось целое болото. Французские рыцари бросились в лобовую атаку и увязли в грязи, что позволило легкой пехоте разбить их [4, с. 39]. Следует отметить, что эти эпизоды свидетельствуют, в первую очередь, не о «пехотной революции», а о полном пренебрежении рыцарями элементарной тактикой и недооценке противника. Без должных управления и дисциплины рыцарская конница проигрывала умелому и профессиональному противнику, что не являлось большим секретом уже и в те времена. Однако эти сражения произошли далеко от Западной Европы и на них просто не обратили внимания. Только после того, как рыцарская конница французов потерпела сокрушительное поражение от фламандской пехоты в битве при Куртрэ в 1302 г., стало очевидно, что рыцарство может потерять монополию на военное дело.

Фламандцы, восставшие против французского короля Филиппа IV Красивого, осаждали замки Кассель и Куртрэ, занятые французскими гарнизонами. У них не было многочисленной рыцарской конницы, но была хорошо вооруженная пехота городских ополчений. На помощь осажденным подошла большая армия французов под командованием Роберта II графа д'Артуа. Фламандцы решили дать сражение возле замка Куртрэ. Они заняли позицию, которая не допускала отступления, поскольку за их спиной находилась река. Их построение напоминало древнегреческую фалангу: «Построенные в одну линию и сдвинутые тесно, с сомкнутыми рядами, горожане образовали одну-единственную боевую линию, выслав вперед стрелков, затем людей с копьями и железными дубинами» [5, с. 186]. Препятствия перед фронтом фламандской пехоты были искусственно усилены волчьими ямами, а другой отряд должен был отразить вылазку французов из Куртрэ [Там же, с. 188]. Из описания этого боевого порядка видно, что он был рассчитан на оборонительный бой, а отсутствие у фламандцев конницы лишало их свободы маневра и возможности преследования противника. Граф д'Артуа, как пишет Г. Дельбрюк, выжидал несколько дней, но потом решил атаковать фламандцев. Он бросил вперед генуэзских арбалетчиков и испанских метателей дротиков, которые сумели оттеснить фламандскую фалангу [Там же, с. 188–189]. С точки зрения тактики, эти действия были верными, надо было только подождать, когда ряды фламандской пехоты расстроятся, а потом атаковать. Однако командир французов бросил рыцарскую конницу в атаку, не дожидаясь расстройств пехотных рядов, к тому же рыцарям пришлось переправляться через ручей. Именно во время переправы фламандская

пехота атаковала рыцарей, что было для них совершенно неожиданным. Рыцари не могли использовать на болотистой местности натиск тяжелых боевых коней, а там, где они сумели вклиниться в ряды пехоты, прорыв был ликвидирован резервным отрядом [5, с. 189]. Победа фламандцев при Куртрэ служит примером того, что надо было предпринимать тяжелой пехоте, чтобы одержать победу над рыцарской конницей. В первую очередь, следовало прикрыть свои фланги и тыл, а также выбрать такую местность, где рыцари не смогут набрать необходимую скорость для успешного натиска. В принципе, это же проделали и альмогавары в битве при Кефиссе.

Могли ли рыцари избежать поражения? Да, но для этого надо было взаимодействовать с собственной пехотой и не принимать бой на невыгодной местности. В первую очередь, это зависело от полководца, который командовал армией. Граф д'Артуа не сумел правильно оценить противника, в то время как командиры фламандской пехоты уделяли большое внимание дисциплине и взаимодействию. «Не дайте противнику прорвать ваш строй. Ничего не бойтесь. Разите как людей, так и коней. Фландрия, Лев – вот наш клич. Любой, кто врывается в ваши порядки или прорвет их, не должен уйти живым», – такие наставления давали командиры фламандцев своим пехотинцам перед битвой [4, с. 40]. Они настраивали своих подчиненных на жесткую оборону и главное – на сохранение строя, а командующий французов явно не ожидал такой яростной обороны. Также у него не было резерва, который мог спасти положение повторной атакой.

Большую роль в этом сражении сыграл боевой дух пехотинцев, которые не испугались рыцарской конницы, а также тот факт, что предводители фламандцев, князя Ги де Намюр и Виллем ван Юлих, спешили и встали в строй пехоты, что подняло ее боевой дух и чувство сплоченности. Интересен тот факт, что Ги де Намюр перед битвой посвятил в рыцари 30 фламандских командиров из числа бюргеров [Там же, с. 41]. Это показывает, что рыцарство в средневековом обществе было не просто военным сословием, а несло также определенную мистическую и элитарную составляющую. И в этом отношении выступление рыцарей как командиров пехоты подняло ее боевой дух и дисциплину.

Возникает вопрос, почему рыцари Франции не извлекли урока из этого поражения? Как пишет Д. Уваров, определенные выводы были сделаны, и во Франции провели военную реформу. Горожанам, а также не желающим служить землевладельцам разрешили откупаться от военной службы деньгами. На собранные деньги наняли пехоту и генуэзских арбалетчиков. В битве при Мон-ан-Певеле в 1304 г. французы атаковали фламанд-

цев в их укрепленном лагере. Используя арбалетчиков и метателей дротиков, французы нанесли противнику большой урон. Вечером, когда французы отошли в свой лагерь, фламандская пехота внезапно атаковала, и король Филипп IV Красивый еле спасся. Но парижские ополченцы сумели остановить фламандскую пехоту, а король, собрав своих рыцарей, бросился в атаку. В результате фламандцы были разбиты и понесли большие потери [13]. Из этого эпизода понятно, что первостепенное значение для перелома хода битвы имели грамотное командование короля Франции и стойкость парижского ополчения. Поэтому поражение при Куртрэ рассматривалось как досадная случайность, которая никак не могла повлиять на оценку боеспособности пехоты. В результате, после смерти Филиппа IV Красивого рыцари Франции и ее короли были полностью уверены в силе и значимости рыцарской конницы и не стремились разрабатывать новую тактику сражений.

Эту новую тактику, основанную на взаимодействии лучников, копейщиков и рыцарей, разработали и внедрили англичане. Как считает М.В. Нечитайлов, «эта тактика основывалась на опыте, полученном в ходе действий против шотландцев в начале XIV в., но в сущности, уходила своими истоками вглубь времен – ее с успехом применяли еще англо-нормандские короли в XII столетии» [10, с. 15]. Английский король Эдуард I, учитывая опыт войны с валлийцами и шотландцами, стал массово использовать лучников и учить их взаимодействию с рыцарской конницей. В сражении у Конвэя в 1295 г. англичане применили лучников, чтобы расстроить ряды валлийских копейщиков и дать возможность рыцарям атаковать их строй. В сражении при Фолкерке в 1298 г. шотландские копейщики, чей строй было тяжело прорвать рыцарям, были рассеяны залпами английских лучников. Как пишет известный военный историк Чарльз Оман, «сосредоточив огонь из луков, король совершенно смешал ряды шотландцев, а затем внезапно пустил в атаку конницу» [11, с. 137–138].

Английские короли, воюя с шотландцами и валлийцами, стали рассматривать сражение не как большой рыцарский турнир, а как взаимодействие различных родов войск и продумывать тактику их применения. Кроме того, от противника нельзя было ожидать «куртуазной» войны, а королевская власть в Англии была гораздо централизованнее, чем во Франции, что позволяло использовать на поле боя дисциплину и управляемость армии. Именно в этих кампаниях англичане разработали тактику взаимодействия лучников, копейщиков и рыцарской конницы, с успехом применив ее на начальном этапе Столетней войны против французского рыцарства. Как справедливо отмечает Чарльз Оман, «именно эта тактика в значительной мере делает рыцарскую войну невозможной» [Там же, с. 133].

В принципе, было хорошо известно, что стойкая пехота, опирающаяся на фортификационные сооружения, способна отразить атаку рыцарской конницы. Но такой пехоты в средневековой Европе было немного. Поэтому французы, не имевшие противников с сильной пехотой, были полностью уверены в своем превосходстве. Английская тактика оказалась для французских рыцарей полной неожиданностью и, как пишет Нечитайлов, «нет никакого сомнения в том, что своими успехами в “Столетней” войне Англия обязана почти одному лишь сочетанию лучников и спешенных латников» [10, с. 15–16]. Данная тактика, подкреплённая дисциплиной и хорошей управляемостью английской армии, оказалась для французских рыцарей неприятным сюрпризом. Что касается эффективности стрельбы из длинного лука, то, как считает Нечитайлов, «стреляли, прежде всего, по незащищенным броней лошадям» [Там же, с. 17]. Кроме того, не все рыцари и оруженосцы имели полный комплект доспехов, поэтому неизбежны были ранения. Увеличение количества лучников и их залповая стрельба и массовое применение в сражении сразу сказались на качестве потерь противоположной стороны. Так, например, в битве при Обероне (1345 г.) «при первом же залпе 600–800 английских лучников сразу же упало свыше 1000 французов, выскочивших без лат из палаток» [Там же]. Однако, чтобы использовать английскую тактику, необходимо было иметь социальный слой, из которого можно было вербовать стрелков в больших количествах, и устойчивую традицию обучения с детства стрельбе из лука. В средневековой Европе такие условия сложились только в Англии.

Заменить лучников можно было арбалетчиками и пикинерами из свободных горожан. Например, в Италии основу городского ополчения составляли арбалетчики и павесарии (воины с большими щитами-павезами). В битве при Кампельдино в 1289 г. ополчение Флоренции одержало победу над армией г. Ареццо. Конница Ареццо атаковала по центру боевого построения флорентийцев, но арбалетчики и павесарии выдержали этот удар [6, с. 8].

Однако французская армия, которая долгое время после битвы при Куртрэ не воевала против серьезного противника, оказалась бессильной против тактики англичан в сражении при Креси в 1346 г. Следует отметить, что английский король Эдуард III получил от французов формальный вызов на бой в полном соответствии с рыцарскими правилами войны. Французы предлагали сразиться в четверг или в пятницу «в подходящем месте, не стесненном реками, стенами или валами» [14, №12, с. 26]. Видимо, сражение им виделось как грандиозный рыцарский турнир. Однако это сражение не состоялось, поскольку король Франции Филипп VI не решился атаковать укрепленный лагерь англичан у

м. Ла Капель [14, №12, с. 26]. Как считает Уваров, король Франции был прекрасно осведомлен о высокой боеспособности англичан и их новой тактике, но рядовые французские рыцари и низшие командиры не понимали осторожности своего короля. Они считали рыцарство Франции сильнейшим в Европе, потому что на международных турнирах французские рыцари лучше всех владели копьем [Там же, с. 30]. Из этого видно, что рядовое французское рыцарство воспринимало войну как большой турнир и пренебрежительно относилось к своим противникам. Именно эта психология привела французов к поражению.

Решающее сражение произошло 26–27 августа 1346 г. при Креси. Выбранная Эдуардом III позиция представляла собой невысокий холм, с северо-востока к нему примыкал лес, а с юго-запада – речка, за которой на 12 км простирался лес Креси. Таким образом, английская позиция была хорошо защищена от атак конницы с фланга и тыла [Там же, с. 38]. Практически атаковать англичан можно было только в лоб, что, несомненно, приводило к большим потерям со стороны атакующих, особенно при массовом использовании англичанами длинных луков. Построение англичан состояло из трех больших «баталий», впереди и на флангах выстроились лучники, а между ними находились спешенные рыцари и копейщики [Там же]. Перед своей позицией англичане успели вырыть большое количество узких и глубоких ям. Фактически, английский король Эдуард III отлично подготовил свою армию к обороне против рыцарской конницы. Французская армия подошла к Креси на рассвете 26 августа 1346 г. и, по данным современников, насчитывала до 12 тыс. конных и 60 тыс. пеших воинов, но, как считает Уваров, это явное преувеличение и реально французская армия насчитывала 20–25 тыс. воинов, из них 6 тыс. генуэзских арбалетчиков [14, №13, с. 15].

Первыми атаку английской позиции начали генуэзцы, однако они устали после 30-километрового марша и не имели щитов-павез, которыми обычно защищались от стрел лучников. Англичане встретили их градом стрел, и арбалетчики, понеся значительные потери, бросились в бегство. Далее французские рыцари пошли в атаку, смяв отступающих арбалетчиков [Там же, с. 16]. Это явилось одной из основных ошибок французов, свидетельствующей о полном неумении взаимодействовать с собственной пехотой. Рыцари Франции не могли быстро атаковать по размокшей от дождя земле и, набрав скорость, быстро подняться по склону холма, поэтому они долго находились под обстрелом лучников. Как пишет Фруассар, «тогда произошла ужасная давка и суматоха, лошади поднимались на дыбы и опрокидывались, английские лучники стреляли наверняка, рыцари на земле, неспособные подняться, добивались копей-

щиками» [14, №13, с. 16]. Англичане продемонстрировали новую тактику, состоявшую из взаимодействия стрелков и спешенных латников, которая прекрасно подходила для отражения лобовых атак рыцарской конницы. У данной тактики имелись и недостатки, которые заключались в том, что она была сугубо оборонительной и отдавала инициативу в руки противника. Также тактика англичан обязательно требовала оборонительных сооружений и подходящего рельефа местности, без этого она теряла свою эффективность. Но в данном конкретном сражении английский король Эдуард III сумел полностью реализовать все преимущества своей армии. Как отмечает Бернард Монгомери, «у Креси обученная, хорошо вооруженная, уверенная в своих силах английская армия под командованием испытанного полководца разбила устаревшую армию, к тому же при нерешительном командовании» [9, с. 142].

Реальная война не имела ничего общего с рыцарским турниром и победа в сражении достигалась не личной храбростью и умением, а за счет умелого взаимодействия различных родов войск и четкого исполнения приказов. К сожалению, французские рыцари не поняли этой истины и понесли большие потери. Около английских позиций было найдены тела 1542 рыцарей Франции, среди них было 11 графов и герцогов, в том числе Шарль граф де Алансон – брат короля Филиппа VI [14, №13, с. 16]. Французских рыцарей нельзя упрекнуть в трусости, но их храбрость и самоотверженность не могли спасти ситуацию. Если бы французы взаимодействовали с собственной пехотой, они вполне могли победить англичан, например, выманив их с укрепленной позиции под удар рыцарской конницы или блокировав и отрезав от подвоза продовольствия. Причины поражения французов лежат в плоскости неумелого командования и устаревшей тактики.

Через десять лет, в 1356 г., в битве при Пуатье французский король Иоанн II Добрый повторил все ошибки, которые совершил его предшественник Филипп VI. Английская армия под командованием Эдуарда Черного Принца оказалась настигнута французами у Пуатье, где укрепилась на возвышенности. Позиции англичан и гасконцев находились на возвышенности, а вдоль фронта англичане воздвигли изгородь высотой в человеческий рост. На западном фланге изгородь упиралась в болото, а на левом были сделаны ворота [3, с. 7]. Англичане избрали такую же оборонительную тактику, что и при Креси, надеясь отбить лобовые атаки рыцарской конницы. Фланги англичан были хорошо прикрыты и атаковать их было практически бесполезно. Военные советники короля Франции, такие, как маршал Клермон и шотландец сэр Уильям Дуглас, предлагали блокировать английскую армию и уморить ее голодом, или же спешить рыцарей и атаковать английских лучников в пешем строю

[3, с. 7]. Однако Иоанн II Добрый не смог реализовать ни один из этих планов сражения, поскольку не управлял своей армией. Это видно на примере того, что маршалы Одрэ и Клермон разделили свои силы и атаковали англичан без взаимной поддержки. Их атаки на английские укрепления закончились полной неудачей [Там же, с. 9]. Только после провала этих атак король Франции сам возглавил атаку во главе отряда спешенных рыцарей. Добираясь до изгороди, спешенные рыцари сильно устали, и уже не смогли ее захватить, понеся тяжелые потери. Видя это поражение, герцог Орлеанский увел свои отряды с поля боя. Что касается англичан, то Эдуард Черный Принц продемонстрировал свое тактическое мастерство. Во время лобовой атаки французов один из английских отрядов зашел им в тыл, а сэр Джеймс Одли организовал лобовую конную атаку [Там же]. Этого удара французы уже не выдержали. Сам король Иоанн II Добрый дрался, как простой рыцарь и, согласно рыцарскому идеалу, остался на поле боя, попав в плен к англичанам и умерев в плену в 1364 г. [8, с. 5]. Таковую самоотверженность можно приветствовать, но она поставила Францию на грань катастрофы.

В дальнейшем французы извлекли уроки из своих поражений, и коннетабль Франции Бертран Дюгеклен, считавшийся образцовым рыцарем, на поле боя предпочитал использовать не рыцарскую тактику ведения войны. Он использовал методы партизанской войны, уклоняясь от генерального сражения, а «основную нагрузку при штурмах английских укреплений несли стрелковые группы, состоящие из арбалетчиков и сильных лучников» [12, с. 191]. Однако сам Дюгеклен демонстрировал определенные нормы куртуазного поведения, например, перед поединком с английским рыцарем он дал обет не обнажать меча, пока не съест три миски винной похлебки во имя пресвятой Троицы [8, с. 9].

После смерти Дюгеклена французская армия забыла его уроки и жестоко поплатилась за это в 1415 г. в битве при Азенкуре. Что касается англичан, то у них «была небольшая армия, но крепко сбитая, в ней поддерживалась дисциплина, уникальная для той эпохи» [2, с. 67–68]. Ее возглавлял такой харизматичный и талантливый лидер, как король Генрих V. Как писал французский монах из Сен-Дени про английскую армию и ее солдат, «они строго соблюдали воинскую дисциплину, и неукоснительно выполняли приказы своего короля. Его призывы воспринимались с энтузиазмом, и не только знатными людьми, потому что обычные солдаты тоже обещали сражаться до последней капли крови» [Там же, с. 68].

Английская армия сохранила все свои положительные качества и тактику, опирающуюся на взаимодействие латников и лучников, защищенных надежной оборонительной позицией. 25 октября 1415 г. в сражении

при Азенкуре рыцари Франции повторили все ошибки, которые они совершили при Креси и Пуатье. Они атаковали оборонительные позиции англичан по раскисшей земле и под обстрелом лучников. Что же касается куртуазного поведения, то английский король Генрих V, считавшийся образцовым рыцарем, приказал перебить пленных французских рыцарей во время критического момента в сражении, опасаясь, что они возьмут в руки оружие и нападут на англичан [2, с. 78]. Данный эпизод показывает, что для таких королей, как Генрих V, рыцарские идеалы были нужны тогда, когда им это было выгодно.

Что касается боевых действий, то Эдуард III, Генрих V и Эдуард Черный Принц, в первую очередь, стремились к эффективной тактике на поле боя, а не к куртуазному поведению. Возникает вопрос, а существовал ли рыцарский идеал войны в реальности? Как считает известный исследователь средневековой культуры Й. Хейзинга, «в XIV или XV веках рыцарство представляло собой не более чем весьма наигранную попытку оживить то, что давно уже умерло, некий вид вполне сознательного и не слишком искреннего возрождения идей, утративших всякую реальную ценность» [15]. Получается, что рыцарская война – это некая игра средневековой элиты, в которую искренне верили лишь часть простых рыцарей и отдельные короли, такие как Иоанн II Добрый.

В реальности же военное дело Западной Европы развивалось в сторону увеличения роли пехоты, состоящей из стрелков и пикинеров и взаимодействовавшей с рыцарской конницей. Феодалное ополчение постепенно заменялось наемниками, служившими по контракту и четко исполнявшими на поле боя приказы короля. Правда, для создания такой армии требовались деньги и сильная королевская власть. В XIV в. все эти составляющие были представлены в Англии, что и позволило англичанам одерживать победы над французскими рыцарями. Что же касается тех королей, кто старался следовать идеалам рыцарства в реальной войне, то Иоанн II Добрый «дважды едва не поставил под удар независимость Франции: сначала потерпев поражение при Пуатье, а затем передав храбрейшему из своих сыновей (герцогу Бургундии Филиппу II Смелому. – В.К.) Бургундию» [15].

Можно сделать вывод о том, что идеал рыцарской войны был невозможен в реальном сражении и существовал, прежде всего, в куртуазной литературе. Попытки применить рыцарские правила в реальных сражениях привели к жестоким поражениям французских рыцарей во время Столетней войны. Реальное военное дело и его развитие оказались полностью несовместимы с рыцарским идеалом, в котором сражение рассматривалось в качестве большого турнира. Герцог Бургундии Карл

Смелый, создавая свою армию по английскому образцу, продолжал рассматривать рыцарскую конницу как основную ударную силу. Однако его армия потерпела жестокое поражение от швейцарской пехоты, что лишний раз доказало необходимость взаимодействия различных родов войск [7, с. 58–59]. Закат европейского рыцарства начался не с появлением огнестрельного оружия, а с создания наемных армий, в которых пехота и конница подчинялись единому командованию и применяли специально разработанную тактику. Этот процесс растянулся на 200 лет и закончился в начале XVI в. в период так называемых Итальянских войн между французскими королями и императорами из династии Габсбургов.

Библиографический список

1. Басов И.И. Военные турниры XIV века // X-Legio.ru. Военно-исторический портал античности и средних веков. URL: <http://www.Xlegio.ru/ancient-armies/medieval-warfare/military-tournaments> (дата обращения: 13.04.2014).
2. Берн А. Битва при Азенкуре. М., 2004.
3. Величайшие битвы Столетней войны: Креси 1346 г., Пуатье 1356 г., Азенкур 1415 г. // Новый солдат. 2002. № 36. С. 1–48.
4. Войны и сражения Средневековья 500–1500 гг. / К. Девриз и др.; Пер. А.З. Колин. М., 2006.
5. Дельбрюк Г. История военного искусства. Средневековье и Новое время. Смоленск, 2003.
6. Итальянские латники городских гарнизонов // Новый солдат. 2002. № 169. С. 1–32.
7. Калмыков В.С. Герцог Бургундии Карл Смелый как военный организатор и полководец // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2012. № 1. С. 53–61.
8. Куркин А. Закат европейского рыцарства // Para-Bellum. Военно-исторический журнал. 2000. № 11. С. 3–18.
9. Монтгомери Б.Л. Краткая история военных сражений. М., 2004.
10. Нечитайлов М.В. Тактика Столетней войны: англичане // Воин. 2002. № 8. С. 15–18.
11. Оман Ч. Военное искусство в Средние века. М., 2011.
12. Панченко Г.К. Луки и арбалеты в бою. М., 2010.
13. Уваров Д. Битва при Мон-ан-Певель 18 августа 1304 года // X-Legio.ru. Военно-исторический портал античности и средних веков. URL: <http://www.Xlegio.ru/ancient-armies/medieval-warfare/battle-of-mons-en-pevele-1304> (дата обращения: 13.04.2014).
14. Уваров Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337–1347) // Воин. 2003. № 12. С. 25–38. № 13. С. 13–26.
15. Хейзинга Й. Политическое и военное значение рыцарских идей в Позднем Средневековье // Столетняя война 1337–1453 гг. URL: <http://war100.ru/Main/heizing.htm> (дата обращения: 13.04.2014).

С.О. Буранок

Пёрл-Харбор и радиовещание США 7 декабря 1941 г.

Анализ радиопередач США периода 7 декабря 1941 г. важен для понимания специфики процесса создания образа Пёрл-Харбора. Сравнительный анализ прессы и радиовыпусков помогает понять эволюцию оценок ключевых моментов сражения и проследить воздействие данной информации на последующую историографию.

Ключевые слова: Пёрл-Харбор, американское радио, США, Вторая мировая война.

В современной исторической науке большое внимание уделяется изучению развития информационной составляющей американского общества в годы Второй мировой войны [2, с. 3–22]. Предметом пристального анализа стали не только центральная и местная пресса, кинематограф, но и плакаты, политическая карикатура [1, с. 189–262]. Тем не менее, роль радиовещания США в создании образов войны рассматривается либо фрагментарно, либо в общих формулировках. Хотя именно радио формировало первоначальное восприятие и информационное обеспечение событий, что особенно хорошо видно на примере крупнейших операций, в том числе нападения японцев на Пёрл-Харбор.

Американское общество узнало о нападении 7 декабря 1941 г. после того, как агентство «Ассошиэйтед пресс» распространило в 14.22 по вашингтонскому времени первую краткую информацию о начале войны, которая спустя несколько часов попала как в крупные, так и в малые периодические издания [9, р. 1]. Но, прежде чем сведения попали в газеты, две крупнейшие радиовещательные компании США (NBS и CBS) прервали свои обычные программы ради сообщения сенсационной новости.

Данные короткие заявления отличаются как по времени выхода в эфир, так и по содержанию. Их путь из Белого Дома на радио был стремительным: в 13.40 военно-морской министр Ф. Нокс позвонил президенту Ф.Д. Рузвельту и сообщил, что Гавайи атакованы [3, с. 667]. Президент связался с пресс-секретарем С. Эрли, который уже в 14.22 позвонил в «Ассошиэйтед пресс», «Юнайтед пресс» и INS, продиктовав короткое сообщение об атаке. Но раньше новостных гигантов самое первое объявление (со ссылкой на «Юнайтед пресс») успела сделать компания WOR из Нью-Йорка. В 14.26 она прервала радиотрансляцию футбольного

матча между «New York Giants» и «Brooklyn Dodgers» и сделала заявление: «Белый Дом (Вашингтон. – С.Б.) заявил, что японцы атаковали Пёрл-Харбор» [7]. Внезапность, экстренный характер и важность такого заявления стали сразу очевидны, и первая радионовость о войне быстро попала в газеты [8, р. 1].

Уже через несколько минут (в 14.29) сообщение о Пёрл-Харбор сделала NBC: «Только что пришли новости из Нью-Йорка. Президент Рузвельт объявил, что японцы атаковали с воздуха Пёрл-Харбор, Гавайи» [7]. Комментатор Дж. Брайтнелл дважды повторил последнее предложение. После сенсационной новости NBC включили запись рядовой радиопередачи «Канада: соседство с войной», где Дж. Маккормик, канадский корреспондент «New York Times», и Нил Джэкоби, профессор Чикагского университета, обсуждали развитие Канады в условиях войны. Никаких деталей или развернутых комментариев сотрудники NBC по поводу Пёрл-Харбора не дали.

Видно, что первые радиокomпании, сообщившие о войне, лишь на пару минут прервали свои обычные передачи, а затем вернулись к ним. В итоге, для большинства граждан этот момент оказался практически незаметным. В интервью, данных на следующий день, никто не вспомнил, что первые новости о Пёрл-Харборе пришли от WOR и NBC [6].

Совершенно иначе поступили сотрудники CBS. В 14.30 должна была начаться популярная радиопередача «Современный мир», которую по воскресеньям слушало почти все Восточное побережье [5, р. 5]. За несколько секунд до ее начала Дж. Дейли, который должен был вести передачу, услышал, как редактор отдела новостей П. Уайт взволнованно произнес слова «война» и «Белый дом». Редактор успел связаться с Дейли, предоставить ему текст заявления пресс-секретаря Белого Дома и отменить обычную передачу. Поэтому в 14.30, с задержкой на 8 секунд с момента начала передачи, Дейли, вместо традиционных слов, зачитал следующий текст: «Японцы атаковали Перл-Харбор, Гавайи, с воздуха, президент Рузвельт это только что объявил. Нападению также подверглись все военные и военно-морские объекты на острове Охау» [7]. Необходимо отметить, что от волнения Дейли ошибся в названии острова – прочитал Охау вместо Оаху. Тем не менее, его заявление в эфире CBS стало самым информативным из первых радионовостей о войне и нападении на Пёрл-Харбор.

Из других информационных особенностей сообщения следует отметить, что в нем конкретизировались цели японского нападения, а не просто были названы военно-морская база или остров. Причем данная конкретизация создавала хорошую почву для появления слухов и паники:

«нападению подверглись все военные объекты» – это, в отличие от предыдущих радиосообщений, формировало образ не просто японской атаки, а поражения, которое понесли силы США на Гавайях.

После этого новости о Пёрл-Харборе начинают прерывать передачи почти на всех каналах. В 14.32 NBCВ озвучивает первоначальное заявление о нападении со ссылкой на NBC: «Новости из Нью-Йорка. Президент Рузвельт объявил, что японцы атаковали с воздуха Пёрл-Харбор, Гавайи» [7]. Данную фразу диктор повторил два раза.

Но, пока работники других радиостанций просто повторяли срочное сообщение, лидерство в информационном обеспечении сенсационной новости захватило CBS. Уже в 14.37 – всего через 7 минут после первого эфира о Пёрл-Харбор – сотрудник CBS А. Уорнер сделал 6-минутный репортаж, где поднял следующие темы: 1) обсуждая дальнейшие шаги Рузвельта, Уорнер указывает, что «уже через несколько минут Белый Дом сделает специальное заявление», президент, по информации журналистов, назначил встречу со своим пресс-секретарем Стивеном Эрли, а также в ближайшее время Рузвельт попросит Конгресс объявить войну Японии, хотя еще вчера президент направил императору Хирохито послание с призывом к миру; 2) во время атаки у госсекретаря Халла была встреча со специальными посланниками Японии – Номура и Курусу; 3) боевые действия разворачиваются по всей южной части Тихого океана – японские войска с транспортов высаживаются в Таиланде [7].

Как видно, Уорнер точно и оперативно сообщил радиослушателям самые важные сведения. Действительно, в указанное время произошла встреча Рузвельта и Эрли, где обсуждалась будущая пресс-конференция. В 14.30 президент позвонил Эрли и продиктовал ему текст сообщения для прессы, а «через полчаса Стив Эрли явился сам, и президент продиктовал ему новое заявление, предложив Стиву немедленно опубликовать его» [3, с. 668].

Другой важной особенностью репортажа CBS было упоминание в первые три минуты слов «война» и «враждебные действия» 5 раз и, как доказательство, слова о высадке японцев в Таиланде. Следовательно, уже через 7 минут после первых сообщений о нападении на Пёрл-Харбор граждане США узнали, что это точно не ошибка, не случайность, не провокация, а полномасштабные боевые действия. Здесь впервые в СМИ США сталкиваются два образа, противостояние которых будет хорошо заметно в прессе 7–15 декабря 1941 г. – образ Пёрл-Харбора и образ будущей войны.

Материалы прессы и опросов свидетельствуют, что образ войны в первую неделю полностью доминировал над образом Пёрл-Харбора. Так,

из всех граждан, опрошенных А. Ломаксом и Ф. Коэном 8–9 декабря 1941 г., ни один не высказал беспокойства насчет неясной ситуации с Пёрл-Харбором, никто не выразил мнения, что правительство скрывает масштабы поражения. Более того, не многие люди отмечали, что атакована была именно данная база, ограничиваясь, в лучшем случае, Гавайями [6]. Отсюда можно заключить, что прессе было необходимо создавать образ именно Пёрл-Харбора, тогда как большинство граждан подобной информацией интересовалось слабо. Общественное сознание было под впечатлением новостей о начале войны, при этом детали первых операций, даже самые существенные, для рядовых граждан отходили на второй план. Следовательно, можно предположить, что в вопросе о потерях американские газеты не выражали мнения общества, а пытались его создать.

Предположение о том, что образ Пёрл-Харбора «терялся» в первые дни войны, подтверждают не только материалы опросов граждан, но и радиовыпуски. Так, в уже упомянутой передаче CBS Уорнер, в числе прочих военных новостей, рассказал о нападении японской авиации на филиппинскую столицу Манилу [7]. Все предвоенное десятилетие американское общество ожидало именно атаки Филиппин, поэтому новости об этом шли параллельно с информацией о Гавайях. Только после обнародования данных министра Нокса о потерях (15 декабря 1941 г.) значительная часть общества была действительно шокирована масштабом поражения. До этого времени Пёрл-Харбор был в глазах общественности и непосвященных в детали политиков всего лишь одним из многих объектов, которые атаковала Япония 7 декабря.

Упоминания в репортаже CBS о встрече Халла с японскими дипломатами, когда уже шла атака, сразу создало у радиослушателей образ коварной и вероломной Японии, подготовившей внезапное нападение под прикрытием дипломатической миссии. Максимально этот образ, транслировавшийся первоначально по радио, разовьет Рузвельт в выступлениях 8 и 9 декабря 1941 г. [4, р. 125–126]. Хорошо видно, как уже в первых радиосообщениях образ Пёрл-Харбора создавался на основе противопоставлений: Рузвельт направляет мирное послание императору – император готовит войну; американские дипломаты ведут мирные переговоры – японцы бомбят Пёрл-Харбор; японцы ведут войну без объявления – президент Рузвельт «попросит Конгресс» объявить им войну. Такими простыми приемами в глазах общества формировался образ страны-жертвы, причем благородной и миролюбивой. Благодаря эфиру CBS, ключевые характеристики этого образа, еще до попадания в прессу, были усвоены общественностью США. Поэтому к моменту выступления Рузвельта в Конгрессе

8 декабря, радио и пресса полностью подготовили общественное мнение, а президенту оставалось придать существующему образу более яркие и наглядные черты.

В американской историографии надолго закрепилось представление о «смятении американского общества», «шоке Пёрл-Харбора». Хотя, как показывают материалы первых радиовыпусков, Пёрл-Харбор далеко не сразу стал доминирующей темой в новостях. Журналисты на радио и в прессе 7–8 декабря 1941 г. отдавали предпочтения образу войны, которая была до выступления Рузвельта лишена того ключевого символа, каким станет на многие десятилетия Пёрл-Харбор в истории США.

Библиографический список

1. Журавлева В.И. Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. В 3-х т. М., 2008. Т. 1.
2. Суржик Д.В. Деятельность Управления военной информации США в 1941–1945 годах // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 3–22.
3. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. Т. 1. М., 1958.
4. Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942.
5. Hollister P. From Pearl Harbor into Tokyo: the story as told by war correspondents on the air. NY., 1945.
6. After the Day of Infamy: «Man-on-the-Street» Interviews Following the Attack on Pearl Harbor // Library of Congress. American Folklife Center. LWO 4872. Reel 406. Side B. AFS 6358.
7. Duplicated radio program broadcast of Dec. 7, 1941 // Library of Congress. Recorded Sound Reference Center. LWO 16675 21A1.
8. Heavy Loss of Life as Bombers raid Pearl Harbor and Manila // The Lowell Sun. 1941. 7 December.
9. Report Naval Battle Raging off Honolulu // Van Wert Times-Bulletin. 1941. 7 December.

М.А. Соболева

История развития Европейского Союза в 1946–2010 гг.

В статье поэтапно рассмотрены экономико-политические проблемы развития интеграции Европейского Союза до 2010 г. Проанализировано влияние кризиса 2008 г. на экономику Европейского Союза, а также проблемы долгового кризиса, начавшегося во многих странах-членах ЕС в 2010 г. Приводятся основные достижения на современном этапе развития, в том числе реализация идеи четырех свобод в рамках ЕС: движения товаров, физических лиц, услуг и капиталов. Автор делает вывод о необходимости разработки более эффективных оценок степени соответствия страны-кандидата при принятии новых членов ЭС. Кроме того, подчеркивается проблема принятия общих решений при слишком большом количестве стран-членов ЕС.

Ключевые слова: Европейский Союз, европейская интеграция, свобода движения капитала в Европе, свобода движения физических лиц в Европе, неоднородность развития стран-членов ЕС, долговой кризис в Европе, кризис 2008 г.

Считается, что идея объединения Европы посредством создания экономического и политического союза европейских стран принадлежит премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю. 19 сентября 1946 г. в университете Цюриха Черчилль призвал «построить нечто наподобие Соединенных Штатов Европы». Только что закончившаяся Вторая мировая война послужила тяжким опытом для людей всего мира и, особенно, для европейцев. Была очевидна необходимость прекращения распрей и войн между государствами. Спасти Европу от «националистических раздоров, порожденных Тевтонскими народами», как полагал Черчилль, могло только «воссоздание Европейской семьи», ее основой должно было быть «партнерство между Францией и Германией», именно эти две страны, по мнению премьер-министра Великобритании, должны были «вместе взять на себя лидерские обязательства» [12].

Историю развития Европейского Союза (ЕС) можно разделить на несколько этапов.

I. Период с 1946 по 1959 гг. – период становления интеграции мирной Европы. Важной вехой в развитии европейского объединения этого периода является создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г., а также Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и

Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) в 1957 г. Эти институты обязаны своим появлением министру иностранных дел Франции Роберту Шуману, его план был опубликован 9 мая 1950 г. В частности, в нем говорилось: «Единение европейских наций требует исключения извечной вражды между Францией и Германией. Французское правительство предлагает совместное франко-германское производство угля и стали... Главная задача – сохранение модернизации и улучшения ее качества в кратчайшее время, уравнивание и улучшение условий жизни рабочих в этих индустриях...» [16].

Призывы Шумана дали новый толчок в развитии интеграции. Вскоре после декларации шесть государств (Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды, Италия, Люксембург) объединили свои отрасли тяжелой промышленности (добычу угля и производство стали) под общим управлением. Основной идеей плана Шумана было то, что совместные добыча угля и производство стали, крайне важных отраслей для военной промышленности, сделает невозможными какие-либо военные действия между Германией и Францией. Повышение стандартов жизни и мирные достижения ставились Шуманом в качестве основной задачи.

В 1955 г. Жан Монне, один из «отцов-основателей» Европейского союза, учредил Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы. При его создании впервые ставилась цель достичь четырех известных свобод: движения товаров, физических лиц, услуг и капиталов. В 1959 г. был сделан первый шаг для достижения свободы движения товаров: первое понижение таможенных тарифов на 10% [1, с. 6].

В 1958 г. были приняты основные положения относительно сельскохозяйственной политики ЕЭС. Главной целью ставилось достижение независимости стран – членов ЕЭС в продовольственном плане от внешнего мира. Проводилась политика протекционизма для защиты фермеров от конкуренции со странами, не входящими в сообщество [Там же].

II. Период с 1960 по 1969 гг. – период экономического роста в ЕЭС. К 1968 г. внутренняя торговля стала беспошлинной. В 1965 г. были учреждены единый Совет и единая Комиссия Европейских сообществ, теперь организации ЕОУС, Евратом и ЕЭС действовали под единым управлением, что позволило повысить качество обработки угля и стали, ускорить модернизацию хозяйства стран – членов сообществ. Так родилась одна из мощнейших торговых групп в мире. В 1964 г. был создан Европейский фонд ориентации и гарантий сельского хозяйства (ФЕОГА) с целью достижения самообеспеченности продукцией сельского хозяйства членов сообщества. Быстрый экономический рост довольно быстро закончился кризисом перепроизводства в 1965–1966 гг. С этого времени

приоритеты в ЕЭС отдаются качеству продукции, сокращению излишков [1, с. 6].

III. В период 1970–1979 гг. наблюдался рост сообщества. Увеличилось количество стран ЕЭС. В 1973 г. к нему присоединились Дания, Ирландия и Великобритания. В 1970 г. были сделаны первые шаги к принятию единой валюты. Был установлен плавающий курс с очень узким коридором, законы спроса и предложения ограничивались политикой Центрального банка. В 1973 г. произошел нефтяной кризис из-за сговора стран – членов «Организации стран – экспортеров нефти» (ОПЕК), что породило понятие «европессимизм» – отчаяние в политических кругах западноевропейских стран, идея о принципиальной невозможности интеграции [7].

В этот период ЕЭС впервые обращается к вопросу об охране окружающей среды. Были основаны такие организации, как «Гринпис» («Greenpeace»), введены первые законы, ограничивающие выбросы вредных веществ в атмосферу. Нефтяные кризисы повторялись и в следующие годы, вследствие чего ЕЭС пересмотрел план производства и развития экономики, лидирующая ранее тяжелая промышленность потеряла актуальность из-за подорожания нефти – необходимого для нее сырья. Начали развиваться нефтехимия и электротехника.

С 1979 г. жители стран ЕЭС получили возможность напрямую выбирать членов Европейского парламента, влияние которого на политику ЕЭС возросло. В 1975 г. были сделаны шаги по улучшению экономического положения отдельных регионов стран ЕЭС, перераспределение ресурсов с целью относительного уравнивания благосостояния бедных и богатых районов – создан Европейский фонд регионального развития.

IV. Следующее десятилетие было ознаменовано падением Берлинской стены в 1989 г. и объединением Западной и Восточной Германии в 1990 г.

В 1981 г. в ЕЭС вступила Греция.

В 1985 г. началось создание шенгенского пространства. Гражданам участвующих в этом процессе стран, а также гражданам третьих стран (при наличии въездной визы) предоставлялось право свободного передвижения по всей территории Европейского союза. Шенгенское соглашение изначально подписали семь стран: Бельгия, Германия, Испания, Франция, Люксембург, Нидерланды и Португалия.

Несмотря на отсутствие таможенных тарифов между странами – членами ЕЭС, торговля между ними не была вполне свободной, как это было обозначено в целях и задачах ЕЭС. Мешали социальные и административные разногласия между странами, стандарты, субсидии национальным производителям, импортные лицензии, различные процедурные предписания. Для решения этих проблем в 1986 г. был принят Единый

Европейский Акт. В нем была поставлена главная цель – создание экономического и валютного союза стран сообщества [10].

V. Период 1990–1999 гг. – «Европа без границ». Председателем Европейской Комиссии (объединенного правительства) стал Жак Делор. В 1992 г. в Маастрихте был подписан Договор о Европейском Союзе, новое название символизировало достижение нового уровня интеграции. Результатом Договора о Европейском Союзе стала система трех «опор»:

- 1) сообщества (ЕОУС, Евратом и ЕЭС) – наднациональный уровень;
- 2) общая внешняя политика и политика безопасности – государственный уровень;
- 3) внутренние дела и юстиция – государственный уровень.

Задачи Договора – введение единой валютной системы и создание экономического и валютного союза. Кроме того, в этот период было создано европейское полицейское ведомство – Европол, введено гражданство ЕС, т.е. свобода места проживания и голосования внутри ЕС. Однако больших изменений на уровне социально-экономических институтов не произошло, необходимая для дальнейшего развития интеграции реформа институтов не была проведена.

В 1995 г. в ЕС вступили три новых страны: Австрия, Финляндия и Швеция.

С 1993 г. в Евросоюзе осуществляется политика сплочения. Ее цель – сокращение разрыва в уровнях социально-экономического развития между странами и регионами ЕС. Для помощи относительно бедным странам был создан Фонд сплочения. С 1990 г. сообщество приступило к строительству экономического и валютного союза. В мае 1998 г. был образован Европейский Центральный банк и определены 11 государств, которые первыми перешли к единой валюте. С 1 января 1999 г. евро был введен в безналичное обращение, а с 1 января 2002 г. – в наличное. Переход на единую валюту прошел четко и организованно. Реализация данного проекта является одним из самых крупных и символических достижений европейской интеграции.

В 1997 г. в столице Нидерландов был подписан Амстердамский договор, который скорректировал Маастрихтский. В основном, он регулировал сферу юстиции и внутренних дел. Вопросы визового контроля, предоставления убежища, иммиграции, охраны внешних границ, а также правовое сотрудничество по гражданским делам теперь были переведены в компетенцию сообщества.

В 2000 г. главами государств и правительств был подписан Ниццкий договор, в котором уточнялись правила голосования для стран-членов ЕС. Учитывалось не только количество голосов, но и население прого-

лосовавших стран. Это было сделано, чтобы исключить возможность для малых стран блокировать решения основного сообщества.

VI. Современный этап. С 2000 г. по настоящее время.

Глобализация в экономической сфере способствовала экономическому развитию во многих странах, но также привела к большей нестабильности в мировой экономике. Рыночная модель, установленная во многих странах, привела к свободному передвижению капиталов. Развиваются информационные технологии, уменьшаются транзакционные издержки, процессы ускоряются. Экономическое, политическое сотрудничество стран привело к их сильной взаимозависимости, к созданию сложной быстро развивающейся экономической системе, мелкое изменение (в рамках одной страны или региона) приводит к изменению всей системы.

2000 – 2007 гг. – период дальнейшего расширения ЕС. В 2004 г. к нему присоединились еще восемь стран: Чехия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Кипр, Мальта. В 2007 г. 25 стран-членов подписали договор о Европейской Конституции. Это была бы самая объемная конституция в мире, но договор не вступил в силу, т.к. жители Франции и Нидерландов на проведенном референдуме проголосовали против.

В 2007 г. в ЕС вступили Болгария и Румыния. В этом же году 27 странами был подписан Лиссабонский договор. Как пишет Н.Ю. Кавешников, «закончилась мучительная череда институциональных реформ, которые шли в Евросоюзе с середины 1990-х годов. Достаточно вспомнить основные вехи этого процесса: Амстердамский договор 1997 г., Ниццкий договор 2000 г., Конституция ЕС 2004 г. и Лиссабонский договор 2007 г.» [3, с. 55]. Лиссабонский договор, с одной стороны, содержит много норм, входивших в непринятую Конституцию, что объяснимо, т.к. договор был принят в качестве ее замены. С другой стороны, договор сформулирован как «набор поправок в действующие договоры» [Там же, с. 58], чтобы не задеть национальные интересы стран-членов ЕС.

Рассматривая результаты Лиссабонского договора, можно выделить несколько главных направлений: институциональные изменения, уточнение и конкретизация сферы влияния ЕС, реформы в системе органов управления ЕС, реформы в ОВПБ (Общая внешняя политика и политика безопасности). В частности, отменена структура трех опор, Европейское экономическое сообщество и Евратом упразднены, теперь ЕС является единственным институтом, в рамках которого происходит интеграция. Выделяется пять типов компетенции ЕС: «исключительная; совместная; координирующая; полномочия действовать в целях поддержки, координации или дополнения действий государств-членов; специфическая

компетенция в сфере ОВПБ» [3, с. 60]. Введена должность основного руководителя ЕС – председатель Европейского Совета, что должно увеличить эффективность работы ЕС, упростить процесс принятия административных решений. Сделаны шаги по отмене права вето стран-членов, в соответствии с договором это право сохраняется «в сфере ОВПБ, социальной политике, налоговой политике, в вопросах борьбы с финансовыми нарушениями, в сотрудничестве по вопросам уголовного права и ключевых аспектах экологической политики» [Там же, с. 61]. Прийти к компромиссу 27 странам крайне сложно, единогласное решение в такой ситуации маловероятно, поэтому по остальным вопросам решения принимаются на основании голосования квалифицированным большинством. Кроме того, усилена роль Европарламента, что свидетельствует о курсе на дальнейшее развитие интеграции. Также появилось положение об «обязательности совместных действий по отражению агрессии против одного из государств-членов», что говорит о том, что такое предназначение ЕС, как сохранение мира в Европе, действует в полную силу.

В ответ на начавшийся в 2008 г. экономический кризис ЕС усиленно работал в рамках программы по защите частных сбережений, поддержке доступных кредитов для бизнесменов и домохозяйств, корректировке систем финансового управления. Более чем 2 трлн. евро было выделено на восстановление экономики в период кризиса [14]. В 2010 г. были приняты меры по защите финансовой стабильности в ЕС, был создан Европейский финансовый стабилизационный механизм и Европейский Фонд финансовой стабильности. Вместе с вкладами Международного валютного фонда (МВФ) эти органы, обеспечивая финансовую стабильность, внесли более 750 млрд. евро [3].

Тем не менее, кризис 2008 г. сильно ударил по экономике ЕС. В 2009 г. во всех странах ЕС наблюдался экономический спад, за исключением Польши, в которой темп прироста ВВП составил +1,6% [11]. Такое положение Польши было вызвано политикой крайне умеренного финансового сближения с более развитыми странами ЕС и сохранения относительно независимого экономического положения страны. Польша не допускала активной кредитной экспансии со стороны иностранных банков. Кроме того, данная страна устойчиво увеличивала инвестиции в основной капитал, оборудование, что позволило в конечном итоге быстро преодолеть последствия кризиса и быстро развиваться уже в 2010, 2011 гг. [13]. Также Польша не имела на момент наступления кризиса столь сильной зависимости от экспорта в страны западной Европы. Эта страна активно использовала монетарные инструменты, чтобы ослабить негативное влияние кризиса на экспорт товаров и услуг, т.к. не имела фиксирован-

ного курса с евро, несмотря на то, что в долгосрочной перспективе имеет цель вступления в зону евро. Из сказанного выше следует, что, хотя имеются большие преимущества интеграции стран-членов ЕС, существует проблема разнородности в развитии старых и новых членов ЕС. Поэтому в лучшем положении оказываются страны, которые, учитывая свою долгосрочную цель все больше интегрировать экономику ЕС, тем не менее, сохраняют свои достаточно независимые позиции на рынках ЕС, развивают производственный сектор, проводят политику стимулирования инвестиций в основные фонды, не допускают значительной задолженности другим странам-членам ЕС.

Отдельно выделяют долговой кризис, из которого некоторые страны ЕС до сих пор не могут найти выхода. «Долговой кризис в Европе впервые проявился в конце 2009–2010 гг. и обострился в середине 2011 г.» [9]. Особенно в тяжелом положении оказались такие страны, как Греция, Италия, Португалия и Ирландия, в которых к 2010 г. долг составил более 100% ВВП [11]. Этим странам оказывается финансовая помощь со стороны властных органов ЕС. В странах-должниках проводится так называемая политика затягивания поясов, в результате которой уже в 2010 г. во многих странах происходили протесты со стороны населения [2].

Подводя итоги истории развития Европейского Союза в 1946–2010 гг., следует отметить, что европейская интеграция развивалась неравномерно, существовали периоды отклонения политики ЕС от намеченной цели, шаги назад, угрозы существованию объединения. В целом же были получены значительные достижения. Практически полностью реализована идея четырех свобод. Физические лица свободны в выборе места жительства и работы. Свобода движения капитала способствует оптимальному распределению ресурсов внутри ЕС и росту эффективности. Свободы движения товаров и услуг несколько ограничены существующими барьерами, но эта проблема рассматривается органами управления ЕС и находится в процессе решения. Важным достижением является введение единой валюты в 17 странах ЕС, что позволяет двигаться к такой интеграционной цели, как создание общего внутреннего рынка ЕС, способствует сокращению транзакционных издержек путем введения общих правил и стандартов.

Основными проблемами ЕС на сегодняшний день является проблема разнородности в экономическом развитии его стран-членов, что приводит к дисбалансам в экономике. Последнее расширение ЕС не было достаточно подготовлено. Уровни развития экономики в Польше, Болгарии, Румынии, странах Балтии значительно расходятся с уровнем развитых стран ЕС. Поспешное принятие их в ЕС было вызвано стремлением по-

лучить большую выгоду от использования трудовых, территориальных, сырьевых ресурсов этих стран, а также догнать по темпам экономического роста, развития США и Китай. ЕС следовало бы подождать с расширением, а также подробно пересмотреть маастрихтские критерии [11], включив в них оценку качественных показателей присоединяющихся стран, что позволило бы оценить реальную обстановку. Необходимо разработать более эффективные инструменты оценки степени соответствия страны Европейскому Союзу. Кроме того, план европейской интеграции, появившийся в середине XX в., сильно расходится с результатами, которых достиг ЕС сегодня. Слишком большое количество стран-членов сильно усложняет процесс принятия решений, что не способствует эффективно-му развитию дальнейшей интеграции. Высокий уровень задолженности государств сужает возможности проведения политики поддержки экономики. Таким образом, достижений у ЕС больше, чем недостатков, однако не следует проводить дальнейшее расширение, не решив назревшие проблемы внутри союза.

Библиографический список

1. Борко Ю., Буторина О. История развития Европейского Союза // Европейская интеграция: Учебник / Под ред. О.В. Буториной. М., 2011. С. 81–117.
2. В Европе проходят многотысячные протесты против «затягивания поясов» в ЕС // РБК. URL: <http://top.rbc.ru/society/29/09/2010/473941.shtml> (дата обращения: 30.02.2014).
3. Кавешников Н.Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 2. С. 54–76.
4. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред. Арбатова Н.К., Кокеев А.М. М., 2013.
5. Критерии конвергенции // Евростат. Официальный статистический сайт ЕС. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Glossary:Convergence_criteria (дата обращения: 12.12.2013).
6. Кузнецов А.В. Межрегиональные контрасты в Европейском союзе // Перспектива. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/mezhregionalnyje_kontrasty_v_jevropеjskom_sojuze_2008-12-09.htm (дата обращения: 12.12.2013).
7. Медушевский А. Европейская интеграция: механизмы взаимодействия // Вестник Европы. 2006. № 17. С. 5–18.
8. Никонов В.А. Куда идет Европа? // Стратегия России. 2012. № 10.
9. Потапова И. Долговой кризис в ЕС // Мировое и национальное хозяйство. 2012. № 1.
10. Семенова Н.С. Социальное право ЕС. Правовые основы экономического и социального регулирования ЕС: Учебно-метод. пособие. М., 2010.
11. Статистика темпов роста ВВП и государственного долга // Евростат. Официальный статистический сайт ЕС. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00115> (дата обращения: 12.12.2013).

12. Черчилль У. Речь в цюрихском университете // Вестник Европы. 2009. № 26–27.
13. Approaching storm. Report on transformation. Central and Eastern Europe and the eurozone crisis // 22nd Economic Forum Krynica Zdrój, Poland, 4–6th of September 2012. URL: http://www.pwc.pl/pl/publikacje/pwc_approaching_storm_report_on_transformation.pdf. (дата обращения: 12.12.2013).
14. Economic and Monetary Union // Ec.europa.eu. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/euro/emu/index_en.htm (дата обращения: 12.12.2013).
15. Report on Public finances in EMU European Economy. European Comission // Economic and Financial Affairs. 4.2013. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/european_economy/2013/pdf/ee-2013-4.pdf (дата обращения: 12.12.2013).
16. Schuman Robert Declaration of 9th May 1950 // European Issue № 204, 2011. URL: <http://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-204-en.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).

Е.Г. Миренкова

Факторный анализ гендерного неравенства в политике Российского государства

В статье обосновывается использование метода факторного анализа, с помощью которого можно сделать вывод о состоянии развитости гендерной политики государства не только в теоретическом, но и практическом ракурсе, прогнозировать возможные политические последствия. Основу факторного анализа составляют корреляционные связи между показателями гендерной политики и факторами, влияющими на них. Использование корреляционного анализа позволяет определять стратегические приоритеты развития данного направления государственной деятельности, разрабатывать эффективные мероприятия по внедрению гендерной политики в общую политику страны, а также рационально распределять финансовые ресурсы государства.

Ключевые слова: гендерная политика, государственная политика, политика, факторный анализ в политике, корреляционный анализ в политике, корреляционная связь, политический процесс.

Гендерные политические процессы и явления, входящие в круг наиболее актуальных проблем, рассматриваемых в политологии, достаточно сложны для научного осмысления и фиксации результатов. В настоящее время потребность в исследовании протекающих в обществе процессов становится все более острой и требует организации четкой научно-исследовательской методологии. Возросшие требования к научному инструментарию политологии можно объяснить действием ряда факторов. Во-первых, это усилившаяся к середине XX в. дифференциация между ведущими социальными дисциплинами: политологией, экономикой, социологией, психологией, правом и историей. Процесс обособления социальных дисциплин друг от друга привел к формированию характерных

для каждой науки методологических принципов, методов, языка, сфер применения исследовательских инструментов. Во-вторых, это сложившееся мнение о невысокой способности политической науки достигать общественно значимых результатов с помощью использования классических для науки методов при решении практических задач.

Социально-политические процессы являются чрезвычайно сложными, динамичными, и поэтому именно в отношении к ним политическая наука мобилизует все свои способности, чтобы обеспечить их понимание и возможность управления ими. К такому роду политических задач относится процесс формирования и реализации гендерной политики государства. Для исследования данного направления государственной деятельности необходимо вовлечение в эту работу научно-практических методов. Отсюда цель настоящей статьи – обосновать использование метода факторного анализа для исследования гендерной политики государства.

Особое значение для рассматриваемой темы имеют исследования о политическом участии женщин и их представительстве в политике [8]. В работах обозначаются проблемы создания институциональных структур для соблюдения принципов гендерного равенства в России. Надо отметить, что исследования причинно-следственных связей политического участия и представительства женщин в целом не носят системного анализа, а в большей степени затрагивают отдельные проблемные стороны. Особое значение для фундаментального изучения проблемы анализа факторов, условий, обстоятельств продвижения женщин в политику как на федеральном, так и на региональном уровнях имеет хрестоматийная работа «Гендерная реконструкция политических систем» [5], объединяющая тексты классиков политической теории и конкретные прикладные политологические работы самого последнего периода. В частности, в рамках этой работы представлена статья Е.Н. Кудряшовой и Н.Н. Кукаренко «Политическое участие женщин в Архангельской области», где авторы анализируют причины низкого представительства женщин в политике. В качестве главных из них исследователи рассматривают биологические и культурные факторы. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина [Там же] в своей книге указывают на стремление женщин минимизировать риск неудачи и остаться в относительно безопасной сфере, где они наиболее компетентны, т.е. в семье, выполняя традиционные роли. Второй фактор включает в себя две теории: структурную (теория, указывающая на политическую социализацию женщин как причину дискриминации) и ситуационную (теория складывающейся ситуации, которая охватывает несколько аспектов: обстановку в семье, профессиональную деятельность, а также отсутствие денежных ресурсов). Все это способствует неравенст-

ву в общественно-политической сфере в пользу мужчин. Похожие выводы делают в своих работах Е.С. Кочкина [6] и Л.Н. Попкова [8]. Авторы анализируют как социальные (особенно влияние социализации, гендерных ролей и стереотипов), так и политические факторы при объяснении низкой представленности женщин в политике. Наличие второго из указанных факторов объясняется двумя закономерностями: использованием различных электоральных правил, с тем чтобы ограничить возможности избрания женщин-кандидатов, например, помещение имен женщин-кандидатов в конец партийных списков или тенденция выдвижения женщин на посты, непривлекательные для мужчин в силу отсутствия там финансовых ресурсов и реальной власти, например, социальная политика, здравоохранение, культура, образование. Кроме того, сфера политики в большей степени толерантна к мужчинам, чем к женщинам [1], что проявляется в виде барьеров для возможностей политического участия, например, предубеждений против женщин в политике. Х. Шейе [2] в своей статье отмечает боязнь мужчин допустить женщин в институты власти.

Таким образом, как в западной, так и в отечественной политической мысли накоплен определенный научный багаж по вопросам, касающимся различных причинно-следственных аспектов «карьеры женщин» в общественно-политической сфере. Однако следует признать, что незначительное число научных исследований посвящено именно факторному анализу гендерного вопроса. Исследователи, затрагивая отдельные проблемные области, в целом не представляют системного анализа факторов в совокупности их влияния на гендерную политику как политику, направленную на достижение паритетного участия мужчин и женщин в общественно-политической жизни страны. Также в их аналитических трудах отсутствуют попытки проанализировать степень воздействия отдельно взятого фактора в пространственно-временном аспекте или в зависимости от исторического периода. Одновременно не просматривается вариант применения авторами практических научных методов, позволяющих наиболее точно прогнозировать, как будет изменяться ситуация по реализации гендерной политики в дальнейшем, учитывая опыт государственных мер в этом направлении в настоящем и прошлом. Например, воздействие каких факторов надо уменьшить для достижения положительного результата, а какие факторы, наоборот, будут способствовать развитию данного направления государственной политики?

В совместной работе В.И. Якунина и С.С. Сулакшина определяется место и роль факторного анализа в цикле жизни государственной политики как одно из основополагающих звеньев. В рамках исследования авторы продемонстрировали возможность найти способ соотнесения поставлен-

ной цели всем ранжированным по значимости факторам, влияющим на нее. Под факторами в данном случае понимаются условия, обстоятельства, причины, влияющие на заданную цель (ценность). В конкретном случае исследователи использовали распределенную множественную экспертную оценку о составе набора факторов и значимости каждого из них [9].

С.С. Сулакшиным был применен метод факторного анализа для исследования демографического кризиса в России в 1990-е гг. Ученый использовал четырехфакторную модель исследования: идейно-духовное (социопсихологическое) состояние российского общества; национальную (русская цивилизационная) идентичность российской государственности; роль государства в управлении демографическими процессами; социально-материальный уровень обеспеченности российского населения. С помощью корреляционного анализа автором выявлены причинно-следственные связи в условиях незнания всех деталей демографического состояния, при этом использовал метод множественной экспертной оценки как разновидности факторного анализа [10]. Была разработана схема цикла жизни государственной политики в управленческом контексте, где было обозначено место факторного анализа в процессе формирования государственной политики. Таким образом, факторный анализ способствует дальнейшему строительству адекватной государственной политики. И, наоборот, без точного представления о реальных факторах результативность государственной политики будет невысока.

Существует несколько методов факторного анализа, которые были адаптированы для политической науки и могут быть использованы для изучения гендерной политики государства. Во-первых, метод распределенной множественной экспертной оценки набора факторов и значимости отдельных факторов. Он используется в тех случаях, когда совокупность объективных показателей не всегда способна адекватно отобразить состояние исследуемого политического процесса. В этом случае целесообразно оценить качество проектов и, соответственно, осуществлять их последующий отбор на основе мнения специально отобранных для этой цели специалистов-экспертов, владеющих методологией экспертных оценок и имеющих богатый опыт в сфере решения узловых проблемных задач. Во-вторых, наиболее универсальным методом доказательства факторной природы тех или иных политических процессов или действий, их ранжирования по значимости является корреляционный анализ. Его применение в политической науке описали Дж. Мангейм и Р. Рич [7]. Авторы выделили различные методы, применяемые в политических исследованиях, в числе которых оказался корреляционный анализ как метод политического прогнозирования.

Использование корреляционного анализа позволяет выявлять факторы развития гендерной политики и их влияние на результативные показатели, определять приоритеты разработки стратегии данного направления государственной политики, а также разрабатывать эффективные мероприятия по внедрению гендерной политики в общую государственную деятельность и эффективно распределять государственный бюджет. Основу корреляционного анализа составляют зависимости, назначение которых состоит в выявлении общезначимой связи между исследуемыми переменными, в основе которой лежит действие определенного фактора. Примером корреляционной связи является зависимость результата гендерной политики – соотношение представленности мужчин и женщин в высшем законодательном органе РФ (X), например, от роли политической элиты (Y). Корреляционный анализ как метод факторного анализа может использоваться для измерения связи между различными показателями политических процессов, что обеспечивает возможность контролировать и направлять эти процессы. Наличие корреляционной связи между показателями позволяет через воздействие на один показатель оказывать влияние на другой, выстраивая порядок управления процессом.

Таким образом, факторный анализ гендерной политики может оценить реальную обстановку в рамках данного направления государственной деятельности, спрогнозировать ситуацию и выработать основные цели и задачи интересующего нас направления. Владение полной и достаточно точной информацией по гендерной политике является одним из необходимых условий для достижения прогресса в таких направлениях, как обеспечение стабильного экономического развития, длительного и надежного мира, преодоление межнациональной розни, формирование взаимовыгодного партнерства между странами, смягчение остроты ряда социальных, расовых, этнических и других проблем.

Библиографический список

1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 2012.
2. Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. Итоги выборов. Гендерный состав Государственной Думы третьего созыва // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / Отв. ред. Воронина О.А.. М., 2000. С. 174–176.
3. Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний в 1999–2000 гг. М., 2000. С. 91–105.
4. Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. И.М. Степановой, Е.В. Кочкиной, М.М. Кириченко. СПб., 2013.
5. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория: Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 46–65.

6. Кочкина Е.С. Женщины в российских органах власти // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1. С. 173–183.
7. Мангейм Дж., Рич Р. Методы исследования в политической науке. М., 2008.
8. Попкова Л.Н. Политическое участие женщин и гендерная политика // *Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы международной научной конференции*. Иваново, 15–16 сентября 2012 г. Ч. 2: Социология, политология, юриспруденция. Экономика. Иваново, 2011. С. 112–117.
9. Якунин В.И., Сулакшин С.С. О значении факторного анализа при формировании государственной политики // *Власть*. 2006. № 9. С. 31–49.
10. Skjeje H. The Rhetoric of Difference: On Women's Inclusion into Political Elites // *Politics and Society*. 2011. № 2. P. 243–263.

М.В. Фёдорова

Совершенствование подходов к формированию имиджа Новосибирской области в сети Интернет

Автор обозначает актуальные задачи, связанные с развитием современной имиджевой стратегии Новосибирской области в сети Интернет, что позволит сделать регион узнаваемым на федеральном уровне. Представлены предложения Правительству Новосибирской области как наиболее значимому актору формирования имиджа региона.

Ключевые слова: формирование имиджа региона, имиджевая стратегия региона, Новосибирская область, блог губернатора, региональная имиджелогия.

Существует много разночтений в классификациях имиджа, в суждениях относительно его природы и функциональной роли, коммуникативной сущности. Сегодня имидж – универсальная категория, применимая к любому объекту [2, с. 50]. В то же время, имидж обязательно должен представлять собой систему, учитывающую обратную связь с аудиторией.

Несомненно, работа по формированию, поддержке и оптимизации имиджа ведется сегодня не только для организаций и персон, но и для

государств, а также регионов стран и мира. Глобализация рынков и методов деловой активности, развитие глобальных информационных коммуникаций, мощных систем поддержки решений обусловили резкий рост значимости работы все большего числа структур и организаций по созданию имиджа.

При формировании имиджа региона как в целом, так и в сети Интернет, необходимо учитывать первостепенные задачи и цели, достижение которых необходимо для объекта имиджмейкинга: позиционирование объекта, формирование благоприятного имиджа объекта, поддержание и возвышение этого имиджа, корректировка и изменение имиджа, ориентировка на конкурента, отстройка от него [5, с. 142].

Имидж страны складывается из имиджа ее больших и малых городов. И иностранцы, приезжая в Россию, знакомятся, прежде всего, с ее городами и регионами, и именно на основе этих впечатлений составляют себе представление о России в целом.

Профессионально выстроенный имидж региона способствует активному развитию и процветанию территории. При этом имиджевая привлекательность региона зависит не только от его реального социально-экономического и культурного потенциала, но и от того, как этот потенциал используется. Сегодня, в условиях рыночной экономики, идет жесткая конкуренция за инвестиции и человеческий капитал, и успех региональной стратегии развития во многом зависит от имиджевой политики органов власти. Эффективная имиджевая политика региона позволяет ему активно привлекать инвестиции и профессионалов.

Имидж региона – это его стереотипизированный образ в массовом сознании. В этом образе слиты воедино представления людей по поводу социокультурных, исторических, социально-экономических, политических и других особенностей данной территории. При этом субъективное представление каждого человека о регионе может складываться как на основе конкретных личных впечатлений, так и опосредованным образом, из материалов масс-медиа, литературных и кинематографических источников, на основе рассказов очевидцев, слухов и домыслов [7, с. 214]. Таким образом, имидж региона имеет многослойную структуру – образ одного и того же региона в сознании разных людей может серьезно различаться.

В условиях информационного общества успех региона в значительной степени зависит от его имиджа, а необходимым фактором конкурентоспособности региона становится генерируемое регионом и иными значимыми акторами информационно-коммуникативное пространство региона.

Среди актуальных задач, связанных с развитием современной имиджевой стратегии Новосибирской области в сети Интернет, выделим следующие: необходимо разработать концепцию позиционирования своего имиджа в сетевом пространстве; проводить работу по укреплению региональной идентичности граждан путем активизации исторической памяти, привлечения внимания к историческим датам, культурным и научным достижениям региона в сети Интернет; активизировать работу по распространению в сети Интернет, в том числе на федеральных и международных интернет-ресурсах, информации о регионе, его достопримечательностях, особенностях, уникальности; привлечь внимание к выставкам, конференциям, форумам (международный форум «Интерра», «Форум Снега», «Технопром» и др.) с привлечением известных деятелей федерального и международного уровня; развивать систему местных коммуникаций, активизировать региональное медиа-пространство, где важно продвигать перспективные идеи развития региона в самых разных ракурсах на различных Интернет-площадках; повышать привлекательность региона для перспективных инвесторов, привлекать в регион новые предприятия путем выстраивания грамотной и комплексной политики в сети Интернет; увеличивать объем информации о туристических зонах на территории Новосибирской области в интернет-пространстве; привлекать внимание федеральной власти к проблемам и достижениям региона в сети Интернет; привлекать жителей к решению региональных проблем на интернет-площадках путем формирования механизмов обратной связи и обсуждения (форумы, гостевые книги, доступ к социальным сетям и др.).

Эксперты разработали ряд современных критериев оценки имиджевой привлекательности региона, среди которых: имиджевая история региона; индекс цитируемости региона в федеральных и региональных средствах массовой информации; инвестиционная привлекательность региона; исторические аспекты развития региона; присутствие региональных VIP-персон в федеральном информационном поле; оценка региона со стороны лидеров общественного мнения; туристическая привлекательность региона; международный имидж региона; межрегиональные связи (города-побратимы, экономическое сотрудничество); участие в международных, российских и региональных выставках, ярмарках; индекс появления в Интернет-сфере [4, с. 294].

Между тем, грамотно выстроенная имиджевая политика позволяет значительно повысить инвестиционную привлекательность региона, увеличить финансовые поступления минимум на 20%. Но эффективный брендинг возможен только тогда, когда положительный имидж региона

формируют идеи и образы, которые разделяет большинство граждан, живущих в этом регионе, и эти образы их вдохновляют. Региональным властям важно понять: образ территории нельзя произвольно сконструировать, он должен иметь социокультурные и исторические корни, опираться на реальный социально-экономический потенциал края. Формирование имиджевой стратегии должно проводиться ведущими экспертами региона: историками, культурологами, экономистами, политологами, социологами, архитекторами и строителями [1, с. 512].

В ходе исследования мы выяснили, что имиджевая политика региона должна быть направлена на формирование узнаваемого бренда территории. Бренд региона – это его уникальный яркий позитивный образ, обусловленный оригинальными социокультурными особенностями территории, ставший широко известным общественности.

В настоящее время одним из узнаваемых брендов Новосибирска является «Столица Сибири», но сейчас на этот бренд начинает также претендовать активно развивающийся Красноярский край. И если Правительством Новосибирской области поставлена задача позиционировать регион как инвестиционно привлекательный, инновационный регион, научный и культурный центр, то для достижения этих целей необходимо разработать соответствующие новые узнаваемые и уникальные бренды. Эффективное использование указанных технологий позволило бы прорвать «информационный кокон» на федеральном уровне, сделать регион узнаваемым на федеральном уровне по определенным брендам.

Важно убедить региональную элиту, что территориальный брендинг должен носить модернизационный характер, помогая стране интегрироваться в мировое коммуникационное пространство с помощью профессионального пиара, яркой рекламы и достижений современного искусства. При этом проект по брендированию региона должен быть долгосрочным.

Таким образом, важно закрепить в общественном сознании идею о том, что территориальный брендинг – это не самоцель, он должен служить инструментом для повышения качества жизни местных жителей, способствовать росту производственных и экспортных способностей региона.

Главная цель брендинга Новосибирской области – налаживание взаимопонимания и взаимодействия между властью и гражданами, живущими в одном информационном и географическом пространстве, создание территориальной идентичности. Опираясь на современную научную базу, используя новейшие технологии брендинга, Новосибирская область способна выйти на новый уровень в своем экономическом и социально-политическом развитии и внести важный вклад в развитие имиджа России в целом.

С другой стороны, если будет решен данный аспект проблемы, граждане, стихийно публикующие новости, видео- и иные материалы на различных интернет-ресурсах, идентифицирующие себя с регионом, положительно оценивающие различные элементы окружающей действительности, могут увеличить этот эффект, запуская в сеть больше положительного контента о регионе.

Новосибирская область исторически обрела свой специфический, самобытный образ как в силу объективных: географических, ресурсных, этнических особенностей, так и в силу целей и ценностей, существовавших в советскую эпоху. В итоге сформировался устойчивый, достаточно яркий и убедительный образ Столицы Сибири, крупной транспортной артерии, научного центра, культурной столицы Сибири, промышленного города. Поскольку этот образ базировался на реальных характеристиках, постоянно подпитывался процессами экономической, социальной, духовной сфер, он стал существенным фактором в решении большого круга региональных задач.

Исследование направлений формирования имиджа Новосибирской области позволило выявить определенные проблемы и сформулировать предложения Правительству Новосибирской области как наиболее значимому актору формирования имиджа региона.

1. Правительству региона необходимо преодолеть так называемый «информационный кокон», сквозь который на федеральный уровень фактически не пробиваются местные новости, что способствует разобщенности регионов. Рекомендуется взять как можно более значимое событие единственного проекта и, грамотно распределив силы, прорвать им информационный кокон. На один день в году для какой-либо целевой аудитории Новосибирск должен оказаться привлекательнее любого другого в мире.

2. Необходимо дополнить перечень мероприятий долгосрочной целевой программы «Маркетинговое продвижение Новосибирской области на 2013–2015 годы», в котором продвижение региона посредством интернет-технологий занимает на сегодняшний день 1%, мероприятиями по работе, направленной на формирование имиджа в Интернет-пространстве.

3. Усовершенствовать официальный сайт Правительства Новосибирской области в части создания иноязычной версии сайта на английском и немецком языке, а также предоставления пользователям возможности для обратной связи (форумы, гостевые книги, формы для отправки писем, опросы и т.д.). В остальных регионах они появились ранее. Благодаря развитию технологий Web 2.0 любой житель региона, имеющий доступ к сети, может быть и получателем, и отправителем информации, а также

вступать в коммуникацию с другими участниками сетевого взаимодействия, рассчитывая на обратную связь. Пользователь Интернета теперь нуждается не просто в возможности выступать пассивным потребителем информации, а участвовать в формировании имиджевого контента для региона, в котором он живет.

4. Правительству Новосибирской области может быть рекомендовано усилить продвижение в интернет-пространстве делового портала NewSib, созданного Правительством Новосибирской области в рамках маркетингового продвижения Новосибирской области. Данный портал соответствует всем критериям, предъявляемым к эффективности сайта. Однако на официальном сайте Правительства Новосибирской области нет ни одной ссылки на данный ресурс, в поисковых системах данный сайт должен быть одним из первых при запросе «Новосибирская область».

5. Использование блогов для формирования имиджа региона все чаще встречается на современном этапе развития Интернета и региональной имиджеологии. Губернатор региона как первое лицо напрямую формирует имидж региона.

Что касается Губернатора Новосибирской области Василия Юрченко, то ситуация складывается сложно. До 2011 г. у него был блог на ресурсе Politline.ru, однако писал он в него редко, с 2011 г. этот ресурс недоступен.

В 2011 г. Пресс-служба губернатора заверила, что блог губернатор будет вести самостоятельно на новом сайте, где можно будет ознакомиться с основными выступлениями, комментариями губернатора по самым актуальным вопросам, посмотреть новости о рабочем графике главы региона, а также фоторепортажи. Читателям сайта представится возможность оставлять комментарии, а после регистрации на сайте – возможность задать вопрос Юрченко. «Если говорить именно о блоге, не обещаю, что буду часто делать записи, но точно гарантирую, что любой материал, написанный от моего лица за моей подписью, не будет плодом труда никого другого кроме меня самого – в свой блог буду писать сам, хоть и не часто» [1], – процитировала Юрченко его пресс-служба. Однако реализация данного проекта не завершилась успехом, т.к. в настоящее время по данному адресу находится сайт, не имеющий отношения к губернатору Новосибирской области. Указанный пример подтверждает, что такой ресурс, как блогосфера, обладающий прекрасным потенциалом для создания положительного имиджа региона первым лицом, не используется Правительством Новосибирской области.

В условиях непредсказуемости отражения в блогосфере и социальных сетях тех или иных аспектов, влияющих на имидж региона, полностью контролировать этот процесс невозможно, но можно играть роль коор-

динатора коммуникации и контролировать формирующийся образ путем «постфактумной коррекции».

6. В рамках настоящего исследования была рассмотрена наиболее популярная социальная сеть «В контакте». По запросу «Новосибирская область» найдено 409 сообществ. Одно из сообществ создано Правительством Новосибирской области «О Новосибирской области официально», в рамках данного сообщества публикуются официальные новости, формирующие благоприятный имидж Новосибирской области. Однако хочется отметить, что количество участников сообщества составляет 785 человек, то есть 0,02% от населения области, 0,06% от пользователей социальной сети «Вконтакте», указавшим в контактных данных г. Новосибирск. Полученные данные свидетельствуют о том, что несмотря на то, что Правительством Новосибирской области создано сообщество в рамках неофициального Интернет-ресурса, направленное на формирование благоприятного имиджа региона, оно не является результативных ввиду незначительного количества участников – акторов, которые сформируют образ Новосибирской области.

7. Также в рамках настоящего исследования нами был проведен контент-анализ видео-ресурса YouTube, аудитория которого составляет около 2 млрд. человек ежедневно по всему миру. По запросу «Новосибирск» было получено около 68100 страниц, для сравнения: Москва – около 8 360 000 страниц, Санкт-Петербург – около 279 000, Екатеринбург – около 75 800 страниц. Для проведения анализа были выбраны 100 самых популярных видеороликов про Новосибирск. Результаты показали, что 50% данных роликов формируют отрицательный имидж Новосибирской области (ДТП, криминал, плохое оказание услуг), 17% – формируют нейтральное отношение (мероприятия, путешествия), и 33% – положительное. При условии, что данный ресурс является очень популярным, было бы правильно выкладывать больше роликов, оказывающих влияние на положительное формирование имиджа региона, помимо тех, которые появляются стихийно.

8. Помимо применения интернет-технологий для формирования имиджа региона, необходимо строительство и усовершенствование интернет-коммуникаций в районах области, т.к. в ходе исследования установлено, что на формирование имиджа в сети Интернет не может не оказать косвенного влияния тот факт, что количество пользователей Интернета в городе Новосибирске составляет 57% от общего количества населения города, в районах области – не более 30%. Причем качество и скорость интернет-соединения не позволяет большинству пользователей в районах области являться акторами данного процесса. А в ряде террито-

рии (около 10–15%) вообще отсутствует возможность быть пользователями Интернета в связи с отсутствием интернет-коммуникаций.

Указанные рекомендации позволяют решить тот круг проблем по формированию положительного имиджа в сети Интернет с точки зрения эффективности используемых интернет-ресурсов, их продвижения. Формирование имиджа Новосибирской области в официальных источниках направлено на позиционирование региона, обладающего высоким инновационным, промышленным и аграрным потенциалом, постоянно растущим уровнем инвестиционной привлекательности, развитой системой науки и образования, неоспоримыми достижениями в культуре и спорте.

Библиографический список

1. Новый блог губернатора Новосибирской области // NetNews.by. Новости Байнета. Новости Рунета. URL: http://netnews.by/2011/12/16/novyj-blog-gubernatora-novosibirskoj-oblasti_11609/#axzz2np4Akjwq (дата обращения: 23.02.2014).
2. Перельгина Е. Исследование имиджа в русле PR и социальной психологии // Советник. 2013. № 7 (91). С. 50–54.
3. Почепцов Г. Г. Имиджология: теория и практика. М., 2009.
4. Таранова Ю.В. Имиджмейкинг региона: схема анализа сайта регионов // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. М., 2010. С. 293–295.
5. Тульчинский Г.Л. PR-фирмы: технология и эффективность. СПб., 2011.
6. Федулова В.В. Информационные и коммуникационные технологии в контексте политики // Вестник МГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № 1. С. 112–116.
7. Шерстобитов А.С. Стратегии и модели сетевой коммуникации в современном обществе // Общество знания: от идеи к практике: Кол. монография: в 3-х ч. Ч. 2: Социальные коммуникации в обществе знания / Под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб., 2009. С. 213–218.

О.В. Ковалёва

Роль православного духовенства Волини и Ровенщины в борьбе за культурные традиции, христианские ценности и идеалы в современной Украине

В статье анализируются культурно-политические, духовно-религиозные события в современной Украине, их истоки и значение для дальнейшего развития общества. Осмысливается неоднозначность деятельности людей, которые находятся во главе государства, в отношении сохранения культурного достояния, традиционной религии, духовного наследия украинского народа. Характеризуется роль православного духовенства Волини и Ровенщины в борьбе за культурные традиции, христианские ценности и идеалы.

Ключевые слова: Волинь, Ровенщина, православное духовенство, культурные традиции, христианские ценности, идеалы, каноническое православие, Ровенская епархия, Украинская православная церковь (УПЦ).

Исторически сложилось так, что именно духовная интеллигенция украинского общества заявила о себе как о ретрансляторе традиционной веры, культуры, традиций, нравственных ценностей. События начала XXI в. вновь показывают нам неутомимую активность священнослужителей в борьбе за охрану духовного наследия страны. Изучая историю, мы в каждом ее периоде находим несомненные следы промыслительного Божьего попечения о всех христианах, где бы они не проживали. Действиями православного духовенства разоблачаются лукавство, злодеяние, грехопадение нынешнего человечества. И если этот процесс остановится,

украинское государство стремительными темпами рухнет под грузом бесконечных предательств, обмана, измен, внутренних интриг и внешнего давления со стороны Евросоюза и США, откуда в Украину массово прибывают представители различных сект, последователи Рона Хаббарда и другие неправославные субъекты.

Тот факт, что Украину сегодня возглавляют люди, далекие от канонической православной церкви, христианской любви и уважения к братьям и сестрам по вере, культуры, ценностей, спровоцировало начало конфликта между братскими православными народами России и Украины. И для его еще большего разжигания сегодня делается очень много именно мнимыми миротворцами и лукавыми посредниками со стороны неправославных государств. В результате, уже видно, что наша хозяйственно-экономическая жизнь давно замерла, она опутана удушающей сетью т.н. «реформ», которые ввергли страну в экономический, политический и культурный хаос.

В условиях, когда делается все, чтобы прельстить людей, отвлечь их внимание от главного – экономического, политического и культурного хаоса – путем вовлечения в майданы, митинги, протестные акции, необходимо срочно вернуть православному человеку понимание истинного смысла его существования на земле и направленность действий. И никто другой, кроме духовенства, не сделает это максимально точно, эффективно и правильно. Вопросы религиозного осмысления истории славянских народов, одним из которых является украинский, приобретают в этой связи особую злободневность. Игнорировать их – значит поддерживать направление к смуте, беззаконию, попранию святынь, предательству, разврату, и, в конечном итоге, физической гибели общества. Процесс апостасии, разложения живого и цельного христианского мироощущения, предсказанный Иисусом Христом почти два тысячелетия назад, может оказаться близок к завершению. И мы, по всей видимости, имеем перспективу стать современниками «последних времен».

Вышеизложенная проблематика необычайно актуальна в наше время. Всем небезразличным к судьбам славянских народов людям необходимо задуматься над происходящими событиями в мировом и локальных масштабах. Именно это побуждает автора статьи приложить свои скромные усилия к исследованию столь сложной и важной тематики. Кроме этого, перед нами поставлена задача показать, что религиозный смысл славянской истории и культуры выходит далеко за рамки национального и политического значения. Объединив свои стремления, славяне смогут устоять в духовной брани, которая так активно и лукаво посылается сегодня в жизнь братских русского и украинского народов.

На протяжении десятков веков известные миру православные митрополиты, архиепископы, прославленные святые отцы озвучивали свои пророчества о будущем православия в славянских государствах. Вспомним, в частности, преподобных Афонских, Оптинских, Валаамских, Киево-Печерских, Почаевских, Радонежских, Псково-Печерских и др. старцев. А также преподобных Серафима Саровского, Кукшу Одесского, Лаврентия Черниговского, Серафима Вырицкого, святого праведного Иоанна Кронштадтского, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна и еще многих известных людей. Все они свою жизнь посвятили утверждению православия на земле Русской, сохранению Слова Божьего и Заповедей Господних вопреки большим соблазнам, грехопадению, искушениям.

Одним из первых ученых, которые обратили внимание на культурно-просветительскую и благотворительную работу Волынского и Ровенского духовенства, стал профессор Иван Власовский, описавший проявления и результаты такой деятельности [1]. Интересную информацию в этом вопросе находим в трудах о. Николая Ленчевского [8]. Вклад Общества Петра Могилы в процедуру просветительства православного населения Волынского воеводства 1930-х гг. исследовал о. Тимофей Миненко [7]. Очень часто священники региона сочетали свои культурно-просветительские усилия с работой представителей Общества «Просвита». Это фиксируется в некоторых документах Государственного архива Волынской области [3–6].

Среди современников тему роли православного духовенства Волыни и Ровенщины в сохранении культурных и духовных традиций, христианских ценностей предыдущих периодов представляет архиепископ Ровенский и Острожский Варфоломей. Важные сведения в своих трудах дают ученые В. Борщевич, С. Жилюк, А. Киридон, П. Кралюк, Н. Стоколос, И. Тимочко, Я. Хаврук и др. Но следует отметить, что работы упомянутых авторов не касаются проблематики, которая будоражит общество в наше время. Они не анализируют причин духовного кризиса и раскола в современной Украине, утеснения православных граждан другими христианскими конфессиями и представителями различных иностранных сект. В них отсутствует гипотетический взгляд на будущее канонического православия в Украине, возможность священникам и дальше развивать духовно-нравственные ценности среди своих прихожан. А эта тема крайне важна в обществе, в котором собралось множество желающих внедрить в духовную жизнь людей идеи экуменизма, создания поместных церквей, автокефалии и других антиправославных замыслов.

Закономерно, что задачей православного духовенства Волыни и Ровенщины, кроме свершения богослужений в храме, является ревностное сохранение основных положений вероучения (догматов), зафиксированных в двух равных по авторитету для церкви источниках – «Священном Писании» (Библии) и «Священном Предании» (переводе). В постоянной защите со стороны духовенства нуждаются и главные догматы, изложенные в Символе Веры. Православная традиция требует от духовенства сохранения в неприкосновенности не только содержания догматов в интерпретации «отцов церкви», но и сохранения их догматической формулировки. Православие не предполагает ни увеличения, ни сокращения количества догматов, канонизированных Вселенскими Соборами. Истинами считаются только те положения вероучения, которые утверждены первыми двумя Вселенскими Соборами.

Позволим себе остановиться на нескольких ключевых моментах, которые фактически существуют в отношениях церкви и общества, однако в данный момент никак не урегулированы законодательно или же урегулированы недостаточно.

Первой проблемой, которой занимается духовенство Волыни и Ровенщины, является предоставление статуса юридического лица религиозным объединениям. Следующая проблема украинского законодательства – фактическая дискриминация церковных образовательных учреждений. Система образования в Украине является централизованной. Соответственно, непризнание государством того или иного учебного заведения ставит его в положение «изгоя» в образовательной системе. Дипломы такого заведения не признаются государственными институтами, его студенты не имеют льгот, которыми пользуются их коллеги из светских вузов. Ученые степени в области богословия также не имеют юридического веса. Но, главное, что церковь лишена права открывать учебные заведения, в которых преподавание церковных дисциплин было бы интегрировано в общеобразовательный контекст.

Вследствие такого ничем не оправданного законодательного ограничения религиозным организациям приходится или маскировать богословские факультеты под религиоведческие (как это имеет место в Черновицком национальном университете им. Ю. Федьковича), или проводить двойную регистрацию высшего учебного заведения: как частного светского и как духовного (когда де-факто одно учебное заведение формально является двумя независимыми юридическими лицами), или сознательно отказываться на этом этапе от интеграции в общенациональную систему образования (как Киевские духовные Академия и семинария). Для решения этой проблемы необходимо признание за богословием

статуса отдельной науки и профессии, на что украинское министерство образования пока не соглашается.

Следующей актуальной в среде духовенства проблемой остается уровень отношений Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) и органов государственной власти. Ведь у государства всегда существовал соблазн создания теневых механизмов влияния на церковь и ее иерархов. Однако, если в тоталитарных государствах такие механизмы и могли повлиять на церковную жизнь, то в современных демократических странах эти механизмы, даже если имеют место, оказываются неэффективными. Не является исключением и современная Украина. Ведь хорошо известно, что три президента Украины (Л. Кравчук, Л. Кучма и В. Ющенко) были и являются сторонниками создания единой Поместной Церкви, видя в ней один из механизмов становления и консолидации украинской нации. Президент В. Янукович, в свою очередь, отличался приверженностью к каноническому православию, чем вызывал взаимопонимание прихожан Московского патриархата и яростное раздражение у сторонников автокефалии, униатов, раскольников-филаретовцев и представителей других общественных и религиозных организаций.

Соответственно, ставя перед собой задачу создания такой «единой» Церкви, трое вышеупомянутых глав украинского государства придерживались определенной политики относительно УПЦ МП, в т.ч. в Волынской и в Ровенской областях. Отметим, что за это время церковь испытала на себе всю гамму «оттенков влияния»: от игнорирования и выталкивания на периферию общественной жизни до предложений статуса, по сути, государственной церкви в обмен на те или иные условия.

Но в состоянии ли сегодня само государство объективно и основательно ответить себе и всему православному обществу, для чего ему нужна «Поместная Церковь»? Ответа на этот вопрос, увы, нет. Активно озвучивалось только желание, чтобы церковь такой статус получила. В этой связи считаем необходимым напомнить всем заинтересованным лицам, что утверждение поместной церкви не может быть односторонним актом выполнения воли чиновников.

Острую конфликтность сохраняет норма устаревшего Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» относительно поочередного использования культовых сооружений [2, ст. 17]. Данное положение создает условия для фактической зависимости религиозных организаций от предвзятой позиции местных органов власти и постоянно провоцирует межцерковные конфликты и столкновения. Несмотря на то, что было издано уже несколько Указов президента и Кабинета министров Украины относительно возвращения религиозным организациям

церковного имущества и преодоления последствий политики бывшего СССР относительно религии, ни один из принятых нормативных актов в полном объеме еще не выполнен. Поэтому предстоятеля УПЦ МП – блаженнейшего митрополита Владимира – не допускали к богослужению в кафедральном соборе киевских митрополитов – Святой Софии Киевской. Кафедральный Свято-Владимирский собор и резиденция предстоятеля УПЦ МП по-разбойничьи были захвачены раскольниками еще в 1992 г., используются ими и до сих пор не возвращены канонической церкви – их законному владельцу.

Примером пренебрежительного отношения со стороны государства к православным и их религиозным убеждениям и чувствам стал также организованный в 2001 г. визит в Украину ныне покойного римского папы Иоанна Павла II. Дополнением к вышесказанному было необоснованное пастырской целесообразностью перенесение из Львова в столицу Украины ячейки униатов, традиционно базировавшихся на Западной Украине, а конкретней – в Галиции. Как видим, церковь остается не услышанной во многих вопросах внешней и внутренней ее жизни.

УПЦ МП на территории Волини и Ровенщины в период провозглашения государственной независимости фактически не имела доступа к средней и высшей школе, средствам массовой информации, систематически поливалась грязью со стороны кучки националистов и ставилась в идеологические границы неполноценности. Но, несмотря на это, церковь в лице духовенства служила своему народу, она всегда призывала, призывает и будет призывать к единству канонического православия, поскольку ненормальное состояние разделения отвлекает внимание прихожан и расплывает силы на внутреннюю, никому не нужную борьбу и вражду. Вместо этого необходимо совместными усилиями активизировать социальную, благотворительную и просветительскую деятельность священнослужителей, а не упрекать друг друга в непатриотичности или доказывать посредством языка, традиций, вероисповедания, кто из нас больше украинец.

Кроме этого, печально, что само государство, желая иметь единую УПЦ, стеснялось в своих законодательных нормативных актах именовать себя православным, не спешило отметить особую роль православия в собственном же становлении и тысячелетнем процессе создания государства Украины. Ревностно борясь за сохранение украинского языка, вызывая шквал негодования по поводу его дискредитации со стороны русскоязычного населения, современная власть, которая выросла на слезах и крови «Киевского майдана», забыла или попросту игнорирует тот факт, что теряет традиционную, истинную для украинцев веру – правос-

лавную. Именно об этом сегодня надо говорить и действовать, не жалея сил и времени. А пока этот вопрос замалчивается, в Украину и дальше смелым шагом заходит и начинает заявлять о своих правах сектантство и вероотступничество. И даже украинский язык, как видим, не помогает остановить такую негативную тенденцию. Значит, дело действительно заключается в другом.

Много духовного труда священники Воьныи и Ровенщины показали в тот период, когда каноническая православная церковь испытывала давление со стороны государственных структур. В большинстве случаев это было давление местных органов власти. Особенно ощутимой такая ее деятельность была после т.н. «оранжевой революции» в западных регионах Украины, где многие государственные чиновники в то время позволяли себе проводить религиозную политику в интересах «собственной» конфессии – Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) или Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП). Ярким примером может служить политическая карьера крайне националистически настроенного политика ныне покойного В.М. Червония, который на протяжении 2005–2006 гг. занимал должность председателя Ровенской областной государственной администрации. На посту губернатора господин Червоний осуществлял предвзятую конфессиональную политику, систематически способствовал нарушению прав верующих УПЦ МП. Но его деятельность в конфессиональной сфере была обусловлена не соответствующими директивами главы украинского государства, а его личными политическими и религиозными предпочтениями. Вместе с тем, у президента страны того периода В. Ющенко оказалось достаточно политической мудрости, чтобы дать объективную оценку его деятельности и отстранить от должности, в результате чего давление местных органов власти на общины УПЦ в Ровенской области значительно уменьшилось.

Как свидетельствует вышеприведенный пример, УПЦ МП осуществляет сегодня свое спасительное служение в сложных, а иногда крайне неблагоприятных условиях. Особенно они обострились в процессе последних политических событий в Украине, когда угрозам и давлению были подвергнуты даже наместники и монахи Киево-Печерской и Почаевской Лавр.

Более проблемной для духовенства и верующих была и остается возможность диалога УПЦ МП с УПЦ КП, которую возглавляет бывший митрополит Филарет, провозгласивший себя патриархом всея Украины. УПЦ МП принципиально не выступает против ведения этого диалога, более того, проведение его считается даже желанным. Однако четко при-

держиваясь канонической традиции, нельзя вести официальный и полноценный диалог с УПЦ КП до тех пор, пока ее глава не принес покаяния в грехе раскола перед матерью-церковью и находится под анафемой.

Завершая в этой статье исследование темы роли православного духовенства Воыны и Ровенщины в борьбе за культурные традиции, христианские ценности и идеалы, отметим, что еще многие вопросы необходимо изучать и освещать. Это прямая обязанность современной науки, которая может разобраться в вопросах, замалчивающихся в силу субъективных причин в современной Украине, или подающихся населению как мало-значимые.

Библиографический список

1. Власовський І. Нарис історії Української православної церкви. Т. IV. Кн. 2. Нью-Йорк – Київ – С. Банд Брук, 1990.
2. Закон України «Про свободу совісті та релігійні організації». URL: http://risu.org.ua/index/resources/goverments_doc/major/43715 (дата обращения: 14.02.2014).
3. Лист єпископа Крем'янецького Діонісія (Валединського) Товариству «Просвіта» у Володимирі, № 86, 24 лютого 1921 р. // Державний архів Волинської області (ДАВО). Ф. Р-390 (Колекція листів і документів). Оп. 1. Спр. 2. Арк. 32.
4. Лист З'їзду православного духовенства Володимирщини Товариству «Просвіта» у Володимирі, 1 лютого 1921 р. // ДАВО. Ф. Р-390. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 19.
5. Лист ігумена Бориса редактору газети «Українська нива», 13 травня 1930 р. // ДАВО. Ф. Р-199. Оп. 2. Спр. 4. Арк. 18.
6. Лист Організаційного гуртка у м. Горохові Українському Товариству «Просвіта» у Володимирі, 6 лютого 1921 р. // ДАВО. Ф. Р-390. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 18.
7. Міненко Т., свящ. Православна церква в Україні під час Другої світової війни 1939–1945 (Волинський період). Т. 1. Вінніпег – Львів, 2000.
8. Lenczewski M., ks., dr. Studium teologii prawoslawnej na uniwersytecie Warszawskim w latach 1925–1939. Warszawa, 1992.

В.И. Овсянников

Новая история стран Азии или история стран Азии в Новое время: тезисы для дискуссии

Ставится вопрос о целесообразности пересмотра периодизации Новой истории стран Азии. Во главу проблемы автор выносит вопрос собственности в традиционном обществе и рожденной ею формой государственной власти. Автор проводит сравнительный анализ статей общественного развития Азии и Европы. **Ключевые слова:** системообразующие и системоразрушающие факторы, новая история, частная и государственная формы собственности, колониализм, социальная революция, вторичный капитализм, многофакторность в истории.

Страны Азии к началу Нового времени всемирной истории находились на различных уровнях развития (ступенях зрелости). Изучение прошлого этих стран подтверждает вывод о том, что каждая из них прошла свой путь, имевший характерные черты. При этом сравнительный анализ истории стран свидетельствует о наличии у них *типологически схожих системообразующих факторов*.

Все историки в основном оперируют в целом одними и теми же историческими фактами и явлениями (которые, впрочем, постоянно дополняются и конкретизируются), но трактовка и оценка изучаемого материала бывает различной, что ведет к рождению различных концептуальных построений. Это нормальное явление, но важно при этом выработать общепризнаваемые отправные основы исторического процесса, по которым будут рассматриваться узловые вопросы жизни отдельных обществ и государств, определявшие их движение в историческом пространстве и времени.

Возьмем проблему периодизаций истории Нового времени и положения в ней стран Азии. Традиционно историография начинает Новое время всемирной истории с английской буржуазной революцией. Попутно заметим – как бы наш ученый мир не спорил с К. Марксом, но этот критерий взят из его формационной теории, в основе которой лежит, как известно, способ производства. К. Маркс, думается, был прав – в Европе действительно родилось новое, перспективное общество. Но как быть со странами Азии, Африки, Латинской Америки? Ведь они продолжали жить по-старому в традиционном обществе, а капиталистический способ производства их еще никак не коснулся? Да и основная часть Европы еще не почувствовала веяния новых тенденций в общественной жизни.

Отсюда первый тезис: представляется корректнее говорить о положении народов и стран Азии в Новое время, т.е. в эпоху рождения и развития в Европе нового прогрессивного общественного явления, восточные страны в то время даже эмбриона нового общества не вынашивали.

Современная отечественная историография, отвергающая формационную теорию К. Маркса, часто склоняется к признанию колониализма как фактора, определившего положение восточных стран, а колониализм Нового времени, как известно, плоть от плоти порождение капитализма. «Новое время в истории Европы, – пишет Л.Б. Алаев, – это период становления капитализма, а в истории Востока – это период колониализма, когда капитализм там тоже развивался, но в совершенно иных, чем в Европе, условиях» [1, с. 17]. О значительной роли колониализма в жизни восточных стран трудно спорить, что же касается развития там капитализма, то это утверждение требует уточнения, т.к. истоки колониализма обнаруживаются уже в XVI в., в то время как генезис местного капитализма в Азии приходится в лучшем случае на вторую половину XIX в. и вполне определено – на последнюю треть XIX в.

Другой отечественный востоковед Л.С. Васильев, отстаивая эпоху колониализма как «новый этап истории Востока» [2, с. 12], не характеризует этот этап, а способ производства вообще не рассматривает с точки зрения хронологии истории Нового времени.

Такой подход к периодизации побуждает ко второму тезису: складывается парадоксальная ситуация, при которой ученые признают родовым признаком капитализма в Европе способ производства, а на Востоке – колониализм. Хотя сам же Васильев справедливо утверждает, что на ранних этапах взаимодействия европейцев с Востоком обнаруживаются лишь ничего не менявшие в положении восточных народов торговые отношения. «Пусть неравноправная, – пишет он, – подчас не эквивалентная, даже из-под палки, сопровождавшаяся принуждением и насилиями, порабощением людей и т.п., но все же именно торговля», которой недостаточно, «чтобы говорить о сущностно новом» [Там же, с. 11], т.к. к этому Восток привык, «достаточно напомнить о монгольском нашествии, о походах Тимура» [Там же]. Но тогда получается, что огромный период эпохи колониализма не вписывается в периодизацию всемирной истории, выпадает из нее, т.к. Востоку еще далеко до рождения капитализма, и остается только то, что Азия переживает аморфный «новый этап», не несущий ничего «сущностно нового».

Складывание качественно новой ситуации на Востоке Л.С. Васильев относит к эпохе промышленного капитализма в Европе. «Иное дело – XIX век, – пишет он, – Восток превращался в рынок сбыта и источник

сырья, внутренняя торговля и ремесло в странах разорялись, рушились “привычные нормы бытия”, политические кризисы, ослабление государственной власти и многое другое... Вот это и есть то сущностно новое...» [2, с. 11].

Принимая констатацию Л.С. Васильевым новых явлений в жизни восточных стран, порожденных эпохой промышленного капитализма, можно заключить, что речь идет об разрушительных действиях колониализма, но тогда второй тезис следует дополнить заключением о том, что разрушительной деятельности колонизаторов недостаточно, чтобы говорить о наличии нового созидательного элемента в жизни восточных народов, т.к. системоразрушающий фактор еще не определяет перспектив развития общества.

Можно согласиться с логикой К. Маркса, обстоятельно исследовавшего в 1853 г. положение в Индии. Он придавал большое значение разрушительной деятельности англичан в этой стране, под стать которой и последствия господства колонизаторов в других восточных странах. Маркс исходил из того, что «Англия подорвала саму основу индийского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток его преобразить. Потеря старого мира без приобретения нового придает современным бедствиям жителя Индии особенно удручающий характер и прерывает связь Индостана, управляемого Британией, со всеми его древними традициями, со всей его прошлой историей» [3, с. 305]. Это заключение К. Маркса относится к 1853 г., но этим оценка колониализма Марксом не ограничивалась. Он считал, что «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии... Страницы истории господства англичан в Индии едва ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа едва заметна за грудой развалин. Тем не менее, эта созидательная роль началась» [4, с. 225].

Концептуально можно согласиться с Марксом о постановке вопроса о периодизации с точки зрения *системоразрушающих* и *системообразующих* общества факторов. На этапе разрушения традиционного Востока, т.е. коренной ломки старого, традиционного общества, освобождалось пространство для генезиса на его развалинах нового общества, коим в то время могло быть ни что иное, как буржуазное общество.

Действительно, нарушение хозяйственных связей вследствие войн, захватов, грабежей одних народов другими во все времена было обычным явлением истории, и для покоренного народа, в сущности, было все равно, кто им управляет: собственные правители или пришлые народы,

они как вели свое хозяйство на земле, так и продолжали вести его, как платили налоги, так и продолжали их платить. Основы их образа жизни от этого если и менялись, то мало, а главное – эти перемены не носили трансформационного характера.

Со времени появления англичан в Азии колониализм эволюционировал от простейших форм до, по мере развития буржуазного производства в европейских странах, отлаженного механизма эксплуатации. Движение европейцев в Азии от простого грабежа и торговли к эксплуатации методами промышленного капитализма привело к постепенному разрушению традиционных основ общества. Обращает на себя внимание вывод Маркса о том, что тем самым англичане произвели в Индии *«единственную социальную революцию»*, какую когда-либо знала Азия. Вмешательство промышленного капитала, стремившегося лишиться колониального господства торговый капитал и продолжить использование восточных ресурсов в угоду своим потребностям несли в себе принципиально формы и методы эксплуатации.

Позицию Маркса следует развести на две составляющие. Первое: в эпоху господства торгового капитала в Индии и других восточных странах процесс разрушения традиционного общества если и начался, то незаметно (фрагментарно), не системно; в полной мере с действием системоразрушающего фактора Азия столкнулась в эпоху промышленного капитализма. Как отмечалось, были созданы предпосылки рождения новых общественных отношений.

Третий тезис: процесс колонизации в Новое время продолжался постепенным переходом к «созидательной деятельности» европейцев и капиталистической трансформации восточного общества по их образу и подобию посредством ввоза капитала, строительства в странах Азии промышленных предприятий и средств коммуникации. Вот в эти годы и начинается генезис капитализма в некоторых странах Востока.

Результатом этого процесса было втягивание стран Азии в создание единого мирового капиталистического хозяйства. Страны, включенные в колониальную систему, были окончательно превращены из субъектов истории в объекты воздействия на них метрополий. Эпоха монополистического капитализма привела в социально-политическом смысле к рождению новых системообразующих явлений в восточных обществах, характеризующихся в научной литературе как буржуазно-национальных и вызревших к началу XX в. в первые революции в ряде стран Азии.

Сравнительный анализ эволюции восточных стран свидетельствует, что смена эпох и их исторического развития происходит не по одному и тому же, раз и навсегда заданному вектору, она намного сложнее, изви-

листее и происходит в каждой из них, порой, в различных временных пределах. Это позволяет говорить о многофакторности исторического развития, отрицающего его однолинейность. При этом совершенно определено прослеживаются переходные периоды, в течение которых формируются системообразующие факторы.

Сказанное побуждает сформулировать заключительный тезис о том, что можно признать вторую половину XIX в. той эпохой для восточных народов, когда они начали вступать в Новое время своей истории и стали стремиться к самоопределению в формировании основ капитализма в своих странах. Очевидно и то, что восточный капитализм рожден не путем естественной эволюции, а был привнесен европейцами и нес в себе черты вторичности (колониальный капитализм).

Библиографический список

1. Алаев Л.Б. История Востока с древнейших времен до начала XX в. М., 2014.
2. Васильев Л.С. История Востока: Учебное пособие. М., 1993.
3. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 9. С. 130–136.
4. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 9. С. 224–230.

Авидзба Регина Леонтиевна – аспирант отдела русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького; менеджер по работе с клиентами, международная консалтинговая компания «Global solutions of law & Consulting». E-mail: reginaavidzba@rambler.ru.

Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук; доцент кафедры социальных технологий и организации работы с молодежью Института политики, права и социального развития, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: belov2006s@yandex.ru.

Буранок Сергей Олегович – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы новейшей истории и политики», МГГУ им. М.А. Шолохова, доцент кафедры всеобщей истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru.

Ерохина Ольга Викторовна – доктор исторических наук, доцент; доцент кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: erohinal@mail.ru.

Захарчук Олег Николаевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории и документоведения Гуманитарного института, Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина. E-mail: korsika1769@gmail.com.

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры зарубежной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: newlofty@mail.ru.

Ковалёва Ольга Викторовна – кандидат искусствоведения, докторант Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств, г. Киев, Украина; доцент. E-mail: ov.b.77@mail.ru.

Лихачёв Михаил Олегович – доктор экономических наук, доцент; заведующий кафедрой экономики и государственного управления, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: olegmix71@mail.ru

Меликова Каринэ Андреевна – аспирант кафедры отечественной истории и культурологии МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: byrsik@bk.ru.

Миренкова Екатерина Геннадьевна – магистрант кафедры государственного и муниципального управления и политических технологий Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. E-mail: smolensk1706@mail.ru.

Овсянников Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры зарубежной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: ovvaler@yandex.ru.

Соболева Мария Александровна – магистрант кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: gincana@yandex.ru.

Фёдорова Мария Викторовна – магистрант кафедры политологии Института политики, права и социальной работы МГГУ им. М.А. Шолохова; помощник депутата, Законодательное собрание Новосибирской области. E-mail: krugl_mv@mail.ru.

R. Avidzba

Secret landing reconnaissance of baron F. Tornau on the Caucasus and Abkhazia

The author describes the situation in the North and West Caucasus and the eastern seacoast of the Black sea in the first part of the XIX century and the circumstances corresponding to the appearance of the Russian troops there in the 1830s. The article is based on the analysis of F. Tornau's memoirs who gathered various materials on the history, ethnography, historical geography of the West Caucasus that present a diverse picture of life of the Caucasus peoples in the first third of XIX century.

Key words: annexation of the West Caucasus to Russia, annexation of Abkhazia to Russia, Adrianopol treaty, F. Tornau, F. Tornau's memoirs, reconnaissance in 1830s in Abkhazia and the Caucasus, general A. Patsovsky, first lieutenant Nikolay Shakrilov, Abkhaz possessor M. Shervashidze, Black sea coast line.

S. Belov

Position of German war prisoners in Russia in the World War I (on the materials of archives of Upper Volga region)

The article is devoted to clarifying the conditions of stay of war prisoners of armies of the Central Powers in Russia during the First World War (1914–1917). The source base of research consists of materials of the State Archives of Vladimir, Kostroma and Ivanovo regions. The author studies living and working conditions of officers and rank and file. Special attention is paid to the question of the level of discipline of war prisoners.

Key words: World War I, prisoners of war of Central Powers, working and living conditions of German war prisoners.

S. Buranok

Pearl Harbor and the US broadcast of December 7, 1941

Analysis of the US broadcast (7 December 1941) is important for the understanding the Pearl Harbor image-building. The comparative analysis helps understand the evaluation of the key battle moments and trace the impact of these evaluations on the latest historiography.

Key words: Pearl Harbor, US radio, USA, World War II.

O. Erokhina

The participation of German colonists in the formation of the industrial base of the South Russian region in the second half of XIX – early XX century

The article discusses the contribution of German colonists in the formation of the industry in the south of the Russian Empire. Initially, companies were created for the processing of agricultural products and meeting the needs of the colonies. However, growth in demand for goods and a desire for prosperity contributed to the creation of enterprises outside the colony.

Key words: the Russian Empire, South Russian region, industry of the South Russian region, Germans in the Russian Empire, German colonists

M. Fyodorova

Improvement of the approaches to the formation of the image of the Novosibirsk region in the Internet

The author points out burning issues connected with the development of modern image strategy of Novosibirsk region in the Internet that could make the region recognizable on a federal level. The author proposes certain ideas to the Government of the Novosibirsk region as to the main body in the formation of the image of the region.

Key words: formation of the image, image strategy of the region, Novosibirsk region, Governor's blog, regional image studies.

V. Kalmykov

Knightly ideal of war and military art of the Western Europe in the XIV–XV centuries

The article is devoted to the development of military affairs in medieval Europe. It examines changes in military affairs in the XIV–XV centuries and the impact of these changes on the knightly class and its ideology.

Key words: almogávares, battle at Agincourt, battle at Crecy, battle at Poitiers, chivalry, Hundred Year's War 1337–1453.

O. Kovaleva

The role of the Orthodox clergy of Volyn and Rivne in the struggle for cultural traditions and Christian values and ideals in modern Ukraine

The article analyzes cultural, political, spiritual and religious events in modern Ukraine, their origins and significance for the further development of society. The author interprets the ambiguity of activity of the people who lead the State in relation to the preservation of cultural heritage, traditional religion, the spiritual heritage of the Ukrainian people. The author also characterizes the role of the Orthodox clergy of Volyn and Rivne in the struggle for cultural traditions and Christian values and ideals.

Key words: Volyn, Rivne, Orthodox clergy, cultural traditions of Ukraine, Christian values, canonical Orthodoxy, Rivne Diocese, Ukrainian Orthodox Church.

M. Likhachev

Globalization and World War I: collapse of the first model of the global economy

The article considers the first model of the global economy that emerged in the late XIX – early XX centuries. The author carries out a comparison of the basic parameters of globalization of the world market in this period with the current state of the global economic system. The central object of analysis is the social and economic contradictions which led to the destruction of the global economic system in the early twentieth century and the beginning of the First World War.

Key words: globalization, industrial revolution, First World War, international competition, middle-class, nationalism.

K. Melikova

Confucianism and relations between Generations in Ancient China

The article examines the history of relations between generations in Ancient China before and after the appearance of the teachings of Confucius, and the influence of Confucian teaching on the politics and culture of the

country. The author reflects on the principles of the patriarchal family relations, where the family is a microcell of the state, and, respectively, the relationship between the government and the people of Ancient China.

Key words: ancient Chinese civilization, Confucianism, relationships between generations, patriarchal family, gerontodespotiya, bureaucratic administration.

E. Mirenkova

Factor Analysis of Gender Inequality in Russian State Policy

The article justifies the use of the method of «factor analysis» by which one can make a conclusion about the condition of maturity of the gender state policy not only theoretically but also practically, and can predict possible political consequences. A basis of the factor analysis is formed by correlations between rates of gender policy and factors that influence these correlations. The use of correlation analysis lets us determine strategy priorities for the development of this sphere of the state policy, work out effective measures to implement the gender policy in the state general policy and also distribute rationally financial resources of the state.

Key words: gender policy, state policy, politics, factor analysis, correlation analysis in politics, correlation connection, political process.

M. Soboleva

The history of development of the European Union in 1946–2010

The article reviews economic and political problems of integration development of the European Union up to 2010. The author analyses the influence of the crisis of 2008 on the European Union economy as well as problems of the debt crisis that started in many countries including the EU members in 2010. The article presents main achievement of the present stage of development as well as the realization of the idea of the four freedoms within the EU – the free movement of people, goods, services and capital. The author comes to the conclusion of the necessity of development of more effective tools for assessment of the level of requirements for the country-candidate for the new member of the EU. Moreover, the author points out a problem of a great number of countries in decision making in the EU.

Key words: the European Union, European integration, free movement of capital in Europe, free movement of people in Europe, heterogeneity of the EU members development, debt crisis in Europe, crisis of 2008.

V. Ovsyannikov

New history of Asian countries or the history of Asian countries in the New Age

The article debates the issue of reconsideration of the periods of new history of Asian countries. As the corner stone of the issue the author points the question of the property in the traditional society and its forms of government. The author presents a comparative analysis of the articles of social development of Asia and Europe.

Key words: system formation and system destruction factors, new history, private and state forms of property, colonialism, social revolution, secondary capitalism, the multifactorial nature in history.

O. Zakharchuk

The South-West Frontier of the Russian Empire in the Plans of Napoleon Bonaparte: Myths and Reality of Soviet Historiography (second half of the 1920's – middle of the 1980's)

The article analyzes the views of Soviet historians on the plans of Napoleon's France concerning the south-west provinces of the Russian Empire.

Key words: Soviet historiography, Napoleon Bonaparte, general M. Sokolnitsky, L.V. Stepankovsky, I.L. Borshchak, the Russian Empire, south-west provinces, Habsburg Empire, war of 1812, "Napoleonide".

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А.А. Алексеева
Обложка, макет
М. В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2014.4

Электронная версия журнала: mggu-sh.ru

Сдано в набор 01.12.2014 г.
Подписано в печать 10.12.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.